

3) *О предохраненіи себя отъ молніи и громовыхъ ударовъ.* Сочиненіе сіе распространило пастоящія понятія о сихъ ужасныхъ дѣйствіяхъ природы и нѣтъ сомнѣній, что по содержанію своему спасло жизнь многихъ; въ немъ же преподаны правила устраивать громовые отводы по новѣйшему способу.

4) *Система физики, въ двухъ томахъ.* Сочиненію сему подобнаго не находится ни на какомъ языкѣ. Статьи о сдѣленіи тѣлъ, о движеніи совершенно новы. Матеріалы собираемы для сего сочиненія съ 1798 года. Оно обработано съ величайшимъ тщаніемъ. Г. Стойковичъ принесъ оное въ подарокъ университету.

5) *Астрономія физическая.* Явленія неба представлены здѣсь въ краткомъ, но полномъ и систематическомъ видѣ; въ немъ показывается *a posteriori* движеніе земли около оси своей и всѣ новѣйшія открытія астрономовъ помѣщены на своихъ мѣстахъ. Статьи о новооткрытыхъ 4 планетахъ и о лунѣ новы.

6) *Физическая географія.* Сочинитель осмѣливается сказать, что подобнаго полного сочиненія о явленіяхъ земнаго шара ни на какомъ языкѣ не находится. Новыя статьи суть о возвышеніи надъ горизонтомъ земныхъ предметовъ—о воздушныхъ камняхъ и о связи ихъ съ огненными шарами и подобными огненными метеорами—о предсказаніи погоды и проч.

Тутъ же Стойковичъ перечисляетъ и квалифицируетъ и всѣ остальные свои болѣе мелкіе труды; но о нихъ мы упомянемъ впоследствии. Теперь же только приведемъ еще одну очень характерную выдержку изъ его просьбы о наградѣ за эти изданія, обращенной къ попечителю Гр. Потоцкому въ 1817 г. (т. е. послѣ извѣстнаго увольненія его изъ университета).

„Сіятељвѣйшій графъ м. г.! Во время послѣдняго отсутствія вашего въ чужихъ краяхъ, при всѣхъ многотрудныхъ должностяхъ, кои я отправлялъ при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ, занимаясь я классическими сочиненіями, для пользы его и его учебнаго округа. Я издалъ *полный* курсъ той науки, для преподаванія которой приглашенъ былъ изъ чужихъ краевъ, и каковаго едва ли кто либо другой по своей части издалъ. Наука въ сочиненіяхъ моихъ представлена въ томъ новомъ видѣ, съ тѣми новѣйшими открытіями, каковы въ ней до самаго изданія сдѣланы. Сочиненіями моими распространены истинныя понятія о предметахъ насъ окружающихъ во всей обширной Имперіи. Кромѣ физическаго курса, печатаннаго на моемъ иждивеніи, принесъ я въ подарокъ университету сочиненіе мое, *систему физики*, запечатанную въ двухъ томахъ, за кои я ничего не получилъ. Я смѣло

утверждаю, что подобнаго сему сочиненію ни на какомъ языкѣ еще не существуетъ.

Всѣ сіи обстоятельства вамъ, сіятельнѣйшій графъ, не извѣстны были по причинѣ отсутствія вашего, я же, бывъ уволенъ по болѣзни отъ университета, не имѣлъ доселѣ случая оныя вамъ объяснить.

Ваше сіятельство, яко бдительный начальникъ, всегда отдавали справедливость трудамъ вашихъ подчиненныхъ, и ежели сочинитель *одного* токмо сочиненія классическаго имѣетъ право ожидать отличія, то тѣмъ болѣе я ласкаю себя надеждою, что вы, за изданіе *многихъ*, не оставите обратить вниманіе вашего начальства на труды мои¹⁾.

Какъ видимъ изъ приведеннаго документа, Стойковичъ не отличался скромностью; его записка представляетъ образчикъ того искательства, которое было въ ходу въ то время, и служить цѣннымъ источникомъ не столько для оцѣнки его научныхъ трудовъ, сколько для характеристики его нравственной личности. На изслѣдованія научныя онъ смотрѣлъ, очевидно, какъ на торговое предпріятіе, и требовалъ себѣ за нихъ награды и барыша. Труды эти отличались нѣкоторыми достоинствами, но его собственная оцѣнка преувеличиваетъ ихъ значеніе: едва ли они могутъ быть названы классическими даже въ такомъ смыслѣ этого слова, въ какомъ это выраженіе примѣнялось къ пособіямъ, изданнымъ Осиповскимъ или Рижскимъ. Уже неизвѣстный намъ современникъ отмѣтилъ искательство и самохвалство Стойковича, сдѣлавъ цѣлый рядъ приписокъ на представленіи о немъ; въ этихъ отмѣткахъ онъ говоритъ, что за нѣкоторые изъ указанныхъ сочиненій Стойковичъ получилъ уже награду, что часть своихъ изданій онъ продалъ за хорошія деньги главному правленію училищъ и что его основы физики не были одобрены къ изданію. Мы отъ себя прибавимъ, что эта книга вызвала въ свое время суровую рецензію проф. Осиповскаго (на которой мы остановимся позже). Теперь же приведемъ отзывъ о сочиненіяхъ Стойковича уважаемаго проф. А. П. Шимкова.

„Первый профессоръ физики въ Харьковскомъ университетѣ *Аванасій Стойковичъ* напечаталъ за сравнительно короткій срокъ — съ 1807 по 1813 г. — нѣсколько довольно объемистыхъ трудовъ, что несомнѣнно уже само по себѣ свидѣтельствуетъ о трудолюбіи его.

Вотъ перечень этихъ трудовъ въ порядкѣ ихъ изданія:

1. *О воздушныхъ камняхъ и ихъ происхожденіи*. XLVII и 280 стр. in 8^o, въ Харьковѣ, въ университетской типографіи, 1807 г. Посвящено министру народнаго просвѣщенія графу П. В. Завадовскому. Во введе-

¹⁾ Архивъ Мин. Нар. Просв. № 6053/169.

и помещена (стр. XIX—XLVII) рѣчь „О воздушныхъ камняхъ“, произнесенная въ торжественномъ годовомъ собраніи 17 января 1807 г. при вступленіи А. Стойковича въ званіе ректора. 2. *Начальныя основанія умозрительной и опытной физики*. LIV и 450 стр. in 8^o, съ 5-ю таблицами рисунковъ (127), въ Харьковѣ 1809 г. Посвящена императору Александру I. Книга представляетъ полный курсъ физики, въ которомъ разсматриваются „явленія неорудныхъ частныхъ тѣлъ“; въ 1-мъ отдѣлѣ излагаются „явленія вещества вообще, явленія твердыхъ, капельныхъ и воздухообразныхъ тѣлъ вообще и въ особенности“, во 2-мъ „явленія мирныхъ веществъ свѣтотвора, теплотвора, электрической, гальванической и магнитной матеріи въ особенности“. 3. *О предохраненіи себя отъ ударовъ молніи во всѣхъ случаяхъ жизни*. XXXIV и 251 стр. in 8^o; помѣ того въ концѣ книги, стр. 253—286—списокъ „гг. пренумерантовъ на сіе сочиненіе“. Харьковъ. 1810 г. 4. *Система физики*, первая книга 473 стр. in 8^o, съ 17-ю табл. рисунковъ (87), Харьковъ. 1813 г. Эта книга можетъ быть разсматриваема, какъ начало 2-го, значительно дополненнаго изданія книги „Начальныя основанія умозрительной и опытной физики“, такъ какъ нѣкоторые параграфы „системы физики“ представляютъ простую перепечатку изъ „Начальныхъ основаній“. Особенно много дополненій сдѣлано въ статьѣ о движеніи твердаго тѣла вообще въ отдѣлѣ механики. Книга обнимаетъ только „Физику вѣчнаго вещества“, въ томъ числѣ и ученіе о движеніи. 5. *Начальныя основанія физической астрономіи*, IV и 252 стр., in 8^o, Харьковъ, 1813 г.

Всѣ названныя книги показываютъ, что А. Стойковичъ обладалъ прекраснымъ общимъ и философскимъ образованіемъ, что онъ читалъ нѣсколькихъ европейскихъ языкахъ — французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, не говоря о латинскомъ и русскомъ, — что онъ былъ знакомъ съ литературою своего предмета, какъ видно изъ длинныхъ цѣлѣйшей сочиненій и мемуаровъ, которыми онъ пользовался, что онъ хорошо владѣлъ русскимъ языкомъ и даромъ письменнаго изложенія, что, такимъ образомъ, по образованію и способностямъ, Стойковичъ былъ полнымъ представителемъ европейской цивилизаціи; въ то же время въ одномъ изъ названныхъ трудовъ не виденъ спеціалистъ и самостоятельный изслѣдователь въ какой либо области естествознанія, что почему, имѣя въ виду состояніе естественныхъ наукъ въ то время, не должно удивлять насъ: естественныя науки не достигли тогда степени раздѣленія, которая явилась впоследствии, какъ результатъ накопленія необозримой массы фактическаго матеріала, и пошла за собою узкую спеціализацію какъ отдѣловъ науки, такъ и ученыхъ. Этому соотвѣтствуетъ обширный кругъ предметовъ, о которыхъ

писалъ Стойковичъ и которые, въ его время, входили въ составъ физики, какъ видно изъ опредѣленія „порядка“ его „Системы физики“ (стр. 65, § 40) значительной части котораго онъ не успѣлъ, однако, выполнить. Въ эту „Систему“, согласно предположенному „порядку“, входили слѣдующія составныя части съ ихъ подраздѣленіями:

Физика теоретическая { I. Явленія вѣсимаго вещества.
II. Явленія невѣсимаго вещества.

Физика { I. Явленія міровыхъ тѣлъ { A. Міровыхъ тѣлъ вообще.
тѣлъ { B. Земнаго шара въ особенности.
прикладная { II. Явленія оруднаго (органическаго) вещества. { A. Явленія растений.
{ B. Явленія животныхъ.

Прибавленія: I. Теорія начала и образованія міра (Cosmogonia).
II. Теорія начала и образованія земли (Geogonia).

Сколько-нибудь подробное разсмотрѣніе содержанія сочиненій Стойковича могло бы представить интересъ только при сопоставленіи ихъ съ аналогичными трудами его современниковъ, что не входитъ въ рамки настоящей замѣтки, и потому мы ограничимся лишь нѣсколькими замѣчаніями, направленными къ тому, чтобы извлечь изъ разсматриваемыхъ сочиненій указанія, способныя характеризовать автора ихъ. Мы сказали уже выше, что ни въ одномъ изъ своихъ трудовъ Стойковичъ не является самостоятельнымъ изслѣдователемъ, но что въ немъ виденъ хорошо образованный и способный писатель-компиляторъ, и этимъ объясняются какъ нѣкоторыя, бросающіяся въ глаза упущенія его, такъ и непоследовательность въ нѣкоторыхъ сужденіяхъ и заключеніяхъ. Такъ, несмотря на многочисленныя ссылки на французскіе ученые труды, слѣдуетъ думать, что Стойковичъ былъ хорошо знакомъ съ нѣмецкою ученою литературою и сравнительно слабо съ французскою и, можетъ быть, даже вообще и съ французскимъ языкомъ. Этимъ мы можемъ объяснить отсутствіе въ его „Системѣ Физики“ упоминанія о законѣ упругости газовъ (Маріотта—Бойля), который извѣстенъ былъ еще въ 17-мъ столѣтіи, и это несмотря на то, что имена Маріотта и Бойля упоминаются въ историческомъ введеніи въ „Системѣ Физики“ (стр. 34). Этимъ же самымъ можно объяснить полное противорѣчіе между русскимъ текстомъ и приводимою здѣсь же, внизу страницы, французскою цитатою; на 162 стр. его сочиненія „О воздушныхъ камняхъ“ въ текстѣ читаемъ: „французскіе академики Фужеру, Каде и Лавоазіе, коимъ препорученъ былъ для изслѣдованія сообщенный Башеламъ камень, объяснились: мы должны заключить, что уже по химическому разложенію, не входя въ дальшія обстоятельства, представленный г. Башеламъ камень, обязанъ своимъ

происхожденіемъ молніи“, въ выносѣ же—слѣдующая цитата изъ мемуара названныхъ академиковъ: „nous croyons donc devoir conclure d'après seule analyse et independemment d'un grand nombre d'autres raisons, qu'il se-rait inutile de detailler, que la pierre présentée par M. Bachelay ne doit point son origine au tonnerre, qu'elle n'est point tombée du ciel...“

Что Стойковича болѣе занимало изложеніе, чѣмъ наблюденіе и вслѣдованіе, это видно и изъ слѣдующаго: сообщалъ подробныя свѣдѣнія о метеорѣ, упавшемъ между Ахтыркою и Сумами 1 октября 1787 г., Стойковичъ приводитъ подлинныя сообщенія свидѣтелей этого явленія, приводитъ даже наружное описаніе камня, сдѣланное адъюнктомъ Мауиломъ Кригеромъ, и химическій анализъ того же камня, сдѣланный профессорами Шнаубертомъ и Гизе. Такимъ образомъ вся статья представляется составленною изъ сообщеній свидѣтелей и экспертовъ, сохраненныхъ и представленныхъ нашимъ авторомъ. Невольно рождается подозрѣніе, что и длинные списки ученыхъ трудовъ, на которые ссылается авторъ, и, можетъ быть, даже отдѣльныя цитаты изъ нихъ получались другимъ лицамъ, чѣмъ можно бы объяснить, какъ крупныя пробѣлы, такъ и противорѣчащія тексту ссылки въ сочиненіяхъ Стойковича. Подобныя же пробѣлы и противорѣчія представляютъ и философскія воззрѣнія Стойковича, которымъ онъ, слѣдуя обычаю того времени, удѣляетъ довольно много мѣста въ своихъ трудахъ.

Во введеніяхъ къ своимъ книгамъ „Начальныя основанія умозрительной опытной физики“ и „Система физики“, Стойковичъ ссылается на философскія воззрѣнія Декарта, Канта, Ньютона и друг., причемъ высказывается слѣдующимъ образомъ (Система физики, стр. 65 и слѣд., 38): „опытную физику не должно противопоставлять умозрительной и считать ее за часть сей послѣдней совершенно отдѣльную. Одни опыты изъ умозрѣнія (т. е. безъ того, чтобы разумъ нашъ опытовъ не слилъ, не сравнивалъ, не выводилъ изъ нихъ умозаключенія и не изъяснялъ явленія) есть дѣтская игра, достойная только однихъ шарлатановъ. Умозрѣніе и тонкія разсматриванія природы и ея силъ безъ подтвержденія опытами суть пустословія и собраніе сонныхъ мечтаній. Умозрѣніе и опытность должны шествовать равными шагами, такъ чтобы изъ опытовъ умъ выводилъ истины, объясняющія явленія природы, и никакая умомъ выведенная истина на опытности была основана“.

Изъ этого можно было бы заключить, что Стойковичъ имѣлъ вполнѣ правильныя понятія о методахъ естествознанія, что онъ усвоилъ основныя воззрѣнія Канта и Ньютона и не станетъ нигдѣ вдаваться въ метафизику, но на самомъ дѣлѣ оказывается иное, чему можно привести не мало примѣровъ. Такъ, на стр. 63 той же „Системы физики“, читаемъ:

„.... вещество наполняетъ пространство не однимъ бытіемъ своимъ, но силою отразительною всѣхъ своихъ частей и безъ оной силы вещество не могло бы наполнять пространства. Итакъ, вещество одарено силою отразительною, которую такъ, какъ *первую и начальную* почитать должно“. Говоря въ той же книгѣ объ упругости твердыхъ и жидкихъ тѣлъ, нашъ авторъ даетъ сравнительно много опредѣленій, приводитъ мнѣнія предшественниковъ о причинахъ упругости, но не цитируетъ нѣкоторыхъ опытовъ и основанныхъ на нихъ выводовъ, которые въ то время уже были сдѣланы, напр. закона Гука. Въ книгѣ „О воздушныхъ камняхъ“ онъ склоняется въ пользу мнѣнія, что они образуются въ земной атмосферѣ, ссылаясь на превосходство природы предъ искусствомъ людей, на невозможность „оспорить природу въ силѣ“, образовать въ атмосферѣ вещества, которыя она „образуетъ во внутренности земной“, ссылаясь, наконецъ, и на то, что такое объясненіе представляется „достойнымъ“ природы. Не увеличивая числа подобныхъ ссылокъ, мы можемъ сказать вообще, что Стойковичъ не всегда соблюдалъ имъ же (см. выше) высказанныя требованія о равновѣсіи между „умозрѣніемъ и опытностью“, — и въ этомъ отношеніи онъ былъ истиннымъ отраженіемъ современнаго состоянія европейской науки, которую онъ переносилъ въ Россію съ томъ видѣ, какъ самъ ее усвоилъ. Я полагаю поэтому, что указанные выше недостатки его трудовъ, въ особенности же ихъ компилятивный характеръ, дѣлаетъ излишнимъ болѣе подробную оцѣнку ихъ въ научномъ отношеніи. Этимъ, однако, не умаляется значеніе этихъ трудовъ ни для профессорской дѣятельности Стойковича, которой они служили существеннѣйшимъ подспоріемъ, ни для русской научной литературы, которая и до настоящаго времени не можетъ похвалиться обиліемъ печатныхъ руководствъ и ученыхъ монографій: для того и другого книги Стойковича должны были имѣть большое значеніе въ свое время, и изданіе ихъ слѣдуетъ несомнѣнно поставить въ большую заслугу, какъ ихъ автору, такъ и общему настроенію университетской коллегіи и общества, безъ поддержки которыхъ такая усиленная научно-литературная дѣятельность не могла бы осуществиться“.

Столь же плодовитымъ, но гораздо болѣе самостоятельнымъ ученымъ былъ профессоръ Фердинандъ Гизе, проявившій кипучую дѣятельность въ Харьковѣ и развившій здѣсь, можно смѣло сказать, и свой недюжинный талантъ. Представляемъ отзывъ о немъ, специально для насъ составленный уважаемымъ специалистомъ профессоромъ химіи Г. И. Лагермаркомъ.

„Фердинандъ Гизе былъ одинъ изъ выдающихся профессоровъ Харьковского университета. Обладая обширными познаніями не только

въ своей спеціальности, но и въ близкихъ къ ней наукахъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ широкое философское образованіе. Эти качества въ связи съ искренней любовью къ наукѣ, съ рѣдкимъ трудолюбіемъ и съ строгой научной критикою сдѣлали изъ него крупнаго ученаго, имя котораго было извѣстно и пользовалось уваженіемъ далеко за предѣлами Россіи. Начало нашего столѣтія вообще изобилуетъ крупными, въ исторіи развитія человѣчества, именами. Особенно сказанное относится къ исторіи химіи. Начало 19 столѣтія въ исторіи химіи есть періодъ возрожденія, періодъ, когда, послѣ открытія кислорода и объясненія процесса горѣнія Лавуазье, а также послѣ установленія важности опредѣленія вѣсовыхъ отношеній, химія какъ наука вышла на новую дорогу и началась та оживляющая, кипучая работа ученыхъ, которую теперь, спустя почти столѣтіе можетъ изучать историкъ только съ величайшимъ, восторженнымъ удивленіемъ. Въ это время пришлось жить и имѣть научную дѣятельность Фердинанду Гизе. Въ блестящей плеядѣ великихъ именъ—Кориолиса, Клапейрона, Менделѣева, выработавшихъ своими гениальными изслѣдованіями тѣ основы химіи, на которыхъ зиждется теперешняя химія, имя Гизе не встрѣчается. Но все же Гизе нужно отнести къ ряду выдающихся химиковъ начала 19-го столѣтія, а его имя упоминается въ ученыхъ фактахъ его современниковъ съ эпитетомъ „ревностнаго и основательнаго изслѣдователя“. На такое мнѣніе своихъ современниковъ Гизе имѣлъ неоспоримое право. Рядъ изслѣдованій и критическихъ статей по различнымъ вопросамъ, не говоря о многочисленныхъ выдающихся сочиненіяхъ, ставитъ его имя много выше средняго уровня и создаетъ ему ту прочную славу и уваженіе, которыми онъ по справедливости пользовался.

Послѣ нѣсколькихъ мелкихъ работъ, опубликованныхъ имъ въ молодости, Гизе издалъ свое первое болѣе замѣчательное сочиненіе: „*Von den chemischen Processen und den dabei sich darbietenden Erscheinungen*“ (Берлинъ 1804), работу, въ которой онъ разбираетъ физико-химическую сторону химическихъ явленій. Переведенный затѣмъ преподавателемъ химіи во вновь созданный Харьковскій университетъ, Гизе, попавъ въ новую, чуждую ему обстановку, не смотря на отсутствіе благоустроенной химической лабораторіи, тѣмъ не менѣе продолжаетъ работать и развиваться научно. Было что то лихорадочно-кипучее въ этой научной его дѣятельности. Отнюдь не слѣдуетъ, однако, думать, чтобы эта послѣдняя имѣла характеръ спѣшной, неосновательной работы. Напротивъ, всѣ его работы строго продуманы, проведены образцово и изложены простымъ, сжатымъ, яснымъ языкомъ. Отсутствіе благоустроенной химической лабораторіи, по всей вѣроятности, служило поводомъ къ тому, что первая научная дѣятельность Гизе въ Харьковѣ была преимущественно

литературная. Такимъ образомъ онъ издалъ свой „*Lehrbuch der Pharmacie*“, *Riga und Leipzig 1806—1811* г., въ четырехъ томахъ, сочиненіе, которое по содержанію скорѣе слѣдовало бы назвать учебникомъ химіи по примѣненію къ фармаціи, чѣмъ фармаціею. Послѣдній, четвертый, томъ этого сочиненія посвященъ изложенію ученія объ органическихъ соединеніяхъ и основанъ на тогдашнемъ состояніи науки и на системѣ, выработанной самимъ Гизе на основаніи собственныхъ изслѣдованій. Системѣ этой авторъ придавалъ особенное значеніе и потому, для ознакомленія болѣе широкаго круга ученыхъ съ нею, издалъ ее въ видѣ отдѣльной брошюры подъ заглавіемъ „*Classification des substances végétales et animales selon leurs propriétés chimiques*“, *Moscou 1810*. Цѣль эта повидимому, однако, не была достигнута; по крайней мѣрѣ Гизе самъ въ одной изъ своихъ журнальныхъ статей горько жалуется на малое вниманіе къ этой работѣ со стороны ученаго міра.

Не смотря на отсутствіе благоустроенной химической лабораторіи, Гизе тѣмъ не менѣе продолжалъ также практическую лабораторную работу. Какъ извѣстно, въ то время всякія мѣстные нужды находили живой откликъ въ университетѣ, спѣшившемъ отзываться и содѣйствовать рѣшенію вопросовъ, интересовавшихъ тогдашнее общество. Въ этой благотворной работѣ участвовалъ по мѣрѣ силъ и возможности и Фердинандъ Гизе. Въ этомъ отношеніи ему принадлежитъ рядъ изслѣдованій мѣстныхъ минеральныхъ водъ и глинъ; онъ же въ особой брошюрѣ изложилъ лучшіе способы добыванія селитры, вещества, когда-то составлявшаго въ сельскохозяиственномъ дѣлѣ въ Малороссіи немаловажный побочный продуктъ; добываніе его одно время особенно покровительствовалось правительствомъ. Къ области изысканій Гизе по мѣстнымъ вопросамъ относится также его изслѣдованіе совместно съ проф. Шнаубертомъ и проф. физики Стойковичемъ аэролита, упавшаго въ с. Бобрѣикѣ Сумск. уѣзда 1 октября 1787 года. Такое же изслѣдованіе было произведено Гизе относительно аэролита, упавшаго въ Бахмутѣ 3 февраля 1813 года. Изъ дѣятельности Гизе по вопросамъ мѣстнымъ выдается еще его рѣчь на нѣмецкомъ языкѣ на университетскомъ актѣ 1807: „Обзоръ успѣховъ естествознанія и изслѣдованій Россіи“.

Но наиболѣе замѣчательная изъ всѣхъ литературныхъ работъ Гизе есть его „*Всеобщая химія для учащихся и учащихся*“. Сочиненіе это въ пяти томахъ переведено съ нѣмецкой рукописи профессоромъ физики Харьковскаго университета В. Комлишинскимъ и издано въ Харьковѣ въ 1813—1817 г. Важность этой работы въ то время съ очевидностью доказывается уже тѣмъ фактомъ, что она издана была на средства, ассигнованныя министерствомъ народнаго просвѣщенія специально для этой цѣли.

Дѣйствительно, сочиненіе это вполне заслуживало того вниманія, котораго оно удостоилось отъ ученаго міра и министерства. „Всеобщая химія“ Гизе содержитъ въ себѣ все существенное, что было извѣстно въ наукѣ въ началѣ 19-го вѣка. Авторъ въ сжатой формѣ съ необыкновенной ясностью и полнотою излагаетъ въ этомъ сочиненіи матеріалъ химіи, начиная съ самыхъ простыхъ вопросовъ и до самыхъ сложныхъ. Въ свое время „Всеобщая химія“ Гизе была образцовымъ руководствомъ по химіи и такимъ образомъ въ Россіи въ началѣ нашего столѣтія было издано сочиненіе по химіи, равнаго которому не могли представить многія страны. Если сравнить руководство по химіи Гизе съ сочиненіями, изданными въ ближайшее время послѣ его изданія въ другихъ странахъ, то единственное сочиненіе, съ которымъ можно сравнивать его, есть извѣстный трудъ Берцелиуса, вышедшій спустя 10 лѣтъ послѣ появленія въ свѣтъ книги Гизе. Изданіе въ то время спеціальнаго сочиненія, обънимающаго всю химію, должно было встрѣчать особыя затрудненія въ отсутствіи выработанной научной терминологіи на русскомъ языкѣ. Эти затрудненія пришлось преодолѣть переводчику, проф. Комлишинскому. Справедливость требуетъ признать, что проф. Комлишинскій блистательно справился съ этой трудной задачей. Научный языкъ „Всеобщей химіи“ Гизе, отчасти созданный проф. Комлишинскимъ, хотя съ нѣсколькими тяжелой, непривычной для нашего уха терминологіею, удобопонятный и по смыслу вполне соотвѣтствуетъ той нѣмецкой терминологіи, по образцу которой пришлось создать русскую химическую терминологію. Въ послѣдствіи многіе изъ предложенныхъ Комлишинскимъ научныхъ терминовъ были замѣнены другими, болѣе легкими или болѣе благозвучными, но многое осталось еще и теперь.

Послѣднее изъ сочиненій, принадлежащихъ перу Гизе, есть его „*Darstellung der allgemeinen Chemie behufs seiner Vorlesungen*“ Dorpat. 1820. Сочиненіе это есть собственно начало большой задуманной Гизе работы по химіи и замѣчательно въ томъ отношеніи, что это первая печатная физико-химія. Она замѣчательна еще и потому, что въ ней мы видимъ Гизе, дошедшаго до высшей степени своего ученаго и умственнаго развитія. Въ этой работѣ мы встрѣчаемся съ тѣмъ же удивительно простымъ языкомъ, яснымъ, опредѣленнымъ взглядомъ на вопросы и съ той же строго-логической критикой, которая вездѣ характеризуетъ Гизе во всѣхъ его сочиненіяхъ. Работа эта, конечно, въ наше время устарѣла, но еще и теперь читается съ интересомъ.

Научныя заслуги Гизе однако не исчерпываются вышеприведенными сочиненіями. Не смотря на отсутствіе благопріятныхъ условій для химической работы, Гизе не переставалъ всю жизнь заниматься хими-

ческими изслѣдованіями по различнымъ вопросамъ. Результатами этихъ изслѣдованій является рядъ статей, опубликованныхъ имъ въ научныхъ журналахъ того времени. Статьи эти были напечатаны главнымъ образомъ въ „Scherers Allgemeines Journal der Chemie. Gohlens Neues allgemeines Journal der Chemie, Gilberts Annalen der Physik, Scherers Allgemeine nordische Annalen der Chemie, Schweigers Journal für Chemie und Physik, Memoires de la Societé des Naturalistes à Moscou“ и т. д. Гизе издавалъ въ 1809 и 1810 гг. совместно съ Гринделемъ Russische Jahrbücher der Pharmacie и состоялъ постояннымъ сотрудникомъ „Journal für Chemie und Physik“ Швейгера. Здѣсь не мѣсто входить въ критическую оцѣнку опубликованныхъ Гизе въ различныхъ журналахъ научныхъ статей и изслѣдованій по разнымъ вопросамъ. Мы можемъ только отмѣтить, что во всѣхъ его научныхъ статьяхъ и изслѣдованіяхъ, какъ красная нить, проходитъ основательность и осмотрительность работы, строго-критическое отношеніе къ собственнымъ трудамъ и изслѣдованіямъ другихъ лицъ.

Къ заслугамъ Гизе относительно Харьковскаго университета нужно также причислить и то, что подъ его руководствомъ развился и выработался ученый, впоследствии замѣнившій Гизе по кафедрѣ химіи въ Харьковскомъ университетѣ. Это былъ И. Сухомлиновъ, ученикъ и преемникъ Гизе, начавшій свою научную дѣятельность подъ его руководствомъ и опубликовавшій въ 1815 г. свою первую статью „о природѣ окисленной соляной кислоты“, работу, произведенную по мысли Гизе съ цѣлью доказать элементарность хлора вопреки существовавшему въ то время у многихъ первокласныхъ химиковъ (въ томъ числѣ и у Берцеліуса) убѣжденію въ томъ, что тѣло это есть кислородное соединеніе неизвѣстнаго элемента, „мурія“.

Гизе рано оставилъ Харьковскій университетъ, научному развитію и славѣ котораго онъ немало содѣйствовалъ. И въ приглашеніи его на кафедру химіи Дерптскаго университета, въ то время славившагося учеными трудами своихъ членовъ и ставшаго однимъ изъ первокласныхъ въ научномъ отношеніи университетовъ въ Европѣ, нельзя не видѣть публичнаго признанія великихъ научныхъ заслугъ и значенія Гизе, пріобрѣтенныхъ имъ въ Харьковскомъ университетѣ, гдѣ произошло его главное научное развитіе, не смотря на неблагоприятныя вѣншія условія. Перешедши въ Дерптъ, Гизе продолжалъ заниматься также неутомимо какъ и въ Харьковѣ, не смотря на то, что административныя должности сначала декана, потомъ ректора, поглощали у него много времени. Горючая любовь къ наукѣ и неутомимая жажда научной дѣятельности не оставляли его и тогда, когда физически надломленный болѣзнь онъ

долженъ былъ бы искать отдыха послѣ многолѣтнихъ работъ для лѣченія и восстановленія силъ. Смерть его застала въ дорогѣ въ Эмсъ, куда онъ поѣхалъ для пользованія водами, оставивъ неоконченными многія начатыя важныя работы. Ученый міръ лишился въ его лицѣ крупной научной силы, отъ которой можно было бы ожидать еще многого. (Гизе умеръ сравнительно въ молодомъ возрастѣ—ему было всего 40 лѣтъ)“.

Чтобы дать понятіе о содержательности трудовъ Гизе, остановимся немного на его монографіи *„О выгоднѣйшемъ способѣ добывать и очищать селитру, основанномъ на химическихъ началахъ“*. X. 1811 г., XVIII, 233. Трудъ этотъ посвященъ былъ Государю и въ посвященіи говорилось: „Государь, при всѣхъ своихъ неуспынныхъ попеченіяхъ о благѣ народа, удостоиваетъ вниманія и всѣ тѣ предметы, кои могутъ имѣть вліяніе на отечественную промышленность; это даетъ смѣлость и автору повергнуть къ Его стопамъ настоящее сочиненіе, содержащее наставленія для усовершенствованія важнѣйшей отрасли отечественной промышленности — селитропроизводства. Намѣреніе мое состояло въ томъ, чтобы явить хотя слабое доказательство моихъ стараній быть полезнымъ своими знаніями обществу“. Въ предисловіи Гизе говоритъ: „я чувствовалъ себя въ состояніи содѣйствовать сему намѣренію (распространенію химическихъ свѣдѣній) и тѣмъ достойнымъ образомъ выполнить одну изъ обязанностей, предлежавшихъ мнѣ яко человѣку, принятому въ граждане Россійскаго государства...“ „Сочиненіе это содержитъ правила, какимъ образомъ селитровареніе въ Россіи несравненно выгоднѣе и прибыточнѣе впредь производимо быть можетъ“. Придавая практическую цѣль своей книгѣ, Гизе соглашается, чтобы его командировали на мѣста промысловъ для обученія новымъ приѣмамъ (однако, примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ) промышленниковъ. Вся книга состоитъ изъ 11 главъ. 1-я глава трактуетъ о составныхъ частяхъ селитры, 2-я—въ частности о составныхъ частяхъ селитряной кислоты, 3-я — о способѣ образованія селитры, 4-я—объ условіяхъ, при коихъ получается селитра въ заводахъ, 6-я и 7-я—о правилахъ устройства селитряныхъ заводовъ, 8-я — заключаетъ въ себѣ подробное наставленіе о производствѣ селитры, 9-я — о признакахъ зрѣлой селитряной земли, 10-я — содержитъ описаніе способа, посредствомъ котораго нужно добывать въ селитроварняхъ сырую селитру, 11-я — указываетъ способы очищенія селитры. Здѣсь нельзя не отмѣтить стремленія Гизе принести пользу своему новому отечеству, откликнуться на общественную потребность. Селитровареніе дѣйствительно въ то время составляло важный промыселъ въ южной Россіи, но велось по старымъ рутиннымъ способамъ. Чувствовалась живая потребность въ реформѣ, въ измѣненіяхъ — и рѣшеніе этой задачи

приняли на себя съ одной стороны В. Н. Каразинъ, а съ другой—Гизе. Разница между ними состояла въ томъ, что первый былъ талантливый любитель и остроумный изобрѣтатель, второй же—ученый специалистъ, стоявшій на твердой научной почвѣ. Оба съ разныхъ концовъ подходили къ дѣлу, но сходились въ одномъ существенномъ пунктѣ—въ необходимости новыхъ болѣе усовершенствованныхъ способовъ добыванія этого продукта. Наконецъ, чтобы дать полное понятіе о научной продуктивности Гизе, помѣщаемъ въ примѣчаніи списокъ его ученыхъ трудовъ за время пребыванія въ Харьковѣ ¹⁾.

¹⁾ 1. Von den chemischen Processen, den dabey sich darbietenden Erscheinungen. Berlin. 1804.

2. Phisikalisch chemische Beschreibung verschiedenen salziger Mineralwasser und Thon (по рус.).

3. Lehrbuch der Pharmazie (выдержало 6 изданій).

4. Classification des substances végétales et animales selon leurs propriétés chimiques. M. 1810.

5. Ueber die benzoësäure im Pferdharne (Journal der Chemie Scherers (Bd. VII, 1801, s. 581); Ueber den Geruch der Benzoësäure (Bd. VIII, 1802, s. 170 и 259); Untersuchung des Sandarak, Entdeckung eines neuen Stoffes (Bd. IX, 1802).

6. Ueber die Darstellung der Benzoësäure aus dem Pferdeharne und über die beste Reinigungsmethode derselben (Journal der pharmacie Tromsdorfs Bb. X, 1803). Ueber den Schwefeläther; pharmaceutisch-chemische Bemerkungen; Ueber die Unsicherheit der blauen Pflanzentincturen (ib.).

7. Bemerkungen über die Zubereitungen verschiedener Magistarformen (Berl. Jahrbuch für die Pharmazie. 1804).

8. Sur la nature et la formation de la tourbe (Mem. de la société des Naturalistes de l'université imperiale de Moscou, I, 1806); sur l'osmium, l'iridium, le rhodium et le palladium (ib., II, 1809); De l'acide benzoïque dans l'urine des chats (ib., II); Indices de sulfate de soude, de sulfate de fer, de soufre et de tourbe dans le gouvernement de Charkow (ib., II).

9. Hauptzüge von den Fortschritten, welche die Naturforscher Russlands in der Kenntniss vaterländischer Naturerzeugnisse gethan haben und von denen welche noch zu thun übrig sind, eine Rede am Stiftungstage der Universität Charkow den 17 jan. 1807 (переп. въ Митаусchen Wöch. Unterh. Bd. 6, s. 359—368, 1807).

10. Bestimmung der Verhältnisse, in welchen sich die Kohlenstoffsäure mit dem kali verbindet (Rus. Jahrb. der pharmazie Grindels. Bd. VI, 1808, p. 30—50); Von der Bildung und den Bestandtheilen der Quecksilbermoehre und des Zinnobers (ib., 50—67).

11. Ueber das grüne Satzmehl (Rus. Jahrb. für die Chemie und Pharmazie. Bd. I, 1809, 1—29); Ueber verschiedene Lehren und Erfahrungen Winterls (ib. 29—93).

Вмѣстѣ съ Шнауберомъ: 1) Analyse der am 1 oct. 1787, im Charkower Gouvernement gefallenen Meteorsteine (Annalen der Physik Gilberts Bd. XXXI, 1809, p. 316—322); Ueber die chemische Nomenclatur und einige andere chemische und physikalische Gegenstände (ib. Bd. L. 95—120). Эти библиографическія свидѣнія мы извлекли изъ „Allgemeines Schriftsteller und Gelehrten Lexicon der provinzen Lifland, Estland und Kurland Recke und Napiersky. Mitau, 1829, Zweiter band, p. 53—55“, которыми пользовались въ Импер. Публ. Библиотекѣ.

На медицинскомъ факультетѣ, который вообще, какъ мы видѣли, функционировалъ слабо, мало была развита и научная дѣятельность. Тутъ слѣдуетъ отмѣтить только Пильгера, Калькау и Шумлинскаго.

Пильгеръ, какъ намъ извѣстно, писалъ очень много въ Германіи; въ Харьковѣ онъ также выпустилъ въ свѣтъ нѣсколько популярныхъ изданій. Одно изъ нихъ было вызвано эпидеміями рогатаго скота—это „*Краткія разсужденія о свирѣпствующей въ нѣкоторыхъ губерніяхъ межъ рогатымъ скотомъ заразы*“. Харьковъ, въ унив. типогр., 1809 г., 15 стр.; другое—„*Краткое практическое руководство къ излѣченію болѣзней собакъ*“. Переведено съ нѣмецкаго Александромъ фонъ Келеромъ. Харьковъ. 1809 г., 55 стр.—представляетъ переводъ стараго труда Пильгера, изданнаго въ Германіи еще до перехода его въ Россію. Интереснѣе первая брошюра, относящаяся къ довольно многочисленной серіи мѣстныхъ изслѣдованій. Въ ней авторъ говоритъ: „заразительная болѣзнь, поражающая рогатый скотъ въ здѣшней и другихъ губерніяхъ, есть горячка, происходящая отъ испареній болотъ и сопровождаемая болью во рту и въ копытахъ. Она въ припадкахъ своихъ во всемъ сходна съ такъ называемою гнилою горячкой у людей. Сія горячка оказывается всегда въ одно время у людей, лошадей и рогатаго скота; и будучи опасная болѣзнь, производитъ великія опустошенія“. Затѣмъ слѣдуетъ подробное описаніе этой болѣзни: указываются общіе и спеціальныя признаки ея въ 1-й, 2-й и 3-й періоды; далѣе говорится о наружныхъ опухляхъ, боли въ копытахъ, вскрытіи, причинахъ болѣзни, предсказаніи и исходѣ, способахъ лѣченія и діетѣ. Въ заключеніе Пильгеръ говоритъ: „вообще не нужно бы опасаться такихъ заразы, если-бъ скотоводство въ здѣшнихъ краяхъ правильнѣе и порядочнѣе наблюдаемо было и счастливымъ бы я счелъ себя, если-бъ труды мои сему вспомоществовать могли“. Во второмъ сочиненіи Пильгеръ даетъ описаніе и лѣченіе всѣхъ собачьихъ болѣзней—бѣшенства, сапа, жабы и т. п. Сверхъ того Пильгеръ напечаталъ еще въ Харьковѣ двѣ брошюры: 1) *Разсужденія о теченіи и излѣченіи овечьей оспы*. Х. 1809 г. и 2) *Таблицы о скотолѣченіи*. Х. 1809 г., но ихъ мы не видѣли. Проф. Шумляевскій напечаталъ въ 1805 году въ Харьковѣ брошюру: „*Мысли о способахъ противъ пожаровъ*“ (31 стр.), а въ Москвѣ въ 1810 году: „*Дополненіе къ сочиненію о способахъ противъ пожаровъ*“; оно посвящено извѣстному меценату графу Н. П. Румянцову и содержитъ описаніе новаго способа тушенія пожаровъ (авторъ предлагаетъ смѣсь изъ пороха, глины и воды, которая давала массу дыма, заглушавшаго огонь пожара). Безвременно угасшій, широко образованный и начитанный Калькау написалъ сочиненіе (*Introductio ad studia medica una cum tabella synoptica omnium*

disciplinarum ad medicinam pertinentium et systematice dispositarum), которое очень одобрялось его современниками.

На втором мѣстѣ послѣ руководствъ, учебниковъ и монографій должны быть поставлены *диссертаци* на ученые степени магистра и доктора. Отдѣльную и довольно многочисленную группу среди нихъ занимаютъ диссертаци по философіи учениковъ Шада. При взглядѣ на нихъ получается впечатлѣніе, что Шадъ создалъ цѣлую школу. Въ дѣйствительности, однако, это не совсѣмъ такъ. Эти лица не развивали, а только повторяли философскія воззрѣнія своего учителя. Шадъ, очевидно, съ одной стороны сѣмѣлъ внушить любовь къ своему предмету, но съ другой — подавлялъ огромной эрудиціей, умомъ, опредѣленнымъ міросозерцаніемъ своихъ молодыхъ учениковъ; они никакъ не могли освободиться отъ его авторитета и пребывали подъчасъ въ полной рабской зависимости отъ него.

Перечислимъ прежде всего всѣ диссертаци по философіи и остановимся на содержаніи нѣкоторыхъ изъ нихъ: 1) *Гессъ-де-Камье*. „Dissertatio inauguralis de genuino philosophiae caractere ejusque necessitate“. X. 1812 г., 32 стр. (на степень доктора); 2) *Хлапонина*. „De principiis et objectis suti (entis?) et de causa differentiae systematum philosophiae theoreticae. X. 1813 г., XII и 170 стр. (на степень доктора); 3) *Бразоля*. „Dissertatio inauguralis de immortalitate animorum“. X. 1814, 24 стр. (на степень магистра); 4) *Дудровича*. „Dissertatio inauguralis de philosophiae genuino conceptu nec non necssitate ejus absoluta“¹⁾. X. 1814, 47 стр. (на степень доктора). (На докторскихъ диссертацияхъ Ковалевскаго и Гриневича мы здѣсь останавливаться не будемъ, потому что онѣ изданы были уже въ 1815 году). Къ сожалѣнію, мы не удалось нигдѣ найти, можетъ быть, самой интересной диссертаци Хлапонина (ея не оказалось ни въ библіотекѣ Харьковскаго университета, ни въ Императорской публичной, ни въ Академической). А между тѣмъ она, повидимому, выделяется и по личности автора, и по своему объему. Диспутъ Хлапонина состоялся въ большой аудиторіи 11 октября 1813 г. въ засѣданіи этико-политическаго отдѣленія, въ присутствіи депутатовъ отъ совѣта — проф. Срезневскаго и Книгина. Официальными оппонентами были назначены: Шадъ, Швейкартъ и Успенскій; неофициальнымъ оппонентомъ выступилъ проф. Роммель. Публичныя лекціи Хлапонина, особенно первая о Кантѣ, были признаны Шадамъ весьма удовлетворительными; во второй (о высокомъ и прекрасномъ) докторантъ обнаружилъ большую эрудицію²⁾.

¹⁾ Мы пользовались экземплярами Имп. публичной библіотеки.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта о разныхъ предметахъ. 1813 г., № 52.

Диспутъ Ковалевскаго также прошелъ удовлетворительно, ибо совѣтъ въ 1814 году постановилъ выдать ему магистерскій дипломъ. Не останавливаясь на содержаніи диссертациі Гессъ-де-Кальве, Бразоля и Дудровича, мы приведемъ только приложенные къ нимъ тезисы, чтобы дать понятіе объ ихъ философскомъ міросозерпаніи.

Вотъ философскія положенія, выставленныя Гессъ-де-Кальве: „логика есть теорія разсудка, метафизика—теорія разума; существуетъ два способа мышленія; Кантовская дедукція категорій ошибочна; теоретическій и практический разумъ самъ по себѣ одинъ и тотъ же; существованіе Бога не только составляетъ постулаты практическаго разума, но можетъ быть съ очевидностью доказано и теоретическимъ разумомъ; свобода человѣческаго разума достовѣрна; также достовѣрно и безсмертіе душъ...; высшая цѣль гражданскаго общества—гармонія права и силы; организациія государства держится на трехъ основныхъ условіяхъ, а именно: правѣ собственности, правѣ защиты и единства и правѣ подданства“. Вотъ тезисы Бразоля: „логика не въ состояніи непосредственно открывать истину; существуетъ двѣ формы мышленія: одна свойственна разсудку, другая — разуму; логика тѣмъ отличается отъ метафизики, что первая есть теорія разсудка, вторая — разума; коль скоро логика создаетъ абсолютную противоположность между субъектомъ и объектомъ или между матеріальнымъ и духовнымъ міромъ, она дѣлается источникомъ всѣхъ ошибокъ; чтобы такъ называемая формальная логика сдѣлалась полезной наукой, она должна сдѣлаться трансцендентальною и поэтому совершенно переформироваться; понятіе отличается отъ идеи; Кантовская дедукція категорій не отличается философскимъ характеромъ; способность сужденія и умозаключенія въ сущности не отличается отъ способности составленія понятія; метафизика есть идеальное построеніе вселенной изъ идеи абсолютнаго существа; идея абсолютнаго существа не есть произвольная или воображаемая; нельзя согласиться съ Кантомъ, что хотя эта идея, и находится неминуемо въ нашемъ умѣ, но нельзя знать, отвѣчаетъ ли ей дѣйствительность; идея о немъ есть такая же достовѣрная реальность, какъ и реальность видимаго міра; метафизика нуждается только въ одномъ принципѣ и при томъ абсолютномъ; она содержитъ въ себѣ двѣ по преимуществу части, а именно: философію природы и философію ума; эти двѣ части вмѣстѣ составляютъ одну философію; всѣ ложныя системы, которыя когда-либо въ области философіи являлись или даже могутъ явиться, сводятся къ слѣдующимъ, какъ источникамъ всѣхъ ошибокъ,—эмпиризму, матеріализму, идеализму и скептицизму; человѣческій умъ абсолютно свободенъ въ функціяхъ мышленія и воли; началомъ нравственности не можетъ быть

ни чувство симпатіи, ни личное или общественное благополучіе, ни стремленіе къ усовершенствованію; природное право то, которому вельзя удалаться отъ чистой добродѣтели, слѣдовательно, природное право абсолютно тождественно съ обязанностью; виды природнаго права суть: право жизни и смерти; право свободнаго мышленія, хотѣнія, дѣйствія; право наслаждаться во всемъ красотою и изяществомъ; право вступать въ гражданское общество; право помогатья виѣшнихъ почестей и добраго мнѣнія у другихъ и охранять ихъ; космополитическое право; право религіи⁴. А вотъ и основныя положенія Дудровича: „такъ какъ философія по природѣ своей есть трансцендентальная наука, то она можетъ быть произведена только абсолютною дѣятельностью разума; ея органъ и какъ бы инструментъ есть такъ называемая интеллектуальная интуиція; основаніе очевидности, которую любитъ математика, произошла отъ той высшей очевидности, которая вытекаетъ изъ природы философіи; принципъ существованія (essendi) тождественъ съ принципомъ познанія (cognoscendi); поэтому ученіе философіи не можетъ быть идеальнымъ безъ того, чтобы оно вмѣстѣ съ тѣмъ не было и реальнымъ; одна только философія дѣлаетъ человѣка истинно образованнымъ; непосредственное начало всей природы составляютъ однѣ и тѣ же первоначальныя силы; безконечное разнообразіе вещей, составляющихъ вселенную, при существующемъ единствѣ (ея), можетъ быть понято только изъ безконечнаго разнообразія въ пропорціи и степени этихъ (первоначальныхъ) силъ; здравая философія можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только познаніемъ Бога; достовѣрна свобода равно какъ и безсмертіе душъ; между доказательствами бытія Божія онтологическое доказательство, отвергнутое Кантомъ, мы считаемъ наиболѣе философскимъ; высшій принципъ всей нравственности — это законъ разума, такъ какъ онъ абсолютная гармонія; между юриспруденціей и ученіемъ о нравственности, въ абсолютномъ смыслѣ нѣтъ никакой разницы; естественное состояніе человѣка по необходимости есть и гражданское; никакое государство не можетъ быть здорово, если не опирается на двойное законодательство — политическое и въ то же время моральное; независимость государствъ только относительна; на миръ, который Фихте съ Кантомъ называютъ вѣчнымъ, можно надѣяться только при существованіи договора между государствами⁴.

Сопоставляя приведенные здѣсь тезисы, мы открываемъ между ними очень много совершенно одинаковыхъ пунктовъ, что указываетъ какъ бы на одинъ общій источникъ. Припоминая же себѣ основныя положенія философскихъ воззрѣній Шада¹⁾, мы приходимъ къ заключенію, что они

¹⁾ См. „Вопросы философіи и психологіи“ 1895, кн. 5-я стр. 59.

именно и послужили такимъ источникомъ. Сходство бросается въ глаза, когда дѣло идетъ о логикѣ и естественномъ правѣ (которыя только и дошли до насъ); но, оно, по всей вѣроятности, было бы еще болѣе замѣтно, если бы мы имѣли Шадовскую метафизику, которая, къ сожалѣнію, Шадомъ отпечатана не была, но излагалась устно на лекціяхъ, и изъ этихъ лекцій ученики его и черпали широко свои философскія воззрѣнія ¹⁾. Шадъ не могъ не подавлять своимъ авторитетомъ слушателей и учениковъ. Впослѣдствіи это обстоятельство послужило причиною большихъ непріятностей для Шада и едва ли не его изгнанія изъ Харькова. Но объ этомъ мы скажемъ во 2-мъ томѣ своего труда. Изъ трехъ разсмотрѣнныхъ нами диссертаций наибольшую обстоятельностью и самостоятельностью отличается диссертация Дудровича; въ ней одной, между прочимъ, встрѣчаются только ссылки на источники. По другимъ предметамъ въ это время были напечатаны и защищены слѣдующія диссертации: 1) *Вас. Комлишинскаго*. *Dissertatio inauguralis de polarisatione*

¹⁾ Вотъ заявленіе самого Шада о серіи руководствъ по философіи, которыя онъ рѣшился приготовить къ изданію. „Rogatus ante aliquot jam annos a pluribus Senatus membris, ut compendium philosophiae ad usum scholasticum aptum scriberem, promisi, id quidem, addita tamen declaratione, mihi saltem adhuc duorum annorum spatium necessarium esse ad tale opus, quod perdurantem praestaret utilitatem conficiendum, cum lura, ne qua in re offendatur, in considerationem venire debeant, gradus culturae nationis rossicae, ejus genius, status religionis, ratio regiminis, quae certe aliquis extraneus, qui non ita pridem huc advenit, primis annis sufficienter scire non possit. Aliam enim esse, tunc declaravi, rationem scribendi in Germania, aliam in Rossia; plura, quae ibidem magna cum utilitate dici possint, hic forte, nisi formam genio nationis convenientem inluerint, noxia esse, vel saltem offensionem movere; hinc mature ponderandum, non solum, quae dici possint, sed etiam qua ratione, qua methodo, ut sperata utilitas consequatur. Iam ut promissis meis satisfaciam, declaro senatui, me opus hoc, labore per duos annos ei impenso, eatenus confecisse, ut tantummodo ultima manus desideretur, quod tempore futurarum feriarum praestabo, ita ut post ferias senatui logicam et metaphisicam a manuscripto jam exhibiturus. Totum opus tantummodo constabit duobus modicis tomis, quorum primus logicam et metaphisicam, alter vero doctrinam moralem et jus naturae continebit. Hoc opus conficiam: 1) sine commentario, 2) nulla habita ratione remunerationis qualiscunque, 3) scribam in lingua latina, 4) Quidquid hac in re fecero, approbante senatu faciam. Rogo ergo amplissimum Senatum declarare, utrum tale opus si approbatum et aptum ad usum scholasticum inventum fuerit typis et sumptibus universitatis possit imprimi. (Харьковскій университетскій архивъ. Дѣло совѣта о разныхъ предметахъ 1809 г., № 35, стр. 26). Документъ этотъ очень любопытенъ. Изъ него видно, во-первыхъ, что Шадъ давно задумалъ составить двухтомное руководство по философіи, которое бы обнимало логику съ метафизикой и этику съ нравственнымъ правомъ, во 2-хъ, то объ этомъ его просили и многіе изъ членовъ совѣта, въ 3-хъ, что прежде чѣмъ выпустить ихъ въ свѣтъ, онъ хотѣлъ познакомиться съ русскою жизнью, и въ 4-хъ, что, оставивъ эти пособія, онъ хотѣлъ ихъ представить на благоусмотрѣніе совѣта для печатанія на университетскій счетъ.

radium lucis. Charcovie. 1813, 32 стр. (докторская)¹⁾; 2) *Эрнеста-Леопольда Шумана*. Dissertatio inauguralis de attractione chemica nec non de hujus causa. Ch. 1814, 30 стр. (магистерская)²⁾; 3) *Якова Громова*. De methodo, qua mineralogus in condendo systemate corporum anorganicorum uti debet. Ch. 1813, 22 стр. (докторская); 4) *Иматия-Фридриха Нетолитскаго*. Dissertatio inauguralis de tussi convulsiva. Ch. 1812, 60 стр. (докторская); 5) *Павла Деяна*. Dissertatio inauguralis de prosperitate civitatis civium technicae auguranda. Ch. 1813, 22 стр. (докторская)³⁾; 6) *Жиле*. Dissertatio oppugnans opinionem Herodoti de Xerxe persarum rege... Ch., 1810, 12 стр. (докторская); всего шесть печатных работъ, изъ коихъ три относятся къ физико-математическому факультету, одна—къ медицинскому, одна—къ юридическому и одна—къ историко-филологическому. Все это небольшія брошюры, не имѣвшія, нужно думать, и въ свое время серьезнаго научнаго значенія. Изъ шести авторовъ только два (Комплишинскій и Громовъ) продолжали работать въ избранной ими специальности и получили профессорскія каѳедры въ Харьковскомъ университетѣ; быть можетъ, и диссертациі ихъ были выше другихъ.

¹⁾ Вотъ тезисы этой диссертациі: 1) Discrimen physicam inter et chemiam in eo consistit, ut in physica explicetur phaenomena materiae externae, id est spatium, in chemia vero interna, naturam ipsam corporum spectantia. 2) Impenetrabilitas non est qualitas corporum absoluta, id est sine omni conditione illis propria. 3) Porositas non est qualitas corporum universalis. 4) Combustio, quam calor et lux comitatur, non ab affinitate oxygenii ad corpus inflammabile, sed a statu amborum electrico opposito pendet. 5) Phaenomena electricitatis galvanicae nec ex electricitate sola nec ex processu chemico solo, qui inter excitatores heterogeneos locum habet, explicari possunt. 6) Omnia phaenomena in mundo materiali, sub quibus mutationes corporum internae oriuntur, ab actionibus chemicis electricitatis dependent.

²⁾ Вотъ ея положенія: 1) Terminus Affinitas non respondet conceptibus, quos de phaenomenis conjunctionum chemicarum habemus. 2) Definitio prior de attractione chemica debet rejici et tantum ad illa corpora adhiberi, quae post unionem naturam suam perfecte mutant. 3) Axioma — corpora non agunt nisi fluida — non est absolute verum. 4) Pro vera causa omnis attractionis chemicae debemus habere solam electricitatem. 5) Azotum non est elementum, sed corpus constans ex nitrico et oxygenio.

³⁾ Укажемъ здѣсь тезисы этого сочиненія: 1) Oeconomia politica est doctrina de legibus generalioribus procreationis et acquisitionis illorum mediorum, quibus omnibus necessitatibus in societate civili satisficit. 2) Ille productivus est censendus, qui industria sua confert satisfactioni necessitatum aliorum hominum ad alias familias pertinentium. 3) Labor non est apta mensura valoris quantitativi. Non datur caput ideale sine capite reali ei respondente. 5) Reditus medius purus individui classis physicae est minimus et augetur, si classis technica relative maiora incrementa capit, quam classis physica. 6) Pecunia qua talis merus est valor commutativus sine valore reali. 7) Illud tantum pecuniae circulantis incrementum promovet prosperitatem civitatis quod valet ad augendum productum nationis totale.

Очень видное мѣсто въ научно литературной дѣятельности профессоръ занимали *актовыя рѣчи*—ихъ было, во первыхъ, очень много: за десятилѣтіе произнесено ихъ было на актахъ 40 (такое обиліе объясняется тѣмъ, что тогда было ежегодно по два акта, и на каждомъ изъ нихъ читалось по нѣсколько рѣчей); во вторыхъ, всѣ эти рѣчи печатались отъ имени и на счетъ университета въ особыхъ сборникахъ и отдѣльными оттисками; и въ третьихъ, и сами авторы, и мѣстное общество, для котораго онѣ главнымъ образомъ предназначались, придавали имъ важное значеніе. Ораторская форма была въ большомъ ходу; публика привыкла къ ней, цѣнила ее; сочинители же такимъ образомъ удобнѣе всего могли бесѣдовать съ обществомъ, проводить свои идеи, оказывать извѣстное вліяніе на окружающую среду, которая въ свою очередь внимательно слушала, что скажутъ ей представители высшей науки, дѣятели того учебнаго заведенія, которое призвано было сдѣлаться разсадникомъ просвѣщенія во всемъ полуденномъ краѣ Россіи. Съ этой точки зрѣнія главнымъ образомъ онѣ интересны и для насъ. Посмотримъ же теперь, о чемъ преимущественно старались говорить первые харьковскіе профессора передъ своею публикой. Они выбирали—нужно отдать имъ честь—по большій части живыя общинтересныя темы, могшія имѣть воспитательное значеніе. Университетъ былъ новымъ учрежденіемъ въ краѣ. И хотя мѣстное общество, какъ мы видѣли, отнеслось къ его появленію съ большимъ сочувствіемъ, но ему все таки необходимо было говорить о пользѣ общественнаго воспитанія; идея необходимости высшаго образованія, еще не могла получить всеобщаго распространенія среди дворянства; многіе удовлетворялись среднею и низшею школою, пансіонами иностранцевъ и домашними наставниками. Университетскій дипломъ не былъ обязателенъ ни для гражданской, ни тѣмъ болѣе для военной службы, которая считалась дворянскою *par excellence*. И вотъ первая же рѣчь, сказанная въ день торжественнаго открытія университета 17 января 1805 г., попечителемъ округа гр. С. О. Потоцкимъ, была посвящена вопросу „*О новомъ устройствѣ въ Россіи училищъ и ихъ пользѣ*“. О пользѣ наукъ и просвѣщенія говорили и другіе ораторы на торжествѣ открытія университета—Рижскій и Беленъ де Баллю. Содержаніе ихъ рѣчей мы уже изложили во 2-й главѣ своего сочиненія и потому обратимся теперь къ ораторамъ, выступавшимъ на послѣдующихъ собраніяхъ. Проф. Беленъ де Баллю произнесъ на торжественномъ актѣ 1807 г. рѣчь, которая могла представлять живой интересъ для публики, именно томъ, какому воспитанію должно быть отдано преимущество—общественному или частному. Она должна была уяснить важное просвѣдительное значеніе правительственныхъ учебныхъ заведеній въ краѣ, въ

томъ числѣ и университета. Авторъ очень широко понимаетъ задачу, воспитанія и формулируетъ ее такъ: „открыть дарованіе ума, обогатить разумъ полезными и пріятными познаніями, впечатлѣть въ сердце любовь къ добродѣтели посредствомъ наставленій и примѣровъ, дать тѣлу здоровье, крѣпость и проворность“. Такимъ образомъ, здѣсь разумѣется и умственное, и физическое, и нравственное воспитаніе. Авторъ въ строгой системѣ объективно, обстоятельно разсматриваетъ условія домашняго и общественнаго воспитанія въ отношеніи къ обученію, тѣлеснымъ упражненіямъ, образу жизни и преподаванію. Въ обученіи авторъ придаетъ огромное значеніе древнимъ языкамъ, которые въ домашнемъ образованіи обыкновенно находятся въ пренебреженіи; авторъ вѣрно подмѣчаетъ и другой недостатокъ домашняго воспитанія—отсутствіе соревнованія; впрочемъ, онъ полагаетъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ (правда рѣдкихъ) лучше давать образованіе дома. Относительно пособій и физическаго развитія общественное воспитаніе превосходитъ домашнее. Авторъ очень живо, какъ бы съ натуры, рисуетъ намъ нѣсколько картинокъ домашней жизни дѣтей въ богатыхъ семьяхъ. Чрезвычайно мѣтко и вѣрно изображаетъ онъ намъ роль учителя-наставника въ такихъ случаяхъ; его положеніе таково, что не можетъ идти противъ общаго направленія и поневолѣ долженъ потворствовать нехорошимъ наклонностямъ своего питомца. Въ результатѣ оказывается, говоритъ авторъ, что воспитанникъ въ наукахъ не успѣлъ, но сталъ тщеславнѣе, надменнѣе, вѣтрениѣе, высокомернѣе съ равными, жестокосерднѣе къ низшимъ. И виноваты въ этомъ родители, потворствовавшіе слабостямъ сына. Только общественное воспитаніе, говоритъ въ заключеніе ораторъ, производитъ всѣ великія добродѣтели, открываетъ всѣ дарованія; только при его помощи, ваши дѣти будутъ въ свое время украшеніемъ своего отечества и сдѣлаются достойными вашей нѣжной любви.

И основная мысль Белевъ-де-Баллю и его частныя примѣры вѣрно опредѣляли истинное положеніе дѣла образованія въ Харьковскомъ краѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что общественное образованіе, которое можно было получать въ то время въ университетѣ и гимназіяхъ, стояло выше, во всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ домашнее. Автору, очевидно, хорошо было извѣстно положеніе учителей въ дворянскихъ помѣщичьихъ семьяхъ, гдѣ выросли доморощенные Митрофанушки.

Законовѣдъ Тимковскій говорилъ рѣчь на тему „О примѣненіи знаній къ состоянію и цѣли государства“. Польза самого государства, по его словамъ, требуетъ того, чтобы граждане прилагали къ нему всѣ свои знанія и способности; если гдѣ граждане сами удаляются отъ слу-

женія, если они преждевременно, въ цвѣтушія лѣта, оставляютъ его и предаются частной жизни, то это значить, что заслуги не получаютъ правильнаго отличія, уваженія и возмездія“. Въ разгаръ увлеченія всѣмъ иностраннымъ (особенно французскимъ) очень умѣстно было подробное обоснованіе мысли, что знанія должны быть примѣняемы къ состоянію „народа“. Юноша, выступающій на практическую почву, долженъ будетъ узнать людей, съ которыми ему придется жить, страну, въ которой будетъ дѣйствовать, уважать и любить предковскіе отечественные обычаи. Но не правы и тѣ, которые вовсе отрицаютъ значеніе теоріи въ жизни и желаютъ идти только путемъ жизненнаго опыта. Наука сокращаетъ время опытовъ и если кто не пользуется ею, то затрачиваетъ ненужныя усилія на открытіе того, что, можетъ быть, уже извѣстно. Не слѣдуетъ только ограничиваться исключительно теоріей, безпрестанно созидать проекты и, возсѣдая въ ихъ туманѣ, отвергать свѣтильникъ опыта. Полезныя заимствованія необходимы, но нельзя при этомъ игнорировать и особенностей народной жизни. Зная изъ опыта, какъ сильно одно уже мѣстоположеніе дѣйствуетъ на духъ и нравы, образъ мыслей и жизнь человѣка, можно сказать, что желать, чтобы одинъ народъ походилъ на другой, значить желать переселить его на мѣсто этого послѣдняго и заставить прожить тамъ многіе вѣка; а между тѣмъ кромѣ географическаго положенія оказываютъ свое вліяніе языкъ, религія.

Съ чрезвычайно интересной и талантливо составленной рѣчью выступилъ знаменитый профессоръ Якобъ. „*О вліяніи университетовъ на культуру и благосостояніе народа*“. Въ началѣ ея онъ посвятилъ нѣсколько замѣчаній опроверженію идей Руссо, будто бы съ развитіемъ наукъ пала нравственность. Чистота нравовъ, приписываемая дикарямъ, говорилъ онъ, есть мечта; чѣмъ въ большемъ невѣжествѣ коснѣетъ народъ, тѣмъ грубѣе у него нравы, тѣмъ больше у него пороковъ. Просвѣщеніе ведетъ къ прогрессу матеріальному, умственному и нравственному. И это просвѣщеніе должно распространяться на всѣ классы въ государствѣ, а не быть исключительно принадлежностью одного какого либо сословія. Для быстраго распространенія просвѣщенія могутъ служить только среднія учебныя заведенія и университеты, какія и заведены въ Россіи императоромъ Александромъ I. Хорошія училища, говоритъ Якобъ, невозможны, если прежде въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ не будутъ для нихъ приготовлены способные наставники; а послѣ гимназическаго образованія слѣдуетъ и университетское, которое доставитъ единственно полезныхъ дѣятелей во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія. Обращаясь къ университетамъ, проф. Якобъ остроумно сравниваетъ ихъ съ мануфактурными фабриками: какъ и тамъ,

такъ и здѣсь господствуетъ *раздѣленіе труда*, которое одно только способно довести до совершенства производство; какъ и тамъ, такъ и здѣсь производители отдѣльныхъ частей соединяются подѣ одной кровлей. Ученые люди собираются въ университетѣ въ одно мѣсто и каждому порознь поручается обработка отдѣльной науки. Всѣ орудія и пособия собраны въ большихъ книгохранилищахъ и кабинетахъ, чтобы каждый могъ пользоваться тѣмъ, что ему необходимо. Для нихъ открыто сообщеніе съ цѣлымъ ученымъ міромъ и они могутъ пользоваться результатами общечеловѣческихъ открытій для пользы своего отечества. Въ собственномъ кругу они могутъ оказывать другъ другу взаимныя услуги по части интересующихъ ихъ вопросовъ. Не останавливаясь на тѣхъ обскурантахъ, которые, будучи преисполнены челоѣконенавистническихъ намѣреній, стараются вообще о подавленіи наукъ, проф. Якобъ все дальнѣйшее свое изложеніе посвящаетъ разбору того мнѣнія, по которому устройство школъ должно быть предоставлено свободной инициативѣ самихъ гражданъ, потому что будто бы правительственная помощь привлекаетъ въ школы и неспособныхъ преподавателей, и неспособныхъ воспитанниковъ. Якобъ резонно замѣчаетъ на это, что если правительство не будетъ затрачивать средствъ на общественное образованіе и предоставить его свободному желанію всякаго, то это приведетъ къ тому, что оно сдѣлается только удѣломъ привилегированныхъ, богатыхъ лицъ; такимъ образомъ дарованія, недостаточныхъ классовъ останутся, такъ сказать, потерянными для общественнаго блага; а всякій знаетъ, прибавляетъ Якобъ, какъ не часто попадаются въ небольшомъ кругѣ богатыхъ и знатныхъ даровитые умы и какъ рѣдко они стремятся къ усовершенствованію. Пусть въ этомъ государственномъ насажденіи будетъ расти и терніе, пусть будутъ тутъ и уродливыя деревья, пусть нѣкоторые отпрыски окажутся посаженными на непригодную для нихъ почву; но эта потеря съ избыткомъ вознаградится безконечными выгодами. Историческими примѣрами Якобъ доказываетъ благотѣльное вліяніе университетовъ на развитіе науки и образованія. Огромной практической пользы ожидаетъ онъ отъ училищъ, учрежденныхъ по мысли Императора Александра I въ Россіи, и въ благородномъ увлеченіи высказываетъ при этомъ даже несбыточныя мечтанія. Въ заключеніе онъ указываетъ на ту пользу, которую начиняетъ уже приносить Харьковскій университетъ, несмотря на то что прошло всего три года со времени его основанія. Главнѣйшею заботою его было пополненіе числа учащихся, что однако сопряжено съ огромными трудностями. И университетъ теперь уже заслужилъ всеобщую благодарность за свои усилія. Въ немъ болѣе 60 студентовъ, изъ коихъ

многихъ можно поставить, по ихъ успѣхамъ, на ряду съ лучшими питомцами заграничныхъ университетовъ; слушатели наши, говоритъ Якобъ, отличаются прилежаніемъ. Грубость нравовъ, въ которой упрекаютъ студентовъ заграничныхъ университетовъ, въ Харьковѣ неизвѣстна. Когда всѣ преподавательскія мѣста займутъ у насъ ученые люди, когда наша бібліотека будетъ доставлять намъ больше пособій, когда лекціи въ нашихъ кабинетахъ умножатся, когда анатомическій, клиническій и повивальный институты достигнуть своего совершенства, тогда у насъ будетъ больше слушателей и изъ нашихъ аудиторій выйдутъ люди, которые разсѣютъ благодѣтельныя сѣмена просвѣщенія по всей Россіи. Здѣсь вѣрно отмѣчены два самые крупные недостатка Харьковскаго университета въ первые годы его существованія—малое число студентовъ и печальное состояніе учебно-вспомогательныхъ учреждений; проф. Якобъ справедливо ставитъ въ связь первое со вторымъ.

Роммель говорилъ „О силѣ и преимуществѣ истиннаго и совершеннаго дарованія“. Началъ онъ свою рѣчь съ прославленія тѣхъ правителей, которые призывали въ свое государство ученыхъ мужей для развитія просвѣщенія. Такъ поступали Птоломеи, такъ поступалъ Петръ Великій, но особенно прославился въ этомъ отношеніи Императоръ Александръ I. Характеризуя просвѣщеніе, Роммель говоритъ, что нужно отличать истинное и совершенное просвѣщеніе отъ ложнаго и поверхностнаго; между ними такая разниа, какъ между ученымъ человекомъ и невѣждою. Истинно просвѣщенный человекъ неутомимо упражняется въ наукахъ, не отрываясь отъ своихъ занятій ради развлеченій; его всесторонній умъ преимущественно занятъ изслѣдованіемъ какой-либо одной науки; онъ долженъ при этомъ умѣть изящно говорить и писать; къ этому нужно еще присоединить чистоту нравовъ, чуждую зависти, и, наконецъ, путеводительницу человѣческой жизни философію. Философію Роммель ставитъ во главѣ всѣхъ наукъ и вмѣстѣ съ тѣмъ заявляетъ, что ею проникнуты и другія науки, напр., физика и математика. Тебя, во первыхъ, призываю говорить онъ, о философіи—свѣтильникъ ума человѣческаго. Ты только одна можешь показать связь между всѣми предметами какъ человѣческими, такъ и божественными. Затѣмъ Роммель вкратцѣ перечисляетъ другія науки, входяція въ кругъ университетскаго преподаванія, причемъ особенно важное значеніе придаетъ классической филологіи; весь же циклъ предметовъ въ совокупности, по его словамъ, имѣетъ огромное значеніе, исправляя нравы и устроая общество.

Проф. Гутъ въ особой рѣчи сдѣлалъ характеристику истинно-учебнаго человека. Не легко было ученымъ дѣятелямъ новаго универси-

тета сохранить должную скромность, не увлечься духомъ гордыни, видя въ окружающемъ обществѣ или полуобразованіе, или даже чистую необразованность. Въ особенности иностранные профессора могли смотрѣть (да и дѣйствительно) смотрѣли на себя какъ на людей, безпредѣльно возвышавшихся надъ общимъ уровнемъ окружающей ихъ среды. Тутъ указываетъ, въ чемъ заключается истинная ученая слава. Прежде всего онъ опредѣляетъ, чего долженъ избѣгать истинный ученый, — именно стремленія къ публичнымъ похваламъ, поверхностному чтенію возможно большаго количества книгъ, постоянному указанію на свои заслуги, стремиться же онъ долженъ къ самостоятельному трудолюбивому изслѣдованію предмета, изящному изложенію, чистотѣ нравовъ. Таковы были Беконъ, Ньютоны, Галилеи, Эйлеры, Гершели, Линнеи, Бюффонъ; завоеванія ихъ (въ области мысли) принесли человѣчеству огромную пользу, а памятники ихъ славы — собственные труды. Еще большаго изумленія заслужили философы, которые занимались изученіемъ не одного какого-либо предмета, а счумѣли объять совокупность многихъ если не всѣхъ наукъ и искусствъ, таковы Платоны, Аристотели, Лейбници и имъ подобные.

Этого же сюжета отчасти касается и рѣчь Швейкарта „*De honoribus academicis*“ (30 августа 1814 г.). Рѣчь Паки де-Совинци („*О степени совершенства, которую приобретаютъ молодые люди обоимъ пола отъ упражненія въ изящныхъ искусствахъ*“) отличается безсодержательностью и представляетъ образецъ надутаго безвкусія.

Проф. Г. Успенскій выступилъ въ 1809 году съ рѣчью о томъ „что каждому народу нужно знать древнее и нынѣшнее состояніе своего отечества, нежели другихъ государствъ“. Какъ бы въ противовѣсъ космополитическимъ идеямъ, принесеннымъ профессорами-иностранцами, Успенскій развиваетъ здѣсь націоналистическій взглядъ на исторію, напоминающій отчасти по своимъ мыслямъ извѣстное „предисловіе къ исторіи государства Россійскаго“ Карамзина. „Всѣ народы, говоритъ Успенскій, не упоминая о просвѣщенныхъ, кои тщательное прилагаютъ попеченіе объ усовершенствованіи всякаго рода наукъ и познаній, всѣ народы и даже въ первобытной дикости пребывающіе, въ числѣ первѣйшихъ необходимыхъ для себя знаній, почитаютъ знаніе естественной исторіи и для того усиленно стараются по крайней мѣрѣ о важнѣйшихъ происшествіяхъ сообщать потомству своему извѣстія въ пѣсняхъ, преданіяхъ и различныхъ видимыхъ изображеніяхъ на тотъ единственно конецъ, дабы оно, удивляясь дѣяніямъ своихъ предковъ, имъ подражало“. Послѣдующая русская исторія дала намъ „своихъ Кодровъ и Леонидовъ, своихъ Кесарей и Помпеевъ, своихъ Цицероновъ и Титовъ Ливіевъ и къ

несчастью своихъ даже Катилинъ“. „Разсмотрѣвъ, сколь полезно для всякаго знаніе отечественной исторіи и какое она имѣтъ надъ нами дѣйствіе, за нужное почитаю упомянуть нѣсколько и о томъ, что не менѣе полезно и нужно прилежное вниманіе и тщательное познаніе положенія и состоянія своего отечества, его соотношенія къ другимъ державамъ, его древностей, мѣстныхъ обстоятельствъ, различныхъ народныхъ обыкновеній и тому подобныхъ предметовъ. *Ибо не знатіе особенностей, которыя отличаютъ его отъ другихъ странъ, все равно какъ быть въ самой отчизнѣ своей иностранцемъ.* Прилично ли желать намъ, чтобы имѣть подробное свѣдѣніе о мѣстоположеніи и состояніи чужихъ земель, о блескѣ и огромности пышныхъ и гордыхъ столицъ Европы, когда между тѣмъ, оставя премногочисленные въ нѣдрахъ отечества нашего обитающія племена, для всякаго просвѣщеннаго достойнаго особеннаго замѣчанія по разнообразному роду ихъ жизни, по странности одѣяній и украшеній тѣла, по разности употребленія и способовъ къ своему содержанію и, что еще важнѣе, по чрезвычайному различію въ вѣроисповѣданіяхъ, общественныхъ учрежденіяхъ и правахъ, будетъ безъ всякаго вниманія равнодушно смотрѣть на многочисленные общественныя заведенія С.-Петербурга или на почтенныя древностію зданія Москвы, гдѣ толико еще ощутительны слѣды премногихъ поколѣній, которыя были свидѣтелями славы или несчастій минувшихъ столѣтій? Неужели менѣе вниманія достойны Великій Новгородъ, Кіевъ, Владимиръ, нѣкогда знаменитыя столицы Россіи, нежели бѣдныя развалины Вавилона, Мемфиса, Аѳинъ, Пальмиры и безчисленныхъ другихъ, которыхъ послѣдніе остатки время погребаетъ въ молчаніи? Изъ нашихъ древнихъ городовъ нѣтъ ни одного, который бы не былъ ознаменованъ какимъ нибудь важнымъ происшествіемъ и который бы самъ не могъ служить содержаніемъ *особенной исторіи...* Правда нынѣ прошло уже почти то непріятное для всѣхъ истинныхъ россіянъ время, когда многіе изъ насъ, особливо молодые люди, не только заниматься познаніемъ своего отечества, но даже говорить объ ономъ съ нѣкоторымъ уваженіемъ или называться россіянами считали для себя какъ бы постыднымъ.... Безсмертная дѣлами Великая Екатерина первая старалась истребить сіе постыдное и для чести и славы государства весьма вредное мнѣніе, первая несравненно болѣе всѣхъ предшественниковъ своихъ прилагала попеченія, чтобъ побудить насъ заниматься познаніемъ своего отечества, сама... начертала эти достопримѣчательныя слова: *всякому народу знаніе собственной исторіи и географіи нужнѣе, нежели постороннихъ.* Въ ея долговременное, благополучное и знаменитое царствованіе наибольшая часть неизвѣстныхъ дотошъ древнихъ лѣтописей нашихъ получили какъ

бы новое бытіе. Въ ея царствованіе вдругъ появилось великое множество сочиненій какъ о древнемъ, такъ и о настоящемъ состояніи Россіи. Она, не щадя безчисленныхъ изживеній, посылала по всѣмъ частямъ обширѣйшей своей имперіи извѣстныхъ знаніями ученому свѣту мужей для описанія какъ произведеній природы, такъ равно рѣдкихъ остатковъ древности и всего достопримѣчательнаго. Въ царствованіе Екатерины II не только иностранцы, но, къ стыду нашему, и мы сами получали первое подробное и достовѣрное физическое и географическое свѣдѣніе о своемъ отечествѣ посредствомъ долговременныхъ и многотрудныхъ путешествій Палласа, Гмелиныхъ, Лепехина и премногихъ другихъ. Великій внукъ ея, попечительнѣйшій отецъ о благѣ подданныхъ, водворилъ навсегда въ имперіи своей науки и художества открытіемъ университетовъ, гимназій и разныхъ другихъ учебныхъ заведеній, открылъ намъ вѣрнѣйшіе пути и надежные способы къ приобрѣтенію всѣхъ полезныхъ познаній¹⁾. Конечно, въ той части этой рѣчи, гдѣ личности русской исторіи сопоставляются съ героями древней Греціи, не мало преувеличеній; вся она проникнута слишкомъ оптимистическимъ духомъ. Но ее нельзя не признать замѣчательной для своего времени во многихъ отношеніяхъ. Высоко ставя героическій элементъ въ исторіи (тутъ Успенскій отдавалъ дань своей эпохѣ), авторъ въ то же время вводитъ въ содержаніе исторіи этнографическій и общественно бытовой элементъ—видитъ въ народной словесности первыя страницы исторіи, придаетъ огромное значеніе древностямъ, этнографіи и даже говоря объ отдѣльной исторіи русскихъ городовъ, какъ бы провидитъ областную исторію Россіи.... Однимъ словомъ въ этой рѣчи уже сказался будущій авторъ „Опыта повѣствованія о русскихъ древностяхъ“. Его рѣчь на тему о національных особенностяхъ была какъ нельзя болѣе умѣста въ то время, когда иностранные профессора дружнымъ хоромъ проводили исключительно космополитическіе принципы: одна идея тутъ не исключала, а только дополняла другую. У проф. Успенскаго не было той национальной исключительности, которая возстаетъ противъ чужого (хотя бы и хорошаго) только потому, что оно чужое; онъ желаетъ, чтобы современное ему поколѣніе изучало Россію въ ея исторіи и настоящемъ, со всѣми этнографическими особенностями ея разноплеменнаго населенія, чтобы оно не относилось пренебрежительно къ ней и всему русскому. И онъ былъ правъ въ этомъ случаѣ. Было не мало людей, которые, по его же словамъ, вмѣстѣ съ матернимъ молокомъ всосали въ себя все

¹⁾ Рѣчи, произнесенныя въ торж. собраніи, бывшемъ 30 августа 1809 г. X. 1809 года, стр. 33—46.

иностранные и стыдились называться русскими. Впрочемъ Успенскій тутъ же прибавляетъ — и это свидѣтельствуеъ о его безпристрастности, — что это слѣбное увлеченіе всѣмъ иностраннымъ въ то время уже почти прошло.

Дегуровъ говорилъ рѣчь „*О возрожденіи наукъ и преимуществъ, которыя онѣ дали Европѣ передъ другими частями свѣта*“. Указавъ въ началѣ на причины, задерживавшія развитіе культуры, авторъ рѣшается дать болѣе отрадную страницу усилій человѣческаго разума разсѣять мракъ и рисуетъ картину великихъ открытій, возведшихъ Европу на ту высокую ступень просвѣщенія, которая дала ей владычество надъ прочими частями вселенной; не касаясь измѣненій и улучшеній въ области управленія, онъ останавливается только на прогрессѣ въ письменахъ, наукахъ и искусствахъ и дѣлаетъ выводы, что даже для побѣды нужно превосходство просвѣщенія. Императоръ же Александръ рѣшилъ распространить просвѣщеніе и въ Россіи, которая до этого времени была только зрителемъ того, что происходило въ Европѣ. Въ заключеніе Дегуровъ проситъ Государа принять обѣтъ „новаго подданнаго“ (т. е. его самаго), который, познавъ правоту и мудрость царя, подвергъ себя его законамъ ¹⁾.

Проф. Каменскій выступилъ съ обстоятельною рѣчью „*О физическомъ воспитаніи дѣтей и о вліяніи его на умственное и нравственное состояніе ихъ*“ ²⁾. Она отличалась специальнымъ характеромъ и содержала въ себѣ цѣлый рядъ опредѣленныхъ практическихъ совѣтовъ и наставленій относительно физическаго воспитанія ребенка; въ заключеніе говорилось очень кратко и бѣгло о вліяніи физическаго воспитанія на умственное и нравственное.

Нельзя не признать чрезвычайно удачнымъ выборъ темъ и самое содержаніе* указанныхъ рѣчей: всѣ онѣ распространяли въ мѣстномъ обществѣ идею о теоретической и практической пользѣ образованія, въ частности старались указать на связь его съ этикой и эстетикой. Общее направленіе ихъ дышетъ благородствомъ, которое съ избыткомъ искупаетъ одинъ свойственный всѣмъ имъ недостатокъ — напыщенность изложенія, тѣмъ болѣе что эта послѣдняя являлась результатомъ литературныхъ вкусовъ того времени. Объ авторахъ ихъ можно сказать, что они сообщали своимъ слушателямъ живыя мысли и пробуждали добрыя чуждыя чувства. Чтобы достойно оцѣнить ихъ, не слѣдуетъ забывать тогдашнихъ условій общественной жизни. Теперь, напимѣръ, мысль

¹⁾ Рѣчь, ... 1812 г., X. 1812 г., стр. 27—52.

²⁾ Ibidem, стр. 1—25.

Якоба о томъ, что образованіе должно распространяться на всѣ слои общества, является какъ бы общимъ мѣстомъ. Но тогда, когда большую часть населенія составляли крѣпостные рабы, она требовала для своего выраженія значительной смѣлости и искренности убѣжденія. И русскіе профессора, и иностранцы, очевидно, не упускали изъ виду общеобразовательныхъ задачъ своего университета. Они не смотрѣли на себя, какъ на тяглыхъ людей, чиновниковъ, отбывающихъ только службу. У нихъ жило сознаніе принадлежности къ единому учрежденію, представляющему не механическое соединеніе отдѣльныхъ частей (факультетовъ), а органическое сочетаніе цѣлаго комплекса наукъ. Они ясно сознавали общія просвѣтительныя задачи университета и съ живѣйшею радостью отмѣчали первые, а потому и слабые успѣхи на этомъ полѣ. Они рисовали себѣ умильные картины будущаго, когда дѣло окрѣпнѣетъ и начнетъ приносить богатые плоды. Правда многое такъ и осталось мечтами; но все таки лучше ставить идеаль, чѣмъ не имѣть его совсѣмъ. Нельзя не отмѣтить также мыслей ораторовъ о связи университетской науки съ эстетикой и этикой; умственное развитіе должно было приводить и къ нравственному усовершенствованію.

Общимъ объединяющимъ началомъ служила философія, пользовавшаяся тогда огромнымъ уваженіемъ среди большинства профессоровъ.

Она не была, какъ теперь у насъ, только официальнымъ предметомъ факультетскаго преподаванія: сфера ея вліянія распространялась и на представителей другихъ каѳедръ; многіе преподаватели старались тогда ввести въ свои науки философскій элементъ. На развитіе философскаго элемента въ ученой и преподавательской дѣятельности Харьковскаго университета указалъ еще акад. М. И. Сухомлиновъ. „Философія писалъ онъ, читалась, преподавалась въ самомъ обширномъ объемѣ: читали логику, метафизику, нравственную философію, психологію, исторію философіи. Въ преподаваніи многихъ наукъ господствовало философское направленіе. Оно принесено было въ наши аудиторіи изъ университетовъ протестантской Германіи, въ которыхъ выработалось самою жизнью, историческимъ развитіемъ наукъ и духовными особенностями націи. Занесенная въ чужой міръ, говорившая чужимъ языкомъ, философія скоро обжилась въ своемъ новомъ пріютѣ; ее полюбило русское молодое поколѣніе; ея таинственный языкъ нашелъ сочувственный отзывъ въ воспримчивыхъ умахъ, въ которыхъ первыя университетскія лекціи успѣли заронить искру знанія и любви къ наукѣ. По самой сущности своей, философія владѣла привлекательною силой: затрогивая общіе и важныя вопросы, къ которымъ нельзя остаться равнодушнымъ при первой работѣ мышленія, философія вводила въ новую и высшую сферу, чуждую

пошлостей и предразсудковъ, располагала къ умственному труду и приучала цѣнить и уважать его ¹⁾.

Эта характеристика вполне подходитъ къ тому, что намъ извѣстно о Харьковскомъ университетѣ. Важнѣйшимъ носителемъ философскихъ идей у насъ былъ Шадъ. На университетскомъ актѣ 1807 г. онъ произнесъ рѣчь „*О верховной цѣли человека*“. Въ ней рельефно выражаются общія философскія представленія автора. Свою рѣчь Шадъ начинаетъ съ опредѣленія значенія философіи. Философія, говоритъ онъ, по сущности и свойствамъ своимъ, имѣетъ величайшее вліяніе на остальные науки и даже на нравы людей, ибо предлагаетъ всеобщія начала, на коихъ, какъ на основаніи, утверждается всякое изысканіе истины и поступки не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ народовъ. Вотъ почему нужно строго относиться къ философскимъ началамъ, въ особенности ведя безъ критики принимать тѣхъ, кои дѣйствуютъ непосредственно на исполненіе обязанностей человека. Между этими съ перваго взгляда истинными, но на самомъ дѣлѣ ложными началами на первомъ планѣ Шадъ ставитъ мысль, что *верховною цѣлью человека является счастье*. Каждый человекъ получилъ отъ Бога нудящее стремленіе къ истинѣ въ познаніи (чувство истины) и къ истинѣ въ поступкахъ (чувство совѣсти). Въ достиженіи того и другого заключается истинная задача жизни, являемая философіей. Начало счастья, какъ бы его не опредѣляли, не совпадаетъ съ идеями истины и добродѣтели; эти послѣднія шире его. Главная цѣль человека—это всетаки стремленіе къ правдѣ въ знаніи и къ правдѣ въ жизни.

Вторая рѣчь Шада была вызвана политическими обстоятельствами 1812 и 1813 гг., но все-таки проникнута философскимъ духомъ и представляла попытку осмысленія событія текущей жизни съ высшей философской точки зрѣнія. Она носитъ заглавіе: „*De libertate Europae vindicata*“ (*Возвращеніе Европы свободы*). Основной философскій тезисъ рѣчи тотъ, что „всеобщій законъ жизни, дѣйствія и производительности во вселенной состоитъ въ противоположности вещей по естеству своему одинаковыхъ“, такъ что, если эту противоположность уничтожить, то природа будетъ обята вѣчнымъ бездѣйствіемъ. Тезисъ этотъ близокъ къ философіи Шеллинга. Благодаря этой противоположности брошена искра жизни во всемъ мірѣ физическомъ и нравственномъ, и она, обнаруживаясь въ каждой точкѣ общаго развитія, въ новомъ разнообразіи становится вѣчною, саму себя питающею, стихіею.... Чѣмъ это разнообразіе больше и ложнѣе, тѣмъ болѣе совершеннымъ является организмъ“. Тоже примѣнимо и къ человеку, какъ организму, и въ немъ мы видимъ противо-

¹⁾ М. И. Сухомлинова. Изсл., стр. 108..

положность чувственного, матеріальнаго и умственнаго, духовнаго естества. Тоже, наконецъ, примѣнимо и къ государствамъ, которыя являются также своего рода организмомъ. Наполеоновскія завоеванія, стремившіяся создать изъ европейскихъ государствъ одну самодержавную монархію, были въ высшей степени пагубны въ этомъ отношеніи, ибо нарушали это разнообразіе; они были нравственною смертію для народовъ. Говорятъ, что такимъ образомъ уничтожилась бы война; но если бы это было дѣйствительно такъ (чего, однако, на дѣлѣ нѣтъ), то и тогда это спокойствіе куплено было бы слишкомъ дорогою цѣною — цѣною рабской покорности одному властелину. Народъ, позволяющій играть собой, какъ вещь, низокъ и достоинъ презрѣнія. Народъ, стремящійся къ господству или приобрѣтеніямъ, — это стадо дикихъ звѣрей. Другіе народы должны ему противодѣйствовать. Государство, которое изъ страха или другихъ побужденій, покоряется тирану, заслуживаетъ своего бѣдствія, и если въ немъ не пробудится воинственный духъ, то оно близко къ гибели. Не такъ поступила Россія и ея монархъ: онъ смѣло выступилъ противъ Наполеона, презрѣвъ всѣ выгоды частнаго соглашенія. И вотъ храбрымъ помогъ Богъ. Россія побѣдила непобѣдимаго тирана и потомъ освободила отъ него всю Европу. По отношенію ко взятому Парижу Императоръ Александръ явилъ примѣръ небывалаго великодушія, пощадивъ и умиротворивъ его, забывъ о раззореніи собственной столицы. Заключаетъ свою рѣчь Шадъ слѣдующимъ обращеніемъ къ Императору Александру: „нѣтъ ничего истинно великаго, кромѣ того, что основано на честности и человѣколюбіи.... Истинный еси народоправитель, ибо тотъ истинно управляетъ, кто устрояетъ счастье другихъ“¹⁾.

Такимъ образомъ, въ этой рѣчи Шадъ отзывается живымъ (даже слишкомъ рѣзкимъ, пылкимъ, горячимъ) словомъ на политическую злобу дня, которая тогда всецѣло занимала умы, волновала всѣхъ. Конечно, у Шада очень рѣзкій тонъ, но онъ объясняется и настроеніемъ тогдашняго общества, и личною борьбою Шада съ французскою партіей, особенно Дегуровымъ, въ Харьковскомъ университетѣ, а главное взглядомъ его на Наполеона, какъ на врага общественной свободы и представителя тиранніи²⁾.

¹⁾ Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Харьковского университета 25 декабря 1814 г. Харьковъ. 1815 г.

²⁾ Въ „Философскомъ лексиконѣ“ проф. С. С. Гогоцкаго Шаду приписаны слѣдующія рѣчи: 1) *De existentia Supremi Numinis*, 1812; 2) *De immortalitate animorum*, 1814; 3) *De studio philosophiae ejusque genuina natura*, 1815; 4) *De libertate mentis humanae*, 1815 (4-й томъ, стр. 171). Намъ онѣ неизвѣстны. Думаемъ, что ихъ и вовсе не было, ибо приведенныя тутъ заглавія рѣчей въ дѣйствительности суть заглавія диссертаций, написанныхъ учениками Шада.

И профессора другихъ предметовъ безъ различія факультетовъ старались вносить философскій элементъ въ свои сочиненія. Въ 1807 году на актѣ профессоръ Коритарі говорилъ рѣчь *о связи философскихъ занятій съ медицинскими* ¹⁾ и высказалъ въ ней цѣлый рядъ любопытныхъ для насъ замѣчаній объ отношеніи опытныхъ наукъ къ философіи. Первые могли, по его словамъ, познавать только явленія (феномены), а философія проникала въ основныя абсолютныя причины вещей: она находитъ идеи, соотвѣтствующія причинамъ этихъ послѣднихъ. Ни въ одной изъ опытныхъ наукъ никогда не поднимался вопросъ о дѣйствительномъ существованіи извѣстныхъ явленій. Но одно простое познаніе явленія не можетъ быть названо научнымъ познаніемъ. Вотъ почему и въ медицинѣ необходима философія. Человѣческое тѣло, служащее предметомъ непосредственнаго изученія медицины, есть микрокосмъ и не можетъ быть изучено безъ знанія органической и неорганической природы и законовъ, ею управляющихъ. Но опытъ не даетъ намъ знанія такихъ законовъ — тутъ нужны и апріорныя идеи, стоящія нерѣдко въ противорѣчій съ опытомъ. По апріорному закону непрерывности, между органической и неорганической природой нѣтъ абсолютной противоположности. Во всей природѣ существуетъ двѣ основныя силы — положительная и отрицательная; въ частности въ органической жизни имъ соотвѣтствуютъ также двѣ силы — ощущение и раздражимость; между ними должно существовать равновѣсіе; если же оно нарушается, наступаетъ болѣзнь; если ей не противодействовать, послѣдуетъ смерть. „Безъ конфликта нѣтъ жизни; конфликтъ же уничтожается, какъ скоро уничтожается одна сила вслѣдствіе чрезмѣрнаго развитія другой противоположной силы; смерть въ этомъ случаѣ слѣдуетъ необходимо. Итакъ, задача медика очевидна: во всѣхъ болѣзняхъ, гдѣ ощущение беретъ перевѣсъ, нужны медицинскія средства для уничтоженія угнетеннаго состоянія раздражимости и обратно“.

Эта рѣчь представляетъ, по изслѣдованію проф. О. А. Зеленогорскаго, краткое изложеніе основныхъ положеній натуръ-философіи Шеллинга. И по мнѣнію Шеллинга „тайна природы заключается въ томъ, что она держитъ противоположныя силы въ равновѣсіи, или въ непрерывно продолжающейся и никогда не прекращающейся борьбѣ. Къ тому убѣжденію приводило его изученіе электричества съ его двойственностью и магнетизма съ такою же двойственностью; та же двойственность силъ предполагалась и въ химическихъ процессахъ; самая матерія, какъ училъ еще Кантъ, есть продуктъ дѣйствія двухъ силъ —

¹⁾ Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Харьковскаго университета 1807 г. (Koritary. De nexu studii medicinae cum studio philosophiae).

отталкивательной и притягательной; въ связи съ этимъ существуетъ пространство и время; всюду въ неорганической природѣ совмѣстно дѣйствуютъ двѣ силы—положительная и отрицательная. Оставалось отыскать тѣ же двѣ противодѣйствующія силы въ органической природѣ. Въ этомъ случаѣ Шеллингу помогла теорія Шотландскаго доктора Броуна, который подъ вліяніемъ открытія Галлера о самобытной раздражимости мускуловъ, независимой отъ дѣйствія нервовъ, объяснялъ происхожденіе болѣзни въ организмѣ изъ ненормальнаго отношенія между ощущеніемъ и раздражимостью. Ощущеніе принадлежитъ системѣ нервовъ, раздражимость—системѣ мускуловъ; той и другой системѣ одинаково свойственна возбудимость; возбудимость одной изъ нихъ должна уравниваться возбудимостью другой; нарушение равновѣсія порождаетъ болѣзнь“.

Ставя вопросъ, было ли „полезно перенесеніе философско-научныхъ теорій на новую почву, каковъ былъ Харьковскій университетъ съ его слушателями и публикою, проф. О. А. Зеленогорскій говоритъ, что отвѣтить на него трудно. Объясняется же вліяніе этой философіи тѣмъ, что ея методъ аналогій и сближеній дѣйствовалъ на воображеніе и будучи близокъ къ поэзіи и творчеству, наиболѣе соотвѣтствовалъ молодому уму, поражалъ его, возбуждая въ немъ интересъ и увлеченіе“¹⁾. Неудивительно, что столь сильное въ университетѣ философское направленіе должно было оказать вліяніе и въ сопредѣльныхъ сферахъ, напримѣръ, учительскихъ. Здѣсь, конечно, лежитъ причина изданія въ это время въ Харьковѣ сочиненія Фихте „Яснѣйшее изложеніе, въ чемъ состоитъ существенная сила новѣйшей философіи“. Харьк. 1813 г. XVI, 153 стр. Переводчикъ Ст. Ес—кій (т. е. Есикорскій) посвятилъ его профессорамъ университета.

Но это господствующее теченіе встрѣтило также и реакцію, которая нѣсколько смягчила его крайности и увлеченія. „Исключительное господство философскаго направленія, по справедливому замѣчанію М. И. Сухомлинова, грозило и вредными послѣдствіями: могло повести къ туманности, неопредѣленности, фразерству и неуваженію къ факту“. И дѣйствительно, подобныя увлеченія приводили иногда къ отрицательнымъ результатамъ. Такъ, напримѣръ, извѣстный Стойковичъ распредѣлилъ матеріалъ о свойствахъ тѣлъ въ своемъ учебникѣ физики въ порядкѣ, соотвѣтствующемъ категоріямъ Канта; отсюда вышли натяжки и темнота²⁾; фразерство составляетъ также отличительную особенность

¹⁾ О. А. Зеленогорскаго. Матеріалы для исторіи Харьковскаго университета. Вліяніе натуръ-философіи Шеллинга. (Зап. Импер. Харьк. ун-в., 1893 г., кн. IV).

²⁾ И. П. Щелкова. Къ исторіи Харьковскаго университета (Журн. Мин. Нар. Просв. 1890, октябрь, стр. 378).

тогдашнихъ научныхъ опытовъ, и съ особенною силою проявилось въ рѣчахъ профессоровъ, учителей и учащихся. Наконецъ, не слѣдуетъ игнорировать, что носители философскихъ идей въ нравственномъ отношеніи далеко не соответствовали идеалу истиннаго философа; тутъ былъ подчасъ глубокий разладъ между проповѣдью и собственною жизнью; а между тѣмъ къ философу, какъ проповѣднику высочайшихъ нравственныхъ идей, естественно нужно было предъявлять болѣе строгія требованія, чѣмъ къ кому бы то ни было другому. Недовѣріе къ лицу вызывало и недовѣріе къ его проповѣди.

Представителемъ точнаго знанія и ярымъ противникомъ харьковскихъ университетскихъ философовъ былъ проф. Осиповскій. Двѣ его актовыя рѣчи посвящены специально опроверженію идей Канта. Въ первой рѣчи онъ опровергаетъ извѣстное положеніе Канта о врожденности категорій пространства и времени—о томъ, „что пространство и время не суть принадлежности и условія существованія вещей, но имѣютъ бытіе свое въ насъ однихъ“. Осиповскій сначала подвергаетъ строго логическому критическому разбору мысль, что идея пространства и времени существуетъ только внутри насъ, потомъ старается опровергнуть возраженія Канта о возможности вывести ее изъ опыта и въ концѣ концовъ формулируетъ свое собственное мнѣніе такъ: понятіе о пространствѣ получается отъ воздѣйствія на насъ впечатлѣній внѣшняго міра; при этомъ одни и тѣже предметы могутъ производить на разныхъ людей различныя впечатлѣнія; поэтому *сущности* идеи пространства мы не можемъ знать, хотя она имѣетъ постоянное отношеніе къ тому впечатлѣнію, которое получаютъ наши чувства. Время не есть нѣчто существующее въ природѣ само по себѣ; оно является какъ необходимое произведеніе послѣдовательнаго бытія вещей, бытія, которое представить не въ послѣдовательномъ видѣ не положено нашей способности. Если и можно время отвлечь отъ всѣхъ вещей, то все таки нельзя отвлечь его отъ самого себя; слѣдовательно, понятіе о времени приобрѣтаемъ мы посредствомъ чувствованія бытія насъ самихъ и относимъ его къ прочимъ вещамъ по понятію ихъ сопрѣбыванія съ нами.

Вторая рѣчь Осиповскаго специально посвящена опроверженію динамической системы Канта, высказанной въ его сочиненіи о метафизическихъ основахъ естественной науки. Тутъ онъ опять вооружается противъ апіорныхъ соображеній о природѣ, вызванныхъ возрожденіемъ въ современной Германіи духа древнихъ греческихъ философовъ. Очевидно, онъ прямо имѣетъ въ виду Шада и Якоба и хочетъ предохранить ихъ вліянія студентовъ, къ которымъ прямо и обращается съ такими словами: „позвольте мнѣ, почтеннѣйшіе слушатели, сдѣлать при

семь краткое обращеніе къ юнымъ питомцамъ сего святилища наукъ, для коихъ единственно избралъ я сію сухую и никакого витійства не допускающую, а по сему и незанимательную матерію. Ежели вы слышите или читаете, что философъ природы постановляетъ а priori какой либо законъ ея, то буде онъ не доказываетъ его съ математическою строгостью, не полагайтесь на слова сего философа съ искреннею къ нему довѣренностью, какъ бы сей законъ не обворожалъ воображеніе, но испытайте прежде его на оселкѣ строгости математической и тогда только считайте его вѣроятнымъ, когда онъ выдержитъ сію пробу“.

Но реальное направленіе проявлялось не только въ полемикѣ съ философіей, оно выразилось и въ рѣчахъ строго фактического характера. Такова, напримѣръ, была рѣчь Стойковича *по причинахъ, дѣлающихъ воздухъ неспособнымъ для дыханія, и о средствахъ, предохраняющихъ его отъ совершенной порчи*“. Въ рѣчи Стойковича ¹⁾ подробно и обстоятельно, съ массою фактическихъ данныхъ и ссылокъ на источники, разбирается вопросъ о чистомъ и испорченномъ воздухѣ, которымъ дышетъ населеніе городовъ и селеній. Неудивительно, поэтому, что хотя въ ней ничего не говорилось о Харьковѣ съ санитарной точки зрѣнія, но харьковцы узнали изъ нея много для себя поучительнаго, напримѣръ, о вредномъ испареніи болотъ, тины, нечистотъ и т. п. Тогдашній Харьковскій губернаторъ И. И. Бахтинъ, извѣстный своими ревностными заботами о благоустройствѣ Харькова, обратился послѣ этого къ Стойковичу съ письмомъ такого содержанія:

„Милостивый государь мой Афанасій Ивановичъ! Что говоренная вами рѣчь въ торжественномъ собраніи Императорскаго Харьковскаго университета 30 августа сего года, которую, по напечатаніи, я имѣлъ честь получить отъ вашего высокородія лично, заключаетъ въ себѣ много для общежителства полезнаго, въ томъ, конечно, нѣтъ нималаго сомнѣнія, но что она (какъ родившая мнѣ о томъ рѣшительную мысль) можетъ быть весьма полезною собственно для города Харькова, ежели вы, милостивый государь мой, не отречетесь мнѣ способствовать дѣятельнымъ образомъ къ приведенію въ исполненіе умозрительныхъ вашихъ предположеній, то сіе, равно какъ и причины меня къ тому побуждающія, я намѣренъ изложить въ слѣдующихъ строкахъ.

Городъ Харьковъ имѣетъ низкое, слѣдственно, и нездоровое мѣстоположеніе, особливо въ залопанской части, стоячими небольшими озерами и болотами, отчего осенью и весною, вѣроятно, родятся болѣзни, въ томъ числѣ и перемѣнные горячки, отъ коихъ нѣкоторые лишаются,

¹⁾ Рѣчи... 1811 года. Харьковъ. 1811 г., стр. 1—38.

безвременно жизни, тѣмъ болѣе по примѣчанію моему изъ числа пріѣзжихъ въ оный городъ, не привыкшихъ съ малолѣтства къ его климату, и сія истина уже давно мною замѣчена, а паче въ теченіи сего года сдѣлалась мнѣ извѣстной. Городъ сей, какъ вмѣщающій въ себѣ университетъ, заслуживаетъ, кажется, со стороны здоровья особеннаго предъ прочими губернскими городами отъ правительства вниманія. Способы, зависящіе отъ губернскаго начальства, и употребленіе ежегодно отъ десяти до двѣнадцати тысячъ рублей изъ городскихъ доходовъ на мощеніе (за неимѣніемъ по сіе время камня) фашинникомъ и флоростомъ съ пескомъ улицъ и возвышеніе тѣмъ оныхъ, а также и рытье въ годъ нѣсколькихъ каналовъ не можетъ городъ привести въ должное состояніе, развѣ чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ. Изъ-за сего нужно бы испросить у вышняго правительства особенной суммы на осушеніе города и на приведеніе его чрезъ то въ желаемое, со стороны здоровья въ немъ живущихъ, состояніе, но прежде нежели приступить къ такому испрошенію суммы, нужно звать количество оной и сдѣлать предварительный проектъ всѣмъ необходимымъ на сей предметъ работамъ. Въ разсужденіи сего я рѣшился отнестись къ вашему высокородію, не согласитесь ли вы изъ себя, изъ двухъ или трехъ членовъ университета, приглашенныхъ вами, изъ меня и изъ здѣшняго господина землемѣра составить собраніе, въ которомъ бы, по должному соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, положить, что нужно предпринять для вышеизъясненнаго, а равно и какое количество денежной суммы, и какое время на то нужно же, послѣ сего я и могъ бы сдѣлать, куда слѣдуетъ, мое представленіе. На сіе ожидая отвѣта вашего съ истиннымъ моимъ почтеніемъ имѣю честь пребыть, милостивый государь мой, вашего высокородія покорнѣйшій слуга Иванъ Бахтинъ. Ноября 7 дня 1811 года ¹⁾.

Изъ другихъ рѣчей отмѣтимъ еще слѣдующія. Адъюнктъ *Лангъ* говорилъ рѣчь объ изученіи юридическихъ и политическихъ наукъ, тема которой была навѣяна извѣстнымъ уже намъ указомъ 1809 г. объ учрежденіи при университетѣ института гражданскихъ чиновниковъ; *Рижскій* — о познаніи, свойственномъ воображенію, и о занятіяхъ университета въ 1805 и 1806 г.; *Умляуфъ* — „De arrogantia in litteris“; *Шнайбертъ* — „Ueber die Ernährung und das Wachsthum der Pflanzen“; *Шумлянский* — „О физическихъ способахъ жизни“; *Делявинъ* — „Sur les plantes recherchées des abeilles et les sites qui leur sont les plus avantageux“; *Шумлянский* — „Студентъ, окончившій курсъ наукъ“; *Дююръ* — „Critique et défense de l'histoire“; *Дрейсигъ* — „De alimentorum effectu usuque in

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта, 1811 г., № 59.

statu hominis sano"; *Успенскій* — „О состояніи военныхъ силъ въ Россіи до временъ Петра Великаго"; *Тимковскій* — „О помѣстьяхъ"; *Рейтъ* — „Geist der literarischen Cultur der Orients und Occidents"; *Книшинъ* — „О дыханіи"; *Ваннотти* — „De amphibii, piscibus et insectis maxime vulgaribus agri Charcoviensis"; *Пильеръ* — „Ueber den Einfluss der vergleichenden Medicin auf theoretische und practische Heilkunde der Menschen"; *Успенскій* — „О древности и достоинствѣ законовъ руссійскихъ до изданія царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ соборнаго уложенія"; *Срезневскій* — „Слово о благодѣянiяхъ промысла Божія въ царствованіе благословеннаго племени Романова на Россію ниспосланныхъ"; *Стойковичъ* — „О воздушныхъ камняхъ и ихъ происхожденіи"; *Рейтъ* — „Der Orient"; *Данъ* — „Was ist das Geld?"; *Гизе* — „Hauptzüge von den Fortschritten, welche die Naturforscher Russlands in der Kenntniss vaterländischer Naturerzeugnisse gethan haben, und von denen, welche noch zu thun übrig sind". Какъ видимъ, эти рѣчи уже болѣе спеціальныя, хотя авторы ихъ все-таки стремятся выбирать болѣе общіе вопросы изъ сферы своей специальности.

Чисто практическимъ прикладнымъ характеромъ отличались также работы профессоровъ, посвященныя изученію края и его естественныхъ богатствъ. Мы подробно остановимся на этихъ мѣстныхъ изслѣдованіяхъ, такъ какъ они рисуютъ намъ очень важную сторону профессорской дѣятельности, не позволяющей бросить упрекъ Харьковскому университету въ одностороннемъ увлеченіи теоретическими вопросами. Тутъ мы видимъ живое практическое приложеніе знаній на пользу края и его населенія. Тутъ примѣняются къ наукѣ требованія Петровскаго времени. Тутъ дѣятели новаго просвѣтительнаго учрежденія непосредственно отзываются на запросы жизни и тѣмъ укрѣпляютъ въ обществѣ сознаніе о пользѣ, приносимой университетомъ. Нѣтъ нужды, что результаты не всегда соотвѣтствовали ожиданіямъ; вѣдь и самыя ожиданія были преувеличенныя. Важна была отзывчивость членовъ профессорской коллегіи съ одной стороны и пробужденіе интереса къ изслѣдованію богатствъ со стороны мѣстнаго общества съ другой. Тутъ профессора Харьковского университета продолжали дѣло, начатое руссійскими академиками XVIII в., заслуги которыхъ въ этомъ отношеніи навсегда останутся незабвенными. Естественно, конечно, что подобные труды всѣ почти выпали на долю профессоровъ физико-математическаго и медицинскаго факультета.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1805 г. Изюмскій земскій исправникъ представилъ губернатору кусокъ каменнаго угля, вѣсомъ въ 20 фунт., найденный въ дачахъ помѣщика Куколь-Яснопольскаго. Губернаторъ отослалъ его въ университетъ съ просьбою произвести изслѣдованіе. Изслѣдованіе это поручено было адъюнктамъ Крюгеру и Гизе. Послѣдній подвергъ уголь

всестороннему изученію и представилъ обстоятельный докладъ, въ заключеніи котораго говорилъ такъ: „экономическая польза сихъ каменныхъ углей гораздо больша, нежели древесныхъ, и какъ опытъ показываетъ, большая даже, нежели отъ самихъ дровъ. Сверхъ того, если принять въ разсужденіе и то, что мѣрка каменнаго угля можетъ быть доставлена за гораздо болѣе дешевую цѣну, нежели таковая же мѣрка углей древесныхъ и самихъ дровъ, что чрезъ употребленіе каменныхъ углей большое количество дровъ и уголья сохранено быть можетъ, то не остается никакого возраженія противъ скорѣйшаго и точнѣйшаго изслѣдованія мѣста ихъ нахожденія. Опытъ показываетъ, что во многихъ мѣсторожденіяхъ каменнаго угля попадаются разные сорта ихъ, различные по своей добротѣ, что можетъ случиться и въ этомъ мѣстѣ; можетъ быть, что находящіеся тамъ лучшіе сорта угля возвысятъ болѣе пользу ихъ для края“. Основываясь на этомъ, губернаторъ И. И. Бахтинъ сдѣлалъ представленіе министру внутреннихъ дѣлъ граф. Кочубею объ ассигнованіи необходимой суммы на развѣдки и о командированіи для этой цѣли чиновника горнаго вѣдомства. Государь утвердилъ эту мѣру, но присовокупилъ къ этому, чтобы и членамъ университета предоставлено было право заниматься этимъ дѣломъ въ свободное отъ обязательныхъ лекцій время. Поиски горнаго инженера Комарова въ Изюмскомъ уѣздѣ не увѣнчались успѣхомъ—залежей каменнаго угля не нашли; находили только куски его, нанесенные водою. Но губернаторъ желалъ въ слѣдующемъ 1806 году производить поиски торфа въ Лебединскомъ уѣздѣ и запрашивалъ университетъ, можетъ ли онъ командировать кого-либо изъ своихъ членовъ для этой цѣли. Университетъ отвѣтилъ, что онъ считаетъ своимъ долгомъ содѣйствовать пользамъ своего округа и потому отправить кого либо изъ своихъ членовъ, и дѣйствительно, поручилъ ад. Гизе, согласно предложенію губернатора, принять отъ Комарова инструменты для развѣдокъ угля и торфа¹⁾. „Въ 1805 г. тотъ же неутомимый изслѣдователь Гизе псдвергалъ испытанію разныя ископаемыя, полученныя слободскоукраинскимъ губернаторомъ отъ Изюмскаго предводителя дворянства Захаршевича-Капустянскаго, именно: желѣзную руду, каменный уголь, торфъ, нѣсколько известковыхъ камней и сѣрныхъ колчедановъ. По испытаніи найдено, что желѣзная руда, по скудости содержащагося въ ней металла, не стоитъ обработки, напротивъ каменный уголь оказался весьма доброкачественнымъ.

Въ 1806 г. профессора Шнаубертъ, Гизе и адъюнкты Кригеръ, по порученію совѣта, разсматривали присланные въ университетъ губерна-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта 1805 г. № 22 и 52.

торомъ два куска венеціанской яри. Отличное качество ея обратило на себя вниманіе изслѣдователей, и университетъ, по ходатайству ихъ, просилъ начальника губерніи объ оказаніи поощренія лицу, занимающемуся приготовленіемъ этого вещества, имѣющаго весьма обширное употребленіе въ практикѣ. Въ 1808 г. профессоръ Гизе, разложивъ доставленный коллежскимъ ассесоромъ Ивановымъ песокъ, собирающійся въ лѣтнее время на днѣ одного высыхающаго озера, находящагося въ Новомосковскомъ уѣздѣ (Екатериин. губ.), донесъ совѣту университета, что въ одномъ фунтѣ означеннаго песку содержится $\frac{1}{3}$ ф. окристаловой углекислой соды, которой, по освобожденію ея отъ воды, можно получить одну унцію, 4 драхмы и 29 гранъ. А какъ извѣстно, что углекислая сода во множествѣ употребляется на приготовленіе бѣлаго стекла, лучшаго мыла и разныхъ лѣкарствъ, то добываніе ея, по мнѣнію ученаго химика, должно было принести значительныя выгоды владѣльцу, если только величина озера и высыхающихъ его частей позволяетъ получать соду въ достаточномъ количествѣ.... Въ бытность свою у помѣщика Элли (для изслѣдованія его минеральныхъ водъ), Гизе открылъ въ его имѣніи совершенно бѣлую превосходнаго качества аптекарскую соду или Глауберову соль и не преминулъ обратить вниманіе владѣльца на выгоды ея добыванія¹⁾. Въ Деркульскомъ государственномъ конномъ заводѣ открылась на лошадахъ чесоточная болѣзнь. И вотъ директоръ этого завода въ 1814 г. обращается къ Харьковскому губернатору съ такимъ нѣсколько наивнымъ заявленіемъ: „въ тамошнихъ мѣстахъ по близости къ излѣченію оныхъ лошадей искуснаго коновала неимѣется, а извѣстился онъ (Кологривовъ), что въ Харьковской Академіи находится профессоръ, который можетъ таковыхъ больныхъ лошадей лѣчить; посему и просить губернатора откомандировать означеннаго профессора къ нему въ Бѣловодскъ, а прогоны будутъ выданы ему впоследствии“²⁾. Очевидно, Кологривовъ имѣлъ очень смутныя представленія и о званіи профессора, и о самомъ университетѣ; но ясно также, что слава Пильгера, какъ „геніальнаго“ ветеринара, проникла въ глухой Бѣловодскъ и дошла до самого Кологривова.

Въ 1805 г. губернаторъ Бахтинъ обратился въ правленіе университета съ такимъ заявленіемъ: „слободскоукраинской губ. въ уѣздахъ лебединскомъ, сумскомъ и ахтырскомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ завелась сарапча, которая хотя ежегодно и истребляема была разными способами, какъ то сженіемъ и убиваніемъ, но за всѣмъ тѣмъ не умялась годъ отъ году выражается въ большемъ количествѣ ко вреду по-

¹⁾ Рославскаго-Петровскаго. Объ ученой дѣятельности.... (Ж. М. Н. Пр. 1855, № 7, стр. 33—34).

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта 1814 г., № 20.

селянъ и помѣщиковъ. Обстоятельства сіи при обязанности моей пешихъ о благосостояніи обитателей слободоукраинской губ., побуждая къ изысканію новыхъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ для истребленія сего вреднаго насѣкомаго, заставляютъ меня отнестись съ просьбою моею и въ правленіе Имп. Харьковскаго университета, не извѣстныя ему по части ученой какія либо физическія средства, съ произведеніемъ которыхъ въ дѣйство, могло бы истреблено быть сіе насѣкомое, о чемъ прошу правленіе университета не замедлить меня увѣдомить¹⁾.

Въ 1806 году губернаторъ И. И. Бахтинъ обратился въ университетъ съ заявленіемъ, въ которомъ писалъ, что Харьковская губернія изобилуетъ пчеловодствомъ и такъ какъ увеличеніе въ государствѣ столь нужныхъ продуктовъ, каковы медъ и воскъ, заставляютъ думать объ усовершенствованіи и размноженіи пчеловодства, удобнымъ же къ тому средствомъ почитаетъ онъ, между прочимъ, разведеніе травъ, могущихъ этому способствовать, и засѣваніе ихъ вблизи пчельныхъ пасѣкъ, то, будучи удостовѣренъ, до какой степени сей университетъ расположенъ содѣйствовать всему, служащему на общую пользу, обращается онъ и нынѣ въ правленіе съ просьбою сообщить, какія травы признаются за наилучшія для пчелъ, съ прибавленіемъ ботаническихъ и простонародныхъ данныхъ о нихъ, а также рисунковъ ихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ дать знать, какія изъ этихъ травъ растутъ въ Харьковской губ. и откуда можно будетъ выписать тѣ, которыхъ въ ней совсѣмъ не имѣется²⁾. Въ 1809 г. профессоръ ботаники Делявинъ опредѣлилъ сѣмена, присланныя ему съ этою цѣлью губернаторомъ Бахтинымъ. Сѣмена эти принадлежали купцу Василевскому; онъ ихъ считалъ кунжутными и изъ нихъ выдѣлалъ масло. „На прошлой недѣлѣ, писалъ проф. Делявинъ въ правленіе, получилъ я сѣмена, съ тѣмъ, чтобы увѣдомить о родѣ и свойствахъ ихъ. Я нашелъ, что они принадлежатъ растенію, именуемому по линнеевой системѣ *Atropa physaloides*. А дабы правленіе могло судить о точности моего заключенія, прилагаю при семъ сѣмена того же самаго растенія, собранныя въ ботаническомъ саду, но въ гораздо превосходнѣйшей степени созрѣвшія и еще въ оболочкахъ ихъ находящіяся вмѣстѣ съ полученными отъ правленія сѣменами. Какъ купца Василевскаго, такъ равно ботаническаго сада сѣмена содержатъ много слизи, а, слѣдовательно, могутъ содержать въ себѣ и масло, о чемъ однако-жъ по причинѣ чрезмѣрной сухости сихъ сѣмянъ я не могъ на

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта 1805 г., № 75. Постановленіе совѣта по этому дѣлу намъ извѣстно (стр. 260 настоящаго сочиненія).

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1806 г., іюль—декабрь; засѣданіе 19 іюля.

сей разъ удостовѣриться, потому что, когда я намочивъ ихъ въ водѣ и очистивъ отъ слизи, раздавилъ ихъ на пропускной бумагѣ, то они не оставили по себѣ никакого слѣда масляныхъ частицъ. Итакъ, если то правда, что они доставляютъ масло, то должно выжимать его немедленно по созрѣваніи сѣмянъ или когда уже они выдержали нѣкоторую степень броженія, по примѣру тому, какъ изъ сѣмянъ дикой капусты, колраби или дикой рѣпы и алисса, пролежавшихъ нѣсколько времени въ кучѣ, добывается во Франціи и Германіи знатное количество масла. Что же принадлежитъ до качества масла, каковое доставить можетъ *Atropa physaloides*, то я сомнѣваюсь, чтобы его можно много одобрить: 1-е, потому что оно принадлежитъ къ такому классу, а особливо къ такому роду растений, изъ коихъ большая часть видовъ имѣетъ одуряющій ядъ, а прочіе подозрительнаго качества, а 2-е, потому что листья его, когда курятъ ихъ на подобіе табаку, производятъ ночныя испаренія и сильное хотя и непродолжительное ослабленіе зрѣнія. Правда, что жители Перу употребляютъ плодъ *Atropa physaloides* для декоктовъ отъ болѣзней мочевого пузыря, какъ-то: каменной болѣзни и теченія песку. Да и то справедливо, что масло, получаемое изъ плода маковаго здорово, между тѣмъ, какъ головки сего растенія доставляютъ опиумъ. Но, несмотря на сіе, я не могу повѣрить, чтобы не нужно было сдѣлать какого-либо опыта надъ животными, прежде нежели позволено будетъ употребленіе его людямъ. Впрочемъ, въ ожиданіи доколѣ разведеніе колраби, дикой капусты или алисса, отъ коихъ можно бы имѣть гораздо болѣе выгоды, могло войти въ употребленіе въ южныхъ губерніяхъ Россіи, масло это можетъ быть употребляемо въ другихъ экономическихъ случаяхъ“¹⁾.

Важное мѣсто въ изслѣдованіяхъ научно-практическаго характера заняло изученіе цѣлебныхъ минеральныхъ водъ, открытыхъ въ разныхъ пунктахъ Харьковской и Полтавской губ.

Прежде всего подверглись внимательному изслѣдованію минеральныя воды, находившіяся въ имѣніи г-жи Ковалевской въ Константиноградскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, близъ рѣки Орели. Профессоръ Гизе изучилъ ихъ на мѣстѣ, произвелъ анализъ въ химической лабораторіи Харьковского университета, представилъ о нихъ подробный рапортъ правленію²⁾ и, наконецъ, вмѣстѣ съ проф. Шумляйскимъ напечаталъ о нихъ цѣлую брошюру³⁾. Мы представимъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1809 г., январь—апрѣль; засѣданіе 8 марта.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта о разныхъ предметахъ 1805 г., № 24, стр. 104—112.

³⁾ Физико-химическое и врачебное испытаніе минеральн. цѣлебн. водъ и нѣкоторой глины отысканныхъ въ Полтавской губ. въ Константиноградск. уѣздѣ близъ р. Орели. Харьковъ, 1806 г. 40 стр.

этомъ дѣлѣ, пользуясь данными, заключающимися въ рапортѣ и печатной брошюрѣ. Въ рапортѣ Гизе содержатся данныя о мѣстности, гдѣ были воды, и естественныхъ произведеній ея, объ испытаніи водъ на мѣстѣ и въ химической лабораторіи, о составныхъ ихъ частяхъ и физическихъ свойствахъ и, наконецъ, помѣщены нѣкоторые замѣчанія смѣшаннаго характера. Воды сосредоточивались въ нѣсколькихъ источникахъ, находившихся въ глубокомъ рвѣ между двумя горами. Вода этихъ ключей была неодинакова. Источникъ № 1-й имѣлъ, напримѣръ, воду съ гнилостнымъ запахомъ, напоминавшимъ сѣрнистый, но этотъ запахъ зависѣлъ не отъ свойствъ воды, а отъ зелени, загнивающей на срубѣ колодца. Вода изъ источника № 2-й славилась своими цѣлебными качествами; ея выпивали цѣлыя тысячи бутылокъ; на вкусъ она была соленоватая. Вода изъ источника № 3-й отличалась горькимъ вкусомъ. Подвергнувъ анализу воду изъ всѣхъ этихъ источниковъ, Гизе пришелъ къ заключенію, что главною составною частью 1-го и 2-го номеровъ была глауберова соль, 3-го — сѣрнокислая мыловка, горькая соль (*magnesia sulphurica*). Шумлянскій описалъ эти воды съ медицинской точки зрѣнія: перечислилъ всѣ болѣзни, въ какихъ къ нимъ слѣдуетъ и не слѣдуетъ прибѣгать, говорилъ, что купаньемъ въ нихъ нужно пользоваться съ большою осторожностью. Въ этомъ же Константиноградскомъ вѣздѣ Полтавской губ., были подвергнуты изслѣдованію и другія воды, принадлежавшія статск. совѣтн. С. М. Кочубею и находившіяся при дер. Дубовыя гряды. Описаніе ихъ было напечатано на счетъ владѣльца въ 1807 и 1808 г. ¹⁾ Съ просьбою объ изслѣдованіи ихъ обратился въ университетъ тогдашній малороссійскій генераль-губернаторъ, князь Ал. Бор. Куракинъ. Просьба была исполнена и на счетъ университета командированъ туда Гизе, который представилъ ихъ описаніе и анализъ, разсмотрѣнный медицинскимъ факультетомъ. Самъ владѣлецъ водъ въ письмѣ къ ректору Стойковичу писалъ: „почитаю нужнымъ оставить вамъ, мил. гос. мой, предположенія мои на счетъ Дубогридныхъ моихъ цѣлительныхъ водъ; они состоятъ въ устройствѣ колодезевъ, ваннъ самымъ удобнѣйшимъ образомъ, въ заведеніи сада для доставленія пользующимся ими необходимаго движенія и пріятной прогулки въ хорошую и дурную погоду, въ мѣстномъ поселеніи лѣкаря и учрежденіи аптеки, въ постройкѣ больницъ для простаго народа на

¹⁾ Извѣстіе о испытаніи минеральныхъ водъ въ дачахъ г. ст. сов. Сем. Мих. Кочубея, находящихся Полтав. губ. Констаногр. у. при дер. Дубовыя Гряды называемой. Харьк. 1808 г., 43 стр. Это 2-е изданіе; 1-е вышло въ Харьковѣ въ 1807 г.; см. также Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта 1805 г. № 23 и 1807 г. № 6.

30 чел. обоого пола трудно-больныхъ и на 30 чел. съ легкимъ нездоровьемъ, которые будутъ на обыкновенномъ въ подобныхъ заведеніяхъ полномъ и выгодномъ содержаніи и, сверхъ того, на 20 чел. бѣдныхъ дворянъ, въ постройкѣ квартиръ для пріѣзжающихъ и трактира, откуда бы можно имѣть все нужное для жизни. Къ осени будущаго года надѣюсь устроить все это изъ самыхъ удобныхъ для такой спѣшной постройки матеріаловъ; въ теченіе же трехъ лѣтъ будетъ фундаментально сдѣлано все то, чего въ это время потребууетъ несомнѣнная польза дѣла¹⁾. Изъ описанія водъ выяснилось, что онѣ находились по дорогѣ изъ Константинограда въ Павлоградъ и заключались въ четырехъ колодцахъ. Въ составъ ихъ входили: сѣрноокислая сода, сѣрноокислая известь и сѣрноокислая мыловка; соляноокислая сода, соляноокислая известь и соляноокислая мыловка; углекислая известь, углекислая мыловка; это были, слѣдовательно, соленья и горькія воды. Шумлянскій рекомендовалъ употреблять ихъ въ параличахъ, бѣломъ почечуѣ, ревматизмѣ, сыпихъ, нѣкоторыхъ видахъ перемежающейся лихорадки, глистахъ, завалахъ живота, золотухѣ и т. п.

Третьи минеральныя воды оказались при дер. ротмистра Денисенкова Быковкѣ (въ 4-хъ верстахъ отъ нея) въ Изюмскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи. Ихъ также изслѣдовалъ и на мѣстѣ, и въ лабораторіи проф. Гизе, затѣмъ изложилъ результаты своего анализа въ особой брошюрѣ¹⁾. Составъ ихъ оказался приблизительно такой же, какъ и ранѣе изслѣдованныхъ полтавскихъ; главная составная часть ихъ была глауберова и горькая соль; но онѣ должны были имѣть болѣе цѣлебной силы, потому что въ нихъ было болѣе этихъ солей. Послѣ химическаго анализа слѣдовали указанія Шумлянскаго о пользѣ ихъ въ различныхъ болѣзняхъ. Въ письмѣ къ ректору Рижскому изъ Изюма владѣлецъ водъ писалъ, что, не смотря на недостаточность своего состоянія, предоставляет ихъ даромъ всѣмъ желающимъ, тѣмъ болѣе что и самъ онъ въ двухъ болѣзняхъ получилъ исцѣленіе, равно исцѣдились и другіе; въблизи ихъ были лѣса Денисенкова — въ нихъ онъ хотѣлъ подѣлать дорожки и тѣнистыя аллеи для прогулокъ во всякую погоду больнымъ, нуждающимся въ моціонѣ; при лѣсахъ, на возвышенномъ и открытомъ мѣстѣ, впредь до устройства хорошаго жилья, на первый случай къ будущей веснѣ поставленъ будетъ, писалъ онъ, изъ офицерскихъ палатокъ лагерь и все необходимое. Въ другомъ письмѣ Денисенковъ сообщалъ Рижскому объ исцѣленіи водою этою Антонова огня. Тутъ же приложены были

¹⁾ „Извѣстіе о испытаніи минеральной воды, находящейся въ дачахъ ротмистра Денисенкова Слободскоукраинской губ. Изюмскаго уѣзда при дер. Быковкѣ“. Х., въ унив. тил. 1809 г., 38 стр. См. также Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1806 г. № 54.

писма Егора Башилова (изъ сел. Башиловки) и Григ. Калиновскаго (изъ с. Славянска): первый благодарилъ за исцѣленіе его крестьянъ и въ особенности мальчика съ опухолью, второй просилъ объ отпускѣ воды предводителю дворянства въ Бахмутскомъ уѣздѣ Ив. Род. Депрерадовичу ¹⁾. Рославскій Петровскій говоритъ, что Гизе сверхъ того былъ командированъ еще въ 1805 г. для изслѣдованія минеральныхъ водъ въ лободу Рогань (въ 18 в. отъ Харькова) и въ купянскій уѣздъ въ имѣніе юмѣщика Элли ²⁾.

Такимъ образомъ, „всякій разъ когда гражданское начальство или частныя лица обращались къ университету съ просьбою объ изслѣдованіи разныхъ естественныхъ предметовъ, требованія ихъ были немедленно исполняемы и если результаты изслѣдованій не всегда удовлетворяли ожиданіямъ просителей, то подобные труды были полезны уже и потому, что предохраняли владѣльцевъ и казну отъ убыточныхъ предпріятій и непроизводительнаго употребленія капиталовъ“ ³⁾. Какъ бы то ни было, справедливость требуетъ сказать, что и въ первое десятилѣтіе своего существованія Харьковскій университетъ выставилъ изъ своей среды піонеровъ по части изслѣдованія мѣстныхъ богатствъ края, среди нихъ почетнѣйшее мѣсто должно быть отведено химiku Ферд. Гизе; несмотря на свое иноземное происхожденіе и массу чисто научныхъ работъ, онъ съ величайшей энергіей посвятилъ себя мѣстнымъ изслѣдованіямъ, и его имя обязано съ благодарностью вспоминать современные изслѣдователи края. Правда, что большая часть этихъ культурныхъ предпріятій не получила дальнѣйшаго развитія, заглохла; но это уже была не вина Гизе и другихъ профессоровъ изслѣдователей; очевидно, что для эксплуатаціи этихъ природныхъ богатствъ не наступило тогда еще время—не даромъ вѣдь и огромныя богатства сосѣдней Екатериновской губ. стали эксплуатироваться много десятковъ лѣтъ послѣ ихъ открытія—важно было то, что университетскіе дѣятели откликались и удовлетворяли запросамъ, обращеннымъ къ нимъ со стороны мѣстнаго общества, а иногда прямо даже выступали со своими проектами, основанными не на косной традиціи, а на требованіяхъ и указаніяхъ современныхъ имъ успѣховъ науки и прикладныхъ знаній; такимъ именно характеромъ, какъ мы видѣли, отличались сочиненія Гизе о селитрѣ и Гильгера о скотолѣченіи. Во всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами случаяхъ университетъ дѣйствовалъ по просьбѣ тогдашняго въ высшей степени про-

¹⁾ См. подробности объ этомъ дѣлѣ въ моей „Украинской старинѣ“. (X. 1896, стр. 282—295, 302—303).

²⁾ Объ ученой дѣятельности Имп. Харьк. унив. (Ж. М. Н. Пр. 1855 г., № 7, стр. 33).

³⁾ Ibidem, стр. 32—33.

свѣщеннаго губернатора Бахтина, или же заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ. Иногда же университетъ принималъ на себя заботы объ интересахъ края по инициативѣ и распоряженію самого правительства.

Въ январѣ 1813 года Министръ Народнаго Просвѣщенія обратился въ Харьковскій университетъ съ предложеніемъ слѣдующаго содержанія. „Такъ какъ послѣ бывшихъ внутри Россіи военныхъ дѣйствій не только въ мѣстахъ, гдѣ они происходили, но и въ другихъ губерніяхъ отъ провода плѣнныхъ, разными болѣзнями зараженныхъ, и отъ другихъ обстоятельствъ появляются весьма опасныя заразы, то необходимо нужно принимать всѣ мѣры для возможнаго предохраненія отъ нихъ. Посему предлагаю университету распорядиться, чтобы медицинскій факультетъ его немедленно занялся наставленіемъ, какими химическими или другими, но только простыми средствами можно надежнѣйшимъ образомъ предохранить себя отъ прилипчивыхъ болѣзней, и таковое наставленіе безъ промедленія доставить къ директорамъ училищъ всѣхъ губерній Харьковскаго округа, съ тѣмъ чтобы они объявили его въ состоящихъ въ вѣдомствѣ ихъ училищахъ, дабы какъ чиновники училищныя, такъ и ученики въ случаѣ надобности могли употреблять предписанныя предохранительныя средства; а между тѣмъ съ наставленія сего доставить копію и ко мнѣ для усмотрѣнія, какія средства медицинскимъ факультетомъ предложены будутъ“. Правленіе, выслушавъ это предписаніе, передало его къ исполненію въ медицинскій факультетъ ¹⁾.

Другіе факультеты (словесный и физико-математическій) въ то же время вырабатывали инструкціи учителямъ для собиранія разныхъ свѣдѣній о краѣ—историкостатистическихъ, топографическихъ и т. п.

Въ 1809 году адъюнктъ Г. Успенскій доставилъ въ правленіе составленную имъ, по порученію этого послѣдняго, „инструкцію для сочиненія при гимназіяхъ историческихъ, топографическихъ и статистическихъ записокъ о губерніяхъ, со включеніемъ въ нихъ разныхъ свѣдѣній, требуемыхъ 52-мъ пунктомъ устава учебныхъ заведеній“. Инструкція эта была переведена на французскій языкъ и представлена въ совѣтъ ³⁾. И нужно замѣтить, что она не осталась мертвой буквой; по ней дѣйствительно собирались свѣдѣнія. Къ сожалѣнію, только намъ

¹⁾ Этотъ послѣдній составилъ его и затѣмъ напечаталъ подъ заглавіемъ „Краткое наставленіе, какъ предохранить себя отъ прилипчивыхъ болѣзней простыми и общедоступными средствами, написанное вслѣдствіе предписанія г. министра по порученію медицинскаго факультета проф. Шумлянскимъ и Книгиннымъ“.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Журн. Правл. 1813 г., январь — апрѣль; засѣданіе 20 января.

³⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта о разныхъ предмет. 1809 г., № 35, стр. 222.

не удалось отыскать самой инструкціи Успенскаго, хотя она была напечатана въ 1809 г. ¹⁾ Во всякомъ случаѣ, зная его, можно думать, что она была составлена весьма рационально. Въ видѣ образчика доставлявшихся свѣдѣній можно указать на толково и обстоятельно составленные записки о древностяхъ Прилукскаго уѣзда почетнаго смотрителя уѣздныхъ училищъ Вѣлецкаго-Носенко. Этотъ послѣдній сообщалъ въ 1808 году данныя и оображенія объ одномъ городищѣ Прилукскаго уѣзда, объ остаткахъ изысканныхъ обычаевъ у населенія и, наконецъ, передавалъ подробности о находкѣ древней бронзовой статуи въ сел. Радьковкѣ. Вотъ его сообщеніе о городищѣ. „Въ 15 верстахъ отъ сел. Радьковки, Прилукскаго уѣзда, вверху надъ рѣчкою, въ лѣсу находится обширное городище, обнесенное довольно высокимъ и толстымъ валомъ и широкимъ ровомъ, который повидимому былъ довольно глубокъ, ибо и теперь еще имѣеть въ иныхъ мѣстахъ глубины болѣе сажени; валъ и ровъ образуютъ большой четырехугольникъ, имѣющій въ окружности около 4 верстъ; тенальныхъ тловъ никакихъ не имѣеть, а потому и должно заключать, что онъ весьма древенъ, да и лѣсъ, поросшій, какъ на валу, такъ и во рвахъ сіе свидѣтельствуеъ; слѣдовъ каменныхъ зданій въ немъ не видно. Посреди него лежитъ деревня Вороновка, принадлежащая г. Оболонскому. Но только я ни любопытствовалъ, дабы открыть что либо отъ жителей этой относительно прежнихъ обитателей сего города, ничего не успѣлъ. Мѣстоположеніе доказываетъ, что онъ былъ не простой окопъ, но дѣйствительно городъ, ибо рѣка раздѣляетъ его на 2 половины....

Пусть опытные антикваріи догадываются — изыскивають; а я думаю, что это одинъ изъ древнихъ городовъ, построенныхъ по повелѣнію вел. кн. Владиміра Святославича, какъ о томъ свидѣтельствуеъ преп. Несторъ, для защищенія границъ, отъ набѣговъ половцевъ, и потомъ запустѣлый. Глубокій изслѣдователь древностей російскихъ почтенный сочинитель пыта повѣствованія о Россіи Елагинъ полагаетъ Тмутаракань неподалеку отъ Ворсклы. Можетъ быть, любопытные изслѣдователи и строгіе критики современемъ докажутъ, что, не взирая на камень, найденный на островѣ Тамани, въ странѣ, отдаленной отъ Кіева и Чернигова, за редѣлами всѣхъ непримиримѣйшихъ враговъ Россіи, орды печенѣжскихъ и половецкихъ, которые не разъ заставляли трепетать Владиміра, хотя бывали побѣждаемы богатырями русскими, но никогда не были покорены, а потому и не могли они допустить Владиміра и Мстислава надѣсть, за обширными стенами своими, за многими рѣками, небольшимъ островомъ, который и теперь незавидное составляетъ владѣніе. Можетъ

¹⁾ Вотъ подлинное ея заглавіе: „Наставленіе учителямъ для составленія историч. пограф. и статич. записокъ. Харьковъ, въ унив. типогр., 1809 г.

быть, они скажутъ, что въ 140 верстахъ отъ Кіева и Чернигова былъ сей невѣдомый никому городъ на семъ самомъ мѣстѣ или по крайней мѣрѣ одинъ изъ 9 областныхъ, принадлежавшихъ къ Тмутараканскому княжеству, — что островомъ называютъ не только землю, окруженную водою, но также окруженную лѣсомъ, что злодѣю Котупану можно было отъ сего мѣста поспѣть въ Царьградъ въ 8 дней; что съ Ясами, Касогами и Обезами можно было вести войну отъ сего же мѣста ¹⁾. Конечно, приуроченіе прилуцкаго городища собственно къ Тмутаракани фантастично, но мысль, что оно представляетъ изъ себя остатки одного изъ пограничныхъ древнерусскихъ городовъ заслуживаетъ полнаго вниманія и свидѣтельствуетъ объ основательномъ знакомствѣ автора съ русскою лѣтописью. Еще болѣе интересно извѣстіе Бѣлецкаго-Носенка о бронзовой статуѣ античнаго типа, найденной въ сел. Радьковкѣ и имъ подробно описанной ²⁾.

Инструкція для физико-математическаго факультета была составлена въ 1806 году профессоромъ технологіи Шмерфельдомъ. Чтобы дать о ней полное представленіе, мы помѣщаемъ ее въ примѣчаніи цѣлкомъ ³⁾. Авторъ ея, сославшись на предложенную во Франціи Неккеромъ

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло училищнаго ком. по архиву № 863, по картону № 33.

²⁾ Оно цѣлкомъ помѣщено въ моемъ докладѣ на Рижскомъ археологич. съѣздѣ („Роль Харьковскаго университета въ дѣлѣ изученія мѣстныхъ древностей“).

³⁾ „L'établissement d'un grand nombre d'institutions utiles et d'améliorations ne sauroit être recommandé indistinctement. L'utilité de certaines fabriques, l'application de certains principes d'économie rurale et forestière depend des circonstances locales de chaque contrée. La Russie qui offre un vaste champ d'améliorations, de recherches et de récoltes en tout genre et qui est si riche en productions, n'attend que la continuation assidue des travaux, qui ont été déjà entamés avec succès par M. Storch et par plusieurs autres pour retirer enfin de ces productions toute l'utilité, que l'on peut en espérer, et pour agir avec connaissance de cause dans l'établissement des fabriques, dans les arrangements pour la navigation, pour le commerce, pour les communications, aussi bien que dans les encouragements adressés aux habitants d'une certaine contrée. Il est vrai pour parvenir à un but si désiré les notices topographiques et statistiques ne sauroient jamais être assez détaillées et à peine puis je croire, que les travaux d'un seul homme ou d'un particulier, quoique très utiles, puissent suffire pour recueillir autant qu'il faut pour guider le gouvernement dans ses grandes opérations. M. Necker dans l'ouvrage „Sur l'administration des finances“, tome 3-ème, chapitre XXXVIII, recommande l'établissement d'un bureau général de recherches et de renseignements, qui devoit recueillir une multitude de connoissances intéressantes et les ranger après dans un ordre clair et facile. Il demande, que tous les ans y soient ajoutées de nouvelles informations et qu'on note les changements, que le temps auroit pu introduire. Ce bureau a le but de fournir tous les moyens propres à éclairer l'administration des finances. Je ne crois pas qu'il existe encore en Russie un établissement pareil malgré l'evidence de son utilité pour le gouvernement et les ministres. L'université et principalement la

організацію статистическихъ изслѣдованій, рекомендуеть въ Россіи поручить собираніе топографическихъ и статистическихъ свѣдѣній учителямъ гимназій подѣ руководствомъ и на основаніи инструкціи, составленной университетами. Онѣ именно и представляетъ опытъ подобной

section physico-mathématique doit s'interresser surtout à former un dépôt de connoissances statistiques et topographiques et la correspondance avec les gymnases paroît être un excellent moyen pour y parvenir. Tandis que le bureau susmentionné devoit attendre ses informations des employés du fisc dans les differents endroits, l'université les recevra par les gymnases de son arrondissement et obligera les précepteurs de physique, d'histoire naturelle et de statistique conjointement avec les maitres de dessin (au cas que des plans et des cartes soient nécessaires) de communiquer tous les ans quelques observations, qui ont rapport à leur environs. Pour mettre ces messieurs en train de cette occupation interressante une instruction leur est indispensablement nécessaire et quoique déjà le projet pour une telle instruction demande plusieurs connoissances locales, je hasarderai pourtant d'en indiquer les questions, auxquelles chacun devoit tacher de répondre avec le temps et au sujet des quelles ils devoient d'une année à l'autre donner des supplémens. On pourroit leur enjoindre d'abord de faire une description de leur ville et des environs. En donnant la situation géographique avec le nom nécessaires de la ville et du gouvernement on déterminera autant qu'il sera possible les degrais de longitude et de latitude. Les noms et les distances des villes, villages, rivières et montagnes suivront. Dans un pays montagneux il faut savoir si les montagnes sont vers le midi, le nord, l'est ou l'ouest; s'il est entouré de tous cotés de montagnes ou seulement de quelques cotés il est ouvert. On y ajoutera la source et le cours des rivières, parceque le dernier fera connoître la pente ou l'inclinaison de la surface. Après on parlera du climat et on fera des observations sur les vicissitudes du froid et de la chaleur. La fertilité ou la sterilité du sol sera déterminée en observant quelles espèces de terre se trouvent dans les differens endroits sablonneuse, argilleuse, calcaire et cet. Les fouilles occasionnellement faites, les écroulemens de terre, les rovin découvrent quelquefois les différentes couches et leur profondeur, on en donnera notice également. *Les marais qui peuvent se trouver dans une contrée méritent principalement une place parmi les autres observations.* Leur exhalaisons peuvent quelquefois être fatales aux habitans et leur dessechement utile en gagnant de riches paturages et en trouvant quelquefois par des canaux creusés le moyen d'établir des moulins et des fabriques utiles. Les marais sont aussi souvent les indicateurs de la tourbe. On parlera des inondations de leur causes et de leur effets. Les points suivans seront traités à leur tour: 1) L'étendue des terres en friche; 2) productions utiles et remarquables dans les trois règnes de la nature, par exemple, quelles plantes économiques et quels arbres fruitiers sont cultivés dans la contrée? Au moins une pépinière seroit très utile pour les gymnases si l'on ne peut pas leur procurer un jardin de botanique. Trouve-t-on de la craie, du gypse, de la terre à potier, à porcelaine, du charbon de terre, de la tourbe, des mines, des carrières? Qu'est ce qu'on a fait jusqu'ici pour tirer parti de ces productions. 3) L'état des forêts; quelles espèces d'arbres? Disette ou abondance de bois: bois de construction. 4) Occupations des habitans des villes et de la campagne? S'occupent ils à quelques fabrications domestiques, à faire des nottes, d'ustensiles de bois et cet. de la toile? Quelles sont leur occupations en hiver. 5) L'agriculture et l'éducation des bestiaux. A la quelle de ces occupations est on plus attaché? De quelle qualité sont les paturages du pays, quelles

инструкціи, хотя и сознаеть, что для нея нужно было бы нѣкоторое знакомство съ мѣстными условіями. Самая инструкція заключаетъ въ себѣ вопросы двоякаго рода — одни касаются территоріи и ея естественныхъ богатствъ, другіе — населенія и его занятій. Такимъ образомъ, по своему содержанію программа эта можетъ быть названа географической; она соотвѣтствуетъ тому содержанію географіи, какое господствовало и продолжаетъ господствовать доселѣ въ учебникахъ по этому предмету. По этой программѣ собирались свѣдѣнія ¹⁾, и во всякомъ случаѣ она дѣ-

sont les principales productions de l'agriculture? 6) Quelles fabriques, moulins ou machines trouve-t-on dans les villes ou dans leur voisinage? 7) A-t-on cultivé ou fabriqué auparavant quelque chose dont la culture ou la fabrication ait été abandonnée après et quelles ont été les raisons de cet abandon? 8) Quelles communications et grandes routes y a-t-il? En qu'elles distances se trouvent elles des différens endroits, qui font le commerce? Quelle sorte de commerce fait on et qui fait le commerce? 9) Enfin pour exercer le genie de ces messieurs on pourroit encore ajouter la question: que faudroit il faire pour augmenter le produit et les avantages d'une contrée, afin que ses habitants devinissent encore plus riches et plus heureux? Toutes ces questions et peut être biend'autres peuvent être interressantes. Si cependant elles n'étoient pas toutes applicables dans telle ou telle contrée, il s'entend qu'elles resteront sans réponse. Ces sortes d'instructions auront sans doute un double avantage. I) On donnera un exercice utile aux maitres des gymnases ce qui mettra l'université en état de juger de leur capacité; II) L'on parviendra par ce moyen et par les voyages que les membres de l'université entreprendront de temps en temps à recueillir peu à peu tous les matériaux necessaires pour donner la statistique la plus détaillée et la plus parfaite de la Russie, surtout si les autres universités vouloient suivre ces exemple" (Харьк. унив. архивъ. Дѣло свѣта о разн. предм. 1806 г., № 60, стр. 18—20, 213—215).

¹⁾ Въ видѣ примѣра помѣщаемъ доставленный извѣстнымъ намъ Вѣлецкимъ-Носенко „*Экономическій взглядъ на 1814-й годъ*“. (Полтавской губерніи въ Прилуцкомъ повѣтѣ). „Сей годъ, толико знаменитый, въ лѣтописяхъ міра неуроженными по великости своей, политическими событіями, замѣчательный также, для всякаго сельскаго жителя и естества-наблюдателя, своими необычайными воздушными перемѣнами: зима началась (въ 1813 году) декабря въ первыхъ числахъ сильными морозами и вьюгами; къ 10 числу весь снѣгъ согнало дождемъ; чрезъ два дни опять наступили морозы и вся земля покрылась толстымъ слоемъ снѣга; 31-го декабря пошелъ совѣтъ неожиданно сильной дождь, которой съ небольшими перемѣнами продолжался до 25-го генваря: снѣгъ опять исчезъ, рѣки наполнились водою, ледъ подмыло, жита зазеленѣли;—но вдругъ зашумѣлъ Борей, прогналъ безвременную теплоту и земля въ третій разъ покрылась снѣгомъ.

Сія новая зима продолжалась только шесть недѣль: со вступленіемъ солнца въ весеннее равноденствіе, появилась весна съ благотворною теплотою, природа обновилась, всюду зазеленѣло; деревья начали развиваться, вишни, раннія плодовые деревья и всѣ болотныя растенія зацвѣли; пчелы, которыя были выставлены прежде 25 марта (необыкновенно рано) принялись за работу; земледѣлецъ также;—все обѣщало изобиліе; но, въ половинѣ апреля, наступили сильныя утренники, которые лишили любителей садовъ удовольствія и ожидаемой

лаетъ честь своему составителю и представляетъ одно изъ проявленій интереса къ мѣстнымъ изученіямъ. Шмерфельдъ полагалъ—и онъ былъ совершенно правъ—что если бы всѣ русскія университеты устроили у себя подобныя организаціи, то мы могли бы имѣть статистику Россіи, а сверхъ того такая работа была бы полезна и для самихъ учителей.

Большую отзывчивость проявлялъ также университетъ и его факультеты въ чисто-научныхъ предпріятіяхъ. Отмѣтимъ извѣстный намъ. Въ 1811 году былъ командированъ въ Славинскъ профессоръ Роммель

прибыли: они истребили не только цвѣты и всякую огородную зелень, но и самые листья на всѣхъ деревьяхъ почернѣли и согнили; озимые хлѣба, много пострадавшіе отъ генварской оттепели, также прижелькли, земледѣльцы почитали свои груды и надежду потерянными; — чрезъ весь май продолжались дожди при холодномъ вѣтрѣ, которые поправили всякаго рода полевыхъ и огородныхъ растеній и травы, также зимніе древесные плоды. Соловей долго не хотѣлъ утѣшать насъ своими пѣснями.

Наконецъ благодѣтельный іюнь привелъ къ намъ дѣто и съ онымъ новое необычайное явленіе: всѣ рѣки начали ужасно наводняться, выступили изъ береговъ и потопили такія мѣста, кои въ весеннія половоди никогда не покрывались; такого наводненія и въ столь необыкновенное время не запомнятъ старики семидесятилѣтніе; оно продолжалось четыре недѣли: плотины и мельницы снесены юдою, на поляхъ образовались озера, въ коихъ зародилась рыба;—между тѣмъ наступило сухое время, которое благопріятствовало уборкѣ сѣна; травы были весьма густы и велики и сѣна собрано весьма много; но напротивъ того хлѣба, въ палящихъ солнечныхъ лучей, скоростижно осушившихъ землю, много потеряли: они всѣ безъизытія были прибиты; особливо жита, кои хотя были бѣдки отъ безвременныхъ зимою оттепелей, однако отъ благотворныхъ майскихъ дождей выкинули большіе колосья, хорошо красовались зерна почти ничего не дали, были мало-нажонисты, солома ихъ приболѣла; и кона(шестьдесятъ сноповъ) даетъ только двѣ мѣрки (два четверика російской мѣры)—яровой посѣвъ былъ также самой плохой. — Древесныхъ раннихъ плодовъ викакихъ не было: достойно замѣчанія, что въ Ромнѣ въ Ильинскую ярмарку (20-го іюля) сотня вишенъ продавалась по 25 рублей, одна слива по 1-му рублю; чего въ Малороссіи никто никогда не слыхивалъ: ибо прежде за цѣлое ведро оныхъ платилось по 20 копѣекъ; арбузы и дыни также не уродили; но въ замѣну того огородныхъ плодовъ и картофелей было изобиліе.

Пчелы разводились съ неимовѣрнымъ успѣхомъ, такъ что ни одинъ, самой разсчетливый пчеловодъ, не могъ призаласти довольно количества порошковыхъ ульевъ для собиранія роевъ: обыкновенный деревянный улей платился по 1 руб. 50 коп. и по два рубли, (а въ другое время 80 коп.), ибо парои (внучата) давали роевъ. Меду также было много, и цѣна за оный, изъ 12 рублей за пудъ, понизилась до шести рублей. Причина сего плодородія пчелъ есть теплый мартъ и сухой іюнь; въ мартѣ, который пріятностью своею подобенъ былъ маю, онѣ были рано выставлены изъ погребовъ и успѣли много собрать на болотныхъ цвѣтахъ, лозахъ, ракидахъ, ивахъ и вербахъ, а въ іюнѣ, на раннихъ гречихахъ и степныхъ цвѣтахъ. Гусеницъ и хрущовъ совсѣмъ не было; но надъ водами

для изученія найденнаго тамъ древняго камня съ надписью. Дѣло было такъ. Штабъ-лѣкарь Славянской больницы Зинчевскій донесъ исправнику, что онъ „нашелъ въ прошломъ 1810 году въ землѣ песчанаго грунта близъ больницы дикій камень, обдѣланный на подобіе треугольника или сердца, съ выбитыми сверху и подъ низомъ вокругъ иностранными словами и имѣющій въ окружности около 6 сажень и толщины $\frac{3}{4}$ аршина“; камень этотъ былъ осмотрѣнъ исправникомъ, который довелъ объ этой находкѣ до свѣдѣнія губернатора. Губернаторъ, полагая, что при рачительномъ осмотрѣ и освидѣтельствованіи означеннаго камня кѣмъ-либо занимающимся науками, можетъ быть открыто достойное любопытства происшествіе древности, вмѣнили себѣ въ обязанность отнестись къ г. ректору, не согласится ли онъ предложить правленію университета объ отправленіи кого въ Славянскъ для освидѣльствованія того камня и сдѣланія, если то будетъ признано нужнымъ, надлежащаго описанія. Рѣшено было командировать проф. Роммеля съ адъюнктомъ Шмерфельдомъ, выдать имъ 75 руб. на прогоны и взять отъ губернатора для нихъ подорожную и открытый листъ ¹⁾).

носилося великое множество стрекозъ и комаровъ. — Грозы въ теченіе всего лѣта было мало.

Іюль, августъ, сентябрь и половина октября весьма способствовали полевымъ работамъ. Октября 15-го ударили жестокіе морозы, рѣки стали и тихій пушистый снѣгъ покрылъ всю землю; легла санная дорога: многіе изъдалека пріѣхали санями, деревья всѣ покрылись инеемъ, словомъ зима явилась во всемъ своемъ убранствѣ; всѣ радовались и дивились столь ранней гостѣ, любезной дѣтямъ сѣвера; — но чрезъ двѣ недѣли, (1-го ноября) она скрылась отъ насъ: пустился сильный дождь, нависли сѣдые туманы, весь ледъ и снѣгъ согнало и земля совершенно разморзлась; — уже цѣлый мѣсяцъ солнце не появляется, и въ самый полдень бываетъ столь темно, что едва возможно чигать; волки, обманутые мглой, среди дня бродятъ въ селеніяхъ. — Люди, а особливо дѣти, страдаютъ судорожнымъ кашлемъ, который однакоже съ морозами началъ прекращаться. Скотъ рогатый, овцы и свиньи здоровы. — Вода въ рѣкахъ упала, вѣтра нѣтъ и потому пудъ ржаной муки продается по 1 рублю и болѣе.

Съ 1-го декабря небо начало проясняться, но морозовъ нѣтъ, даже утренниковъ: 9-го, 10-го и 11-го числа въ полѣ оралы, чего также никто не запомнить; а я сажу деревья; — въ ночи противъ 12-го замерзло, 13-го снѣгъ покрылъ землю и начали ѣздить санями; 14-го опять оттепель и дождь; 15-го опять морозъ и выпалъ снѣгъ; наконецъ 20-го Реомюровъ термометръ опустился на 19 градусовъ ниже точки замерзанія. Симъ оканчиваю я моя примѣчанія на сей необыкновенный годъ, столь непостоянный воздушными перемѣнами и неизвѣстностью погодъ. Почетный смотритель училищъ повѣта Прилуцкаго *Павелъ Бѣлскій-Носенко*. („Харьк. унив. архивъ. Дѣло училищнаго комитета по архиву № 863, по картону № 33).

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1811 г., май—августъ; засѣданіе 29 мая.

Вотъ какъ рассказываетъ о своей поѣздкѣ самъ Роммель. „Спутниками моими были—профессоръ Шмерфельдъ въ качествѣ живописца, университетскій писецъ и унтеръ-офицеръ. Мы приѣхали поздно вечеромъ на утесистый берегъ Дона, къ Святогорскому монастырю, построенному на мѣловой скалѣ. Была сильная гроза. Монахи встрѣтили насъ недовѣрчиво и отказали въ пріютѣ, не смотря на громъ и молнію; намъ пришлось провести ночь въ жалкомъ шинкѣ. По прибытіи въ Славянскъ, учителя встрѣтили меня съ почетомъ, я немедленно приступилъ къ исполненію порученія; но къ величайшему моему стыду скоро убѣдился, что грубые знаки таинственной надписи мнѣ недоступны. Оставалось снять факсимиле и послать въ Петербургъ. Только впоследствии, прибавляетъ Роммель, открылъ я большое сходство между этими письменами и рунами сибирскихъ или скифскихъ народовъ, обнаруженными Палласомъ (въ *Nordische Beiträge*) и Спасскимъ (*De antiquis quibusdam scripturis*, 1822). Наконецъ, въ 1817 году нашелъ я въ Касселѣ, въ древнихъ могилахъ гунновъ, очень похожія письма, еще никѣмъ не разобранныя. Это заставляетъ предполагать существованіе грубаго рунообразнаго письма, въ незапамятныя времена принесеннаго изъ Азіи въ Европу“. Это свидѣтельство Роммеля, какъ мы видѣли уже (стр. 389—393), не ходитъ съ докладомъ дѣла министру; но мы отдаемъ предпочтеніе собственному свидѣтельству Роммеля; что же касается разногласія его въ отзывомъ правленія, то оно можетъ быть объяснено тѣмъ, что Роммель, не разобравъ надписи, заявилъ, что знаки на ней случайныя, если только онъ сдѣлалъ докладъ въ такомъ смыслѣ; мы лично сомнѣваемся въ этомъ, тѣмъ болѣе, что въ журналахъ правленія не нашли такого документа.

Въ 1814 году правленіе, основываясь на предложеніи губернатора, командировало въ Чугуевъ проф. Таубера и Громова для осмотра мамонтовыхъ костей. Вотъ что сообщалъ въ своемъ рапортѣ по этому поводу Чугуевскій полицмейстеръ: „въ предѣлахъ войска Чугуевского, владѣнія помѣщицы губернской секретарши Любимовой, при мельничной плотинѣ, состоящей на рѣчкѣ Тетлѣгѣ, которую (плотину) полою водою прорвало и сдѣлало глубокую вымоину, оказались кости, подобныя человѣческимъ, необыкновенной величины, какъ-то: зубъ окаменѣлый, кости ножныя и плечныя, которыхъ я, считая за рѣдкость, достойную примѣчанія, представляю въ натурѣ, присовокупляя, что въ берегу той вымоины, глубиною аршинъ въ 5, видны изъ земли кости ножныя, повидно, что и всего корпуса кости должны быть тамъ же, но если бы ихъ вырывать, то должно почти подрыться подъ находящуюся отъ берега въ 5-ти аршинахъ хату, принадлежащую помянутой помѣщицѣ

правляю въ Харьковъ, а по отправленіи доставлю при рапортѣ въ комитетъ списокъ породъ растений и количества оныхъ.“ Изъ рапорта Каретникова мы узнаемъ, что все было доставлено въ цѣлости и сохранности и особое усердіе въ сохраненіи деревьевъ на мѣстѣ и въ пути оказалъ университетскій служитель Моисей Бурименко, которому правленіе выдало за это награду. Расходовъ по этой командировкѣ понесено было 800 руб. (сюда входитъ и стоимость растений). ¹⁾

Вернувшись изъ Крыма, Каретниковъ организовалъ ботаническія экскурсіи со студентами. „По возвращеніи моемъ изъ Крыма въ свободные часы отъ лекцій со студентами ботаники сколько времени оставалось до вакансій, я дѣлалъ нѣсколько ботаническихъ экскурсій, на которыхъ кромѣ того, что показывалъ классы на самихъ растенияхъ, названія оныхъ, употребленіе въ болѣзняхъ и хозяйствѣ, старался показать путь по брачной системѣ Линнея познавать неизвѣстныя растения, причислять ихъ къ классамъ, разрядамъ, находить ихъ роды и виды.“ ²⁾

Профессоръ Нельдехенъ самъ просилъ совѣтъ въ 1813 году командировать его на лѣтніе каникулы въ южныя губерніи для визитаціи училищъ и вмѣстѣ съ тѣмъ для агрономическаго и стистическаго изслѣдованія этого края ³⁾. Нужно упомянуть также объ изслѣдованіяхъ мѣстныхъ аэролитовъ. Въ 1807 г. Шнаубертъ и Гизе „анализировали воздушный камень, упавшій нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ сумскомъ уѣздѣ харьковской губерніи. По химическомъ разложеніи этого камня, о которомъ проф. Шнаубертъ представилъ въ совѣтъ подробную записку, оказалось, что въ немъ столько же кремнистой земли, сколько найдено въ аэролитѣ Бенарескомъ, изслѣдованномъ Вокеленомъ, почти столько же талька, сколько въ воздушномъ китайскомъ камнѣ, анализированномъ Клапротомъ, и почти такое же количество никеля, какъ въ Эйхштадскомъ камнѣ, изслѣдованномъ тѣмъ же химикомъ. Въ 1814 г. упалъ въ бахмутскомъ уѣздѣ, въ 10 вер. отъ казеннаго селенія Алексѣевки, при сильномъ трескѣ, аэролитъ замѣчательный необыкновенной величиною своею, ибо вѣсъ его былъ не менѣ пуда. Аэролитъ этотъ, при паденіи на землю, разбился на нѣсколько частей и одинъ кусокъ его, препровожденный въ университетъ екатеринославскимъ губернаторомъ, былъ анализированъ проф. Гизе.“ ⁴⁾ Вотъ официальное описаніе паденія камня, доставленное бахмутскимъ земскимъ исправникомъ. „Февраля 3 дня въ

¹⁾ Харьк. унив. арх. Журн. правл. 1805, январь—іюнь, заведеніе 12 мая.

²⁾ Харьк. универ. арх. Дѣло совѣта о разн. предм. 1805 г. № 24, стр. 7.

³⁾ Ibidem; дѣло совѣта о разн. предм. 1813 г. № 52, стр. 110.

⁴⁾ Рославскаго-Петровскаго. Объ ученой дѣятельности, стр. 34—35.

12 часу по полудночи слышенъ былъ въ уѣздѣ громовой ударъ и спалъ съ облаковъ въ 10 вер. отъ казеннаго селенія Алексѣевки на самую дорогу камень, который отъ паденія вошелъ въ землю на 6 вершковъ и разбился на многія части. 6 человекъ Алексѣевскихъ поселянъ, бывшихъ тогда на степи, слышали тотъ громовой ударъ на подобіе пущеннаго выстрѣла и сильный шумъ въ воздухѣ, продолжавшійся при солнечномъ сіяніи не менѣе часа, а одинъ изъ нихъ и видѣлъ, что этотъ камень летѣлъ отъ востока къ западу наискось; въ это же время слышенъ былъ и громъ въ разныхъ селеніяхъ, отстоящихъ отъ Алексѣевки до 75 вер. Таковое происшествіе — весьма рѣдкое въ этихъ мѣстахъ. Камень былъ вѣсомъ въ пудъ; разбился онъ на мелкіе куски; одна часть ихъ была отправлена въ Харьковскій университетъ, другая въ Екатеринославскую гимназію ¹⁾.

Съ очень важными проектами мѣстныхъ изслѣдованій выступилъ профессоръ математики и астрономіи Гутъ. Въ 1809 г. онъ подаль попечителю округа записку, въ которой „для славы здѣшняго университета“ предлагалъ организовать въ Харьковскомъ учебномъ округѣ астрономическія, геодезическія и метеорологическія наблюденія и измѣренія. „Я думаю, писалъ Гутъ, что весьма бы много послужило къ пользамъ университета и много бы принесло славы оному, когда бы можно было часто бѣявлять въ публичныхъ мѣстахъ и повременныхъ изданіяхъ важныя новыя наблюденія, чинимыя въ Харьковѣ и его учебномъ округѣ. Вслѣдствіе чего я бы нижайше предложилъ слѣдующее: 1) учредить небольшую обсерваторію для астрономическихъ наблюденій; 2) приказать чинить измѣреніе цѣлаго градуса, какъ по меридіану, такъ и параллельной линіи Харькова, такъ чтобы городъ сей находился на срединѣ оныхъ; 3) приказать производить метеорологическія наблюденія не только здѣсь въ Харьковѣ, но и во всѣхъ гимназіяхъ округа Харьковскаго университета“. Далѣе Гутъ излагаетъ, что, по его мнѣнію, необходимо для осуществленія его проектовъ.... Легкимъ дѣломъ представлялось Гуту, какъ не геодезисту-практику, производство предполагаемаго имъ градуснаго измѣренія. Для этого нужно только, писалъ онъ, „доставить нѣсколько способовъ для предпринятія нужныхъ путешествій и наблюденій и чтобы для сего данъ былъ мнѣ искусный въ дѣлѣ семъ кандидатъ, котораго я самъ избрать имѣю“. Знакомый, очевидно, лишь теоретически съ высшей геодезіей, Гутъ не сознавалъ невозможности выполненія задуманнаго имъ предпріятія съ тѣми слишкомъ скромными инструментальными средствами, которыя имѣлись въ тогдашнемъ астрономиче-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1814 г. № 38.

скомъ кабинетѣ. Съ этими средствами, въ лучшемъ случаѣ, возможно было произвести астрономо-тригонометрическую съемку окрестностей Харькова для картографическихъ цѣлей. Но, быть можетъ, разъ начатое дѣло само бы показало Гуту необходимость покупки новыхъ и болѣе совершенныхъ инструментовъ, чѣмъ тѣ, какіе были въ его распоряженіи, а практическій опытъ, приобретенный при дѣйствительныхъ измѣреніяхъ, постепенно выработалъ бы изъ Гута геодезиста практика. Во всякомъ случаѣ нужно весьма сожалѣть, что постороннее обстоятельство, отъѣздъ Гута, помѣшало ему начать геодезическія работы по производству градуснаго измѣренія. Измѣренію этому Гуть придавалъ большое значеніе.... И онъ былъ правъ. До того времени градусное измѣреніе въ Россіи предпринято было только однажды въ 1737 г. Делилемъ. Но измѣреніе это остановилось послѣ немногихъ начальныхъ работъ, результаты которыхъ нигдѣ не были опубликованы и найдены О. Струве въ бумагахъ Делиля лишь въ 1844 г. И такъ, первая мысль о производствѣ русскаго градуснаго измѣренія въ текущемъ столѣтіи высказана была въ Харьковскомъ университетѣ. Лишь 3 года спустя послѣ подачи разсматриваемаго проекта, та же мысль возникла у В. Струве, тогда еще студента Дерптскаго университета.... Измѣреніе это... было начато въ 1821 г. и вскорѣ развилось, какъ извѣстно, въ одно изъ грандіознѣйшихъ научныхъ предпріятій текущаго столѣтія, измѣреніе дуги меридіана въ $25^{\circ}20'$, между Дунаемъ и Ледовитымъ моремъ. Выполненіе третьяго изъ проектовъ Гута, проекта организаціи метеорологическихъ наблюденій въ южной Россіи, не представляло повидимому никакихъ трудностей и могло бы доставить чрезвычайно важные результаты для климатологіи. Въ своемъ рапортѣ Гуть писалъ, что самъ онъ, начиная съ 1 января 1809 г., ежедневно по три раза въ сутки по утру, въ полдень и ввечеру производитъ отчеты барометра, термометра и гигрометра. Но онъ „весьма много“ желалъ бы, чтобы подобныя метеорологическія наблюденія чаще производились наиболѣе усидчивыми въ математическихъ и физическихъ наукахъ кандидатами, „подъ общимъ надзоромъ профессоровъ физики и математики“. Тѣ же профессора должны были бы составить инструкцію для производства метеорологическихъ наблюденій въ гимназіяхъ округа¹⁾.

Кромѣ перечисленныхъ выше сочиненій, была еще цѣлая серія работъ не ученаго, а официально-служебнаго характера; сюда нужно отнести письменныя рецензіи, рѣчи на похоронахъ, статьи, читавшіяся

¹⁾ Проф. Г. В. Левицкаго. Астрономы и астрономическія обсерваторіи Харьк. ун-та въ 1808 по 1842 г., стр. 12—14.

въ совѣтскихъ засѣданіяхъ, уставы разныхъ учреждений, правила для студентовъ и т. п.

Изъ числа официальныхъ рецензій выдаются Шадовскія; такова его рецензія на книгу Гизе „*O химическихъ процессахъ*“. Чтобы дать понятіе о ней читателямъ, приводимъ ее въ примѣчаніи цѣликомъ въ оригиналѣ ¹⁾. И въ этой небольшой статейкѣ замѣтенъ сильный,

¹⁾ Legi magna cum attentione librum, cujus titulus: *Von den chemischen Processen. Von Ferdinand Giese*. Juxta meam sententiam hic liber ita comparatus est, ut laudem et approbationem eruditorum multis ex capitibus magnopere mereatur. Nam et insigni cognitionum ad chemiam pertinentium copia et raro ingenii acumine spiritusque vere critico ac philosophico, quo phaenomena chemica explicantur et demum apto, praeciso elegantique stylo prae multis, qui de rebus chemicis scripti sunt, libris se comendat.

Jam laudem meretur, qui aliorum inventiones colligit ac systematice disponit. Sed ingenii vim potissimum ille prodit, qui, quae alii protraxere in lucem omni ex parte, et quandoque melius, quam ipsi inventores penetrans in suos usus finesque convertit nec alienis solum, sed et propriis suaeque industria comparatis thesauris splendet. Authorem nostrum parem esse in utraque laude, qui, perlecto cum debita attentione ejus libro, id neget, puto esse neminem. Nam non solum usus est ingeniose experientiis ab aliis chemicis factis, sed ipsemet per experimenta plura hanc scientiam illustravit, iisque thesaurum cognitionum, quarum fons est experientia artificialis, auxit. In toto libro, ubique occurrunt argumenta, quibus et fructuosa applicatio inventionum ab aliis factarum et propria ingenii in inveniendis feliciter occupati foecunditas comprobatur.

Sed quo author noster inter plures chemicos jure sibi palmam vendicat, est spiritus ille criticus et philosophicus, quo phaenomena chemica et considerat et incumbens repugnantiae tenebris liberare nititur. Jam magnum est in aliqua scientia vivere, quae paucissimi ac celeberrimi ejus cultores non vident, naevos scilicet et repugnantias, quibus adhuc scattet. Sed repugnantias tollere ac novis aptisque ideis, quae sunt dissona, ad perfectam reducere harmoniam, hoc opus, hic labor est. Criticae est, principia, quibus nititur quaedam scientia quibusque phenomena illi propria explicari solent, examinare et utrum solida, firma stabilia sint, nec ne, argumentis evidentibus ostendere. Hoc nisi fiat, nulla scientia ad eum, cujus capax est, perfectionis gradum pervenire potest. Jam vero, si ulla adhuc scientia critica, tanquam salutari medicina, qua morbis suis liberetur, indiget, est praeprimis chemia. Stupenda quidem est et copia, et utilitas inventionum hac in saecula recentissimis temporibus factarum, ut, si hujus tantum momenti rationem habere velimus, chemia inter perfectissimas scientias numeranda esse videatur. Sed quod cognitionibus nostris experientiae fonte haustis characterem proprie scientificum imprimit easque ad dignitatem veri nominis scientiae evehit, est nexus ille necessarius, quo res quidem omnes in se cohaerere cogitandae sunt, qui tamen oculum empiricum fugit, ideoque sola ratione, cujus unicum negotium est, ea quae per experientiam neque prodeunt nec prodire possunt, et indagandus, et in lucem pertrahendus. Hoc solo nexu, ex rationis principiis hauriendo, cognitiones nostrae empiricae, quae, ut tales, quaecunque demum copia abundant, solummodo aggregatum quoddam constituunt corporis quasi organici formam induunt mentemque, propulsata omnis repugnantiae calligine, sua pulchritudine, harmonia perspicuaque luce oblectant. Hic nexus necessarius in omnibus, quae de chemia conscriptae sunt, theoriis

ясный, логический умъ автора. Отзывъ Шада о книгѣ Гизе отличается хвалебнымъ тономъ. А чтобы дать понятіе о силѣ его отрицательной критики, приведемъ въ примѣчании его отзывъ о сочиненіяхъ адъюнкта Паки-де-Совиньи ¹⁾.

adhuc desideratur. Author propositi libri tum per criticam suam qua plura principia chemica examini subjicit, eorumque repugnantias ostendit, tum per tentamen, ideas novas proponendi, quibus illae ad harmoniam reduci possint, eo majorem meretur laudem, quo minus a chemicis in utraque parte adhuc sit praestitum. Si enim clarissimum Scherer alios paucissimos excipias, reliqui omnes, etiam quos fama celeberrimos fecit, adhuc sepulti jacent in ignorantia chaotici illius status, in quo chemia ad nostros usque dies versatur. 26 augusti 1805". Съ этимъ согласился и Стойковичъ. (Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта о разныхъ предметахъ 1805 г. № 24, стр. 100).

¹⁾ Cum Senatus academicus mihi comiserit negotium, opera manuscripta domini Adjuncti de Sauvigny legendi et examinandi, sententiam meam de dictis operibus ea mentis sinceritate ac libertate, eo veritatis justitiaeque amore proferam, quo soleo, res ad Universitatem spectantes, reposito omni partium studio, tractare et dijudicare. Labor authoris potissimum versatur in conficienda linguae latinae grammatica, quae studiosae juventutis nationis Rossicae utilis et conveniens esse possit. Unus tantum modo tomus inter opera ejus manuscripta grammaticae terminos transgreditur ac rhetoricam pro objecto habet, quod autem opus, quum sit mala... compillatio, operae pretium non ducere censere.

Primo laudanda mihi esse videtur magnopere Authoris industria, qua incitatur tempus a laboribus suis ordinariis vacuum hac elucubratione utilitati Universitatis voluit consecrare. Deinde nec minus mihi probatur, quod potissimum secutus sit Broederum, cujus grammatica linguae latinae ab omnibus competentibus iudicibus ac justis rerum litterarium aestimatoribus palmam tulit. Haec vero grammatica cum sit conscripta in lingua germanica, non potest usui esse nostrae studiosae juventuti, quae potius amat addiscere linguam gallicam, quam germanicam. Cum ergo Author noster elegerit linguam gallicam, qua grammaticam ad normam Broederianae exararet, studiosae nostrae juventuti quasi viam stravit, ad occupandas divitias linguae latinae in praestantissimo opere illo expositas. Sed quod in elucubratione domini adjuncti de Sauvigny potissimum requiro, est brevisitas, cujus in libris ad usum scholasticum destinatis praecipuis habenda est ratio. Authoris, quae ad grammaticam pertinent, opera manuscripta, typis mandata certe duo magna facient volumina. Haec prolixitas non harum detrahet operis utilitati. Ego quidem existimo, illum commodo studiosorum melius consuluisse, si Braederi grammaticam simpliciter in linguam gallicam transtulisset, quam ut excerptendo ex variis authoribus et proprio ingenio nonnulla addendo hoc opus ad tantam extensionem extenderet.

Quod autem Authoris petitionem spectat, qua tendit senatum permovere, ut se in professorem ordinarium literaturae latinae eligat, ingenue fateor, ejus opera manuscripta, quae maxima ex parte ex aliis similibus operibus compillata sunt ideoque multum quidem industriae, parum autem ingenii produnt, mihi nequaquam tanti momenti videri, ut ejus petitioni satisfaciendum esse existimem. Haec certe cathedra multo est difficilior, quam Author putet et infinite plus imponit operis, quam ejus humeri ferre posse videantur. Professor literaturae et linguae latinae, siquidem dignus sit hoc munere, debet primo versatus esse in omni genere scientiarum, quas pertractarunt in suis operibus Authores hujus linguae classici. Fieri quippe nullo modo potest, ut quis recte intelligat genu-

Другим выдающимся критиком профессорских сочинений был Осиповский, выступивший съ разборомъ физики Стойковича и логики Шада. „Замѣчанія свои на первое сочиненіе Осиповскій раздѣлилъ на двѣ части общія и частныя. I. Сочиненіе это, писалъ онъ въ 1-й части, весьма неисправное, такъ какъ 1) изобилуетъ множествомъ опечатокъ; 2) многіе отдѣлы изложены такъ, что нельзя понять, о чемъ въ нихъ говорится. II. Авторъ имѣлъ въ виду расположить свойства тѣлъ въ порядкѣ, соотвѣтствующемъ категоріямъ Канта, но такъ какъ этого нельзя сдѣлать безъ ватажки, то и вышло 1) что въ категоріи количества *единству* соотвѣтствуетъ *протяженіе* тѣлъ, множественности — фигура ихъ, а общности дѣлимость; 2) въ категоріи качества, *положительному* соотвѣтствуетъ *экспанзивная сила* матеріи, *отрицательному* — *притягательная сила*, а *ограниченію* различные виды матеріи. III. Основные идеи, которыми руководствуется эта система, взяты изъ сочиненія Канта, на-полненного странными идеями и изданнаго подъ заглавіемъ „*Metaphysische Anfangsgründe der Naturwissenschaft*“. Такъ какъ эти мысли пере-мѣшаны съ обыкновенными положеніями физиковъ, съ которыми они однако не вяжутся, то читающему представляется все въ видѣ какой то

num sensum alicujus loci vel libri, ubi differitur de quadam scientia in cujus ditione
ospes plane est et peregrinus. Deinde infinita quasi requiritur eruditio, ut quis omnes
los, quibus referti sunt libri antiquorum classici, antiquos mores, consuetudines, le-
res, religionis ceremonias, principia cogitandi et agendi et totam antiquitatis sphae-
am, a genio nostrorum temporum tantopere abhorrentem, intelligere possit. Hac si pro-
fessor caret cognitione, quasi caecus in provincia ignota et invia necessario ubique offendet-
titulabit ac prolabetur nec inveniet vel unum terrae punctum ubi secure pedem fugere
possit. Praeservet nos Deus ab ejusmodi ductoribus ac doctoribus coecis. Porro cum la-
tini sui ingenii culturam hauserint ex graecis fontibus, sequitur, professorem litteraturae
latinae carere nullo modo posse exactissima non solum linguae graecae, sed etiam om-
nis eruditionis, qua graeci florebant, cognitione. Cultura autem graecorum cum ad an-
tiquiora adhuc recedat tempora, facile intelligitur, ejus cognitionem plus adhuc habere
difficultatis, quam illam Romanorum. Huc accedit critica, sine qua omnis languet phi-
logia, quae quam sit difficilis scientia, quam rara, quamque requirat familiari....
um authoribus classicis, ut, quae loca sint genuina, quaeque ulla ratione sint vitata aut
quae opera recte adserebantur certis authoribus, quaeque sint proles spuriae secure pos-
sit dijudicari inter omnes solide eruditos constat. Denique a professore litteraturae la-
tinae jure quoque requiritur, ut juxta genium illius linguae et nativam indolem possit
scribere. Quod harum praerogativarum vel una in Domino Sauvigny habeat locum ausim
ateri, me magnopere dubitare, licet immodeste satis et tam inepte, ut prodatur, se hujus
scientiae nequidem habere conceptum, cum clarissimo Wolfio se comparet et se inter et
illum nullum esse discrimen afferat, id quod et mihi risum movet et acclamare facit
illis cum Horatio: „*risum teneatis, Amici!*“ (Харьк. унив. арх. Дѣло сов. о разныхъ
предм. 1807 г. № 61, стр. 127).

галиматъи“¹⁾. Чтобы дать понятіе о многочисленныхъ частныхъ замѣчаніяхъ Осиповскаго, приведемъ въ примѣчаніи нѣкоторыя изъ нихъ²⁾. И въ этомъ отзывѣ въ вину Стойковичу ставится главнымъ образомъ его увлеченіе философскими идеями Канта. Но еще большее нерасположеніе къ представителямъ нѣмецкой философіи высказываетъ Осиповскій въ рецензіи на логику Шада; тамъ онъ между прочимъ говоритъ: „каждый изъ философовъ нѣмецкихъ, какъ будто для хвастовства, отличался отъ прочихъ большимъ или меньшимъ количествомъ странностей въ мысляхъ, но каждый отличался своими странностями, а нашъ философъ, принявъ подъ свой покровъ странности всѣхъ, прибавилъ къ нимъ еще столько же своихъ“³⁾.

Такимъ образомъ, и въ рецензіяхъ сказались два направленія, господствовавшія тогда въ Харьковскомъ университетѣ, — отвлеченно философское и эмпирическое.

Нѣкоторыя сочиненія читались въ засѣданіяхъ совѣта и, можетъ быть, также вызывали замѣчанія присутствовавшихъ тамъ членовъ. Такъ, въ сентябрѣ мѣс. 1807 г. адъюнктъ Ванноти читалъ въ совѣтѣ трактатъ „*De sensibilitate hominis in quantum corpori attribuenda est deque necessitate in universum concipiendae naturae humanae ul synthesis et mentis et corporis*“. Статья эта сопровождается любопытнымъ эскизомъ, разъясняющимъ основную философскую точку зрѣнія автора. „La philosophie, говоритъ онъ, a eu tort de ne pas descendre plus avant dans l'homme physique, c'est là, que l'homme moral est caché; l'homme extérieur n'est que la faillie de l'homme intérieur“. Чтобы дать понятіе объ этой статьѣ, приведемъ въ примѣчаніи ея начало.

¹⁾ И. П. Щелкова. Изъ исторіи Харьк. унив. (Ж. М. Н. Пр. 1890, окт., стр. 378).

²⁾ In § 47, 2. Autor curat demonstrare, omnia fluida consistere ex particulis sphaericis et in § 49 diversam actionem corporum fluidorum in nostros nervos adscribit diversae formae particularum eorum. § 50 proponitur opinio ad idaeas Kantii materiam divisibilem esse in infinitum et hanc divisibilitatem non ab ipsa materia sed a spatio ejus dependere et in § 53 adducuntur observationes physicae divisibilitatis, in quibus divisibilitas ipsi materiae adscribitur. § 55, 56, 57 impenetrabilitas corporum repraesentatur (ad idaeas Kantii), quam relativa, secundum quod—quo corpus aliquod sit compressibilis, eo est penetrabilis et quo incompressibilis, eo impenetrabilis; sed exempla observationum et experimentorum adducta in § 58 cum his idaeis non congruunt. In prima observatione dicitur aërem esse in eodem gradu impenetrabilem, uti sunt omnia alia corpora. A 65 ad 99 est mixtio idaearum Kantii et physicorum de gravitate et gravitatione ex qua provenit, ut. § 68 et 70 sint prorsus intelligibiles и т. д. (Харьковский університ. архивъ. Дѣло совѣта о разныхъ предметахъ. 1814 г. № 58, стр. 4—9).

³⁾ И. П. Щелкова. Изъ исторіи Харьк. унив. (Ж. М. Н. Пр. 1890, окт., стр. 378).

⁴⁾ „Omnium temporum philosophi principes vere asseruerunt intime cognitionem hominis philosophicam cum ejus cognitione physica nexam esse aretissimisque vinculis

Изъ печатныхъ брошюръ, заключающихъ въ себѣ погребальныя рѣчи, отмѣтимъ слѣдующіе: 1) *Извѣстіе о смерти проф. имп. Харьк. универ. Ивана Степановича Рижскаго* X. 1811, стр. 43; 2) *Memoria prof. Gregorii Terlaits, natione serbica oriundi. Scripsit Athanasius Stojkovits*. X. 1812, 11 стр.; 3) *Рѣчи, произнесенныя января въ 27-й день 1812 г. въ печальномъ собраніи имп. Харьк. универ. непосредственно послѣ погребенія экстраорд. проф. Авраама Яковлевича Калкау стат. совѣт. В. Н. Каразинымъ на рус., проф. Шабо на лат. и проф. Делуровымъ на франц. яз. (съ переводомъ на русск. яз.)*. X. 1812, 42 стр. Въ первой брошюрѣ содержатся описаніе похоронъ и рѣчи преподавателя коллегіума Автоновскаго, проф. Тимковскаго (на рус. яз.), Белень де Баллю (на франц. яз.) и Роммели (на латинскомъ); затѣмъ идутъ рѣчи уче-

mutuo contineri. Nemo de hac veritate dubitare potest, qui perpendit scientiam hominis philosophicam atque physicam semper pari perfectionis passu incessisse omnesque philosophos, qui profunda hominis cognitione inclaruerunt omnibusque suis coaevs longe praestiterunt, scientiam hominis physici non modo non neglexisse, sed cum primis omni studio atque summo ardore coluisse. Sufficit hic inter veteres philosophos nominare Pythagoram, Democritum, Hippocratem, Epicurum, Aristotelem; inter recentiores Baconem, Kartesium, Lokium; inter recentissimos Kantium, Schellingium aliosque.

Natura humana ex duabus naturis, una corporea, altera intellectuali ita composita est, ut haec illius formam induerit, corpusque mentis libertatem restringat, mens autem corpori vicissim dominetur. Ergo in humanae naturae studio unice intelligentiam humanam tanquam objectum disquisitionis ac meditationis sibi proponunt, aequae ac ii, qui unice organismum perscrutantur hacque via sufficienter et adaequate naturam hominis cognosci posse sibi persuadent, certe maximo in errore versantur. Homo, quum sit intelligentia corporea, oportet eum, qui veram ejus naturam exploratam habere desiderat, neque corpus hominis, neque animam separatim exanimare, sed unam indivisibilemque naturam humanam percunctari; sola hac ratione hominis natura investigata perfectissime se manifestabit. Medicus non solum sic dictae anthropologiae physicae, philosophus non solum sic dictae anthropologiae psychologicae aut philosophicae operam navet, sed uterque anthropologiae quam verae de homine doctrinae, sensu, quem jam verbi etymologia exprimit, studeat. Cum autem hucusque fere medici soli organismum consideraverint, ut philosophi alteris hominis partem, scilicet ejus intelligentiam, certe non inutilis aut parvus labor esset, si omnia ea junctim traderentur, quae medicis usque ad nostrum tempus de natura hominis innotuerint quaeque inprimis mirandum hoc commercium, quod inter animam et corpus subsistit, demonstrant. His enim scientiis empiricis philosophi instructi eo majore facilitate et certitudine de humana natura judicabunt eamque profundius perspicient. Hunc in finem de sensibilitate organismi nostri nunc agam in quantum haec facultas corpori attribuenda sit, sedemque habeat in systemate nervoso et praecipue in cerebro parte hominis corporea maxime elaborata et absoluta. Sensibilitas enim possibilitatem animae per corpus limitatae significare et quae rationes corporis ad animam esse possint, inprimis indicare videtur.... (Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта о разныхъ предметахъ 1807 г., № 61, стр. 133—143). О другихъ работахъ, представленныхъ въ совѣтъ, мы говорили на 276—279 стр. своего труда.

никовъ и нѣмецкій переводъ рѣчи Тимковскаго. Во 2-й брошюрѣ напечатана проф. Стойковичемъ „памятка“ о проф. Гр. Терлаичѣ (на латин. яз.) и затѣмъ слѣдуетъ русскій переводъ ея, сдѣланный студентомъ Лебединскимъ; содержаніе 3-й брошюры видно изъ ея заглавія. Такимъ образомъ, надгробныя рѣчи были произнесены и напечатаны шестью профессорами. На содержаніи рѣчей мы теперь останавливаться не будемъ, а постараемся воспользоваться ими въ 7-й главѣ своего труда для характеристики нравственной личности почившихъ. Прибавимъ тутъ кстати, что сохранилась въ рукописи и рѣчь надъ безвременно угасшимъ профессоромъ Умляуфомъ ¹⁾).

Наконецъ, слѣдуетъ еще отмѣтить чисто официальные изданія профессоровъ, составленные ими частію по порученію начальства, частію по собственной инициативѣ. Это будутъ: 1) Объ обязанностяхъ студентовъ адъюнкта Гамперле. X. 1806 г.; 2) Правила для казеннокоштныхъ студентовъ. X. 1807 г.; 3) Прибавленія къ правиламъ для казеннокоштныхъ студентовъ, на лат. языкѣ, составленные проф. Якобомъ. X. 1809 г.; 4) Латинскій переводъ Высочайше утвержденного 5 ноября 1804 г. устава университета, сдѣланный профессорами Стойковичемъ и Шадомъ. X. 1809 г.; 5) Планъ и правила педагогическаго института, составленные проф. Роммелемъ. X. 1811; 6) Уставъ Харьковскаго общества наукъ (на рус. и лат. яз.). X. 1813 г. Всѣ эти труды, конечно, не имѣли научнаго значенія, но къ нимъ отчасти можно причислить еще одну работу, которая не была лишена такового—имѣемъ въ виду описаніе рукописей университетской библіотеки, сдѣланное библіотекаремъ и проф. Велень-де-Баллю („Notitia et descriptio aliquot codicum manuscriptorum, qui reperiuntur in bibliotheca universitatis imperialis, quae Charcoviae floret“), помѣщенное въ „Conspectus proelectionum a 17 aug. 1807 ad 30 junii 1808 anni in Caesarea universitate Charcoviensi publice habendarum“, Charcoviae, typis universitatis, an. 1807, р. III—X. Большая часть рукописей здѣсь богословскаго, философскаго и медицинскаго характера и относится къ XVI—XVII вв.; есть сочиненія Іоанна Дамаскина, Александра Маврокордато, Горезія. Приобрѣтены онѣ были у одного лица вмѣстѣ съ его книгами; всѣхъ ихъ описано 12 ²⁾). Нужно еще имѣть въ виду, что нѣкоторыя изъ рукописей, предложенныхъ университету, не были напечатаны только потому, что боялись не выручить затраченныхъ на

¹⁾ Она помѣщена въ дѣлѣ совѣта о разныхъ предметахъ 1807 г. № 61, стр. 75—78. (Харьк. унив. архивъ).

²⁾ Эту работу было бы, по нашему мнѣнію, полезно перепечатать; ея нѣтъ ни въ нашей университетской, ни въ Императ. публичной библіотекѣ; и намъ удалось разыскать ее только въ библіотекѣ Императ. академіи наукъ.

изданіе ихъ денегъ. Это, напримѣръ, нужно сказать относительно „Домашняго лечебника“ Виллиха, переведеннаго съ англ. на рус. языкъ В. Н. Каразинымъ. О самой книгѣ офиціальныя рецензенты профес. Шумлянскій далъ благопріятный отзывъ. „Находившійся у меня, писалъ онъ, переводъ „Домашняго лечебника“ Виллиха я прочиталъ и, исключая немногія странныя мысли автора, нашелъ его полезнымъ и къ напечатанію годнымъ. Но можетъ ли университетъ выручить съ нѣкоторой выгодой потребную для напечатанія его сумму, трудно опредѣлить, потому что таковыя сочиненія, хотя гораздо меньшаго достоинства, на нашемъ языкѣ уже имѣются и въ великомъ расходѣ. То одно подаетъ надежду къ неубыточной выручкѣ, что сіе сочиненіе можетъ кромѣ любопытной пубрики привлечь вниманіе и самихъ врачей русскіихъ“¹⁾.

Наконецъ, слѣдуетъ еще замѣтить, что факультеты предлагали темы для конкурсныхъ сочиненій и выдавали за нихъ опредѣленные преміи. Такъ, напримѣръ, юридическій факультетъ въ 1811 г. задалъ тему, одобренную министромъ — *„защищаемая Адамомъ Смитомъ неограниченная свобода въ производствѣ ремеселъ дѣйствительно ли есть единственное средство, коимъ можетъ обезпечено быть продолжительное и когда увеличивающееся благосостояніе народы? Когда же, напротивъ того, неограниченная свобода въ производствѣ ремеселъ не можетъ быть признака за таковое средство, то изяснить правило, изъ коего бы должно было извлечь ограниченіе свободы производства ремеселъ“*. Тема эта была опубликована въ Петерб., Моск. и Галльскихъ вѣдомостяхъ и за рѣшеніе ея назначено 100 руб.²⁾. Въ 1812 году совѣтъ, какъ мы знаемъ, рассматривалъ два отвѣта на эту тему (279 стр. настоящаго труда).

Таковы были разнообразныя сочиненія профессоровъ Харьковскаго университета въ первые десять лѣтъ его существованія. Мы точно опредѣлили количество и даже отчасти качество ихъ. Но для полнаго выясненія дѣла было бы важно знать, какое распространеніе имѣли они въ той средѣ, для которой издавались. И для рѣшенія этого вопроса въ нашемъ распоряженіи имѣются кое какія данныя.

Говоря вообще, нужно сознаться, что онѣ находили себѣ довольно широкое распространеніе въ публикѣ. Къ такому заключенію мы приходимъ, основываясь на самомъ характерѣ этихъ трудовъ, на количествѣ выпускавшихся въ свѣтъ экземпляровъ и, наконецъ, на статистическихъ данныхъ о предварительной подпискѣ на нѣкоторые изъ нихъ. Что касается характера трудовъ, то, какъ мы видѣли, большинство ихъ

¹⁾ Харьк. универ. архивъ. Дѣло сов. 1806 г. № 43.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1811 г. сентябрь — декабрь, засѣданіе 26 сентября.

представляло изъ себя учебники и руководства для гимназій и университета; значить рассчитано было на массу учащихся. Правда, гимназій тогда было гораздо меньше, чѣмъ теперь; но все таки въ огромномъ Харьковскомъ учебномъ округѣ спросъ на учебники долженъ былъ быть весьма значительный. Въ университетѣ число студентовъ было правда очень ограничено; но нѣкоторые изъ университетскихъ печатныхъ руководствъ находили себѣ распространеніе и внѣ университета—въ педагогической средѣ и даже за предѣлами своего учебнаго округа. Это, напримѣръ, нужно сказать относительно курсовъ Рижскаго и Осиповскаго. Неудивительно, что, при такихъ условіяхъ, они выходили вторыми и третьими изданіями, что, конечно, является уже не апіорнымъ, а апостеріорнымъ доказательствомъ ихъ широкаго распространенія въ обществѣ. Популярный характеръ почти всѣхъ монографій (спеціальныхъ изслѣдованій въ настоящемъ смыслѣ этого слова, какъ мы видѣли, не было) также благопріятствовалъ распространенію ихъ среди широкаго круга читателей. Раньше, когда въ краѣ не было университета съ его многочисленнымъ штатомъ ученыхъ профессоровъ, съ типографіей, которая тогда стояла, какъ мы знаемъ, на высотѣ своего призванія и пришла въ упадокъ уже въ болѣе позднее время, и научнолитературная дѣятельность въ немъ, можно сказать, совершенно отсутствовала; теперь же начался своего рода *золотой вѣкъ* харьковской образованности: явилось предложеніе всего—и учебниковъ, и популярно-научныхъ работъ, и календарей, и даже газеты; а предложеніе вызвало дремавшую и не могшую осуществляться потребность, усилило спросъ. Въ частности, должно было имѣть большое вліяніе и то обстоятельство, что университетъ былъ центромъ управленія всѣхъ школъ въ округѣ; отъ него прямо и непосредственно зависѣла масса лицъ педагогическаго персонала; но и кромѣ этой зависимости, вообще тогда была несравненно болѣшая связь между высшей, средней и низшей школой, чѣмъ теперь: въ то время онѣ были органически связаны другъ съ другомъ и представляли только три ступени въ одной іерархіи; теперь же.... но предоставимъ оцѣнку настоящаго будущему историку его. Таковы были условія, благопріятствовавшія распространенію профессорскихъ сочиненій въ обществѣ. Обращаясь къ цифровымъ даннымъ о количествѣ экземпляровъ разныхъ изданій, мы и тутъ встрѣчаемъ подтвержденіе своей мысли: они печатались сравнительно въ большомъ количествѣ экземпляровъ, какъ въ этомъ можно убѣдиться, обратившись къ вашему примѣчанію на 430—436 стр., гдѣ перечислены всѣ книги и брошюры, отпечатанныя въ университетской типографіи въ 1805—1814 годахъ, съ указаніемъ числа экземпляровъ при большинствѣ ихъ; и оказывается,

что цифры въ 600, 1200 экз. являются довольно обычными, иногда же попадаются и болѣе значительныя. Вотъ нѣсколько примѣровъ. „Опытъ риторики“ Рижскаго напечатанъ былъ въ числѣ 1200 экз., Хрестоматіи по Гедике издано было 1200 экз., „Физико-хим. и врачебнаго испытанія минеральныхъ водъ Константиноград. уѣзда“—570, „Посланія къ Привѣтъ“ Палицына—1200 экз., „О воздушныхъ камняхъ“ Стойковича—2215, „Игоря“ Палицына—1200 экз., „Floga Tauro-Caucasica“ Биберштейна—1200, „Краткихъ разсужденій... о заразѣ“ проф. Пильгера—1200, „Разсужденія о теченіи овечьей оспы“ его же,—816, Латинской грамматики Бредера—1200, Календаря Вѣлоусова—1000, О предохраненіи себя отъ ударовъ молніи Стойковича—2550, Grundlinien der politischen Arithmetik Лауга—600, Опытнаго способа Тимковскаго—1200, Рѣчей 1811 г.—600, Опыта повѣствованія о древн. Успенскаго—600. Извѣстія о жизни и смерти Рижскаго—1200, О выгоднѣйшемъ способѣ добывать и очищать селитру Гизе—600, Начертанія правилъ Россійскаго правописанія Борзенкова—5000, Institutiones Шада—505, Начальныхъ основаній физической географіи Стойковича—2000, Системы физики его же,—1200, Всеобщей химіи Гизе—600 и т. д. Скорому распространенію книгъ способствовала и предварительная подписка, бывшая тогда довольно обычнымъ явленіемъ. Фамиліи „пренумерантовъ“ печатались во всеобщее свѣдѣніе въ особомъ спискѣ при изданіи; это, конечно, льстило самолюбію многихъ подписчиковъ; они имѣли утѣшеніе видѣть свое имя въ печати, а если подписывались на нѣсколько экземпляровъ, то могли прослать еще и меценатами науки; нѣкоторые же подчиненные педагоги такимъ путемъ рассчитывали снискать себѣ расположеніе автора. Къ такому заключенію приводитъ насъ внимательное изученіе „пренумерантовъ“ на сочиненія Стойковича, пользовавшагося огромнымъ значеніемъ въ округѣ и не пренебрегавшаго никакими средствами для увеличенія своего матеріальнаго благополучія ¹⁾. Если онъ наставлялъ учителей продавать ленты и кораллы, то, конечно, не прочь

¹⁾ Еще на родинѣ у себя Стойковичъ издалъ на сербскомъ языкѣ „Фусіку“ въ трехъ частяхъ и посвящалъ ее меценатамъ, ссудившимъ деньги на изданіе, но кромѣ того, онъ устроилъ и предварительную подписку, давшую весьма благопріятные результаты, какъ объ этомъ свидѣлствуетъ списокъ пренумерантовъ, приложенный ко 2-й части сочиненія. Онъ состоитъ изъ 2-хъ частей—первая заключаетъ въ себѣ духовныхъ, вторая—свѣтскихъ лицъ; фамиліи подписчиковъ со званіями расположены по мѣстностямъ; нѣхъ экземпляровъ разошлось 685. И тутъ есть меценаты преимущественно изъ купечества. Такимъ образомъ, Стойковичъ только повторилъ въ Россіи то, что раньше практиковалъ у себя на родинѣ. (Экземпляръ этой „Фусіки“ съ собственноручными поправками автора хранится въ библіотекѣ Харьковскаго университета).

былъ навязать имъ и извѣстное количество своего сочиненія. Списокъ подписчиковъ на сочиненіе Стойковича „О предохраненіи себя отъ ударовъ молніи“ занимаетъ 36 печатныхъ страницъ, въ немъ помѣщено около 1000 „пренумерантовъ“. Списокъ составленъ по мѣстожительству этихъ послѣднихъ, причемъ названія городовъ и мѣстностей расположены по алфавиту, „пренумеранты“ же въ каждомъ пунктѣ перечисляются обыкновенно, начиная съ высшихъ чиновъ и спускаясь къ низшимъ—отъ превосходительства къ высочородію, высокоблагородію и просто благородію; часто обозначаются и самыя чины. Любопытно распредѣленіе этой тысячи экземпляровъ по разнымъ мѣстностямъ. На долю Харькова приходится 205 экз.; въ томъ числѣ 25 экз. было сдано на комиссію [въ мѣстную книжную лавку. Остальные 180 экз. были взяты главнымъ образомъ меценатами: попечитель гр. Потоцкій, губернаторъ И. И. Бахтинъ, вице-губернаторъ, предсѣдатель уголовной палаты Минстеръ, помѣщики Хрущовъ, Курисъ, Эли и Щербининъ, Смагинъ, Познанскій, Донецъ-Захаржевскій приобрѣли по 5 экз., Романовъ — 15, богачъ Хорватъ и 2 Куликовскихъ по 10, всего 100; среди студентовъ Харьковскаго университета оказалось 19 подписчиковъ, среди учениковъ гимназій и уѣзднаго училища—28 (въ томъ числѣ были „пренумеранты“ въ 3-мъ и даже во 2-мъ классѣ); среди студентовъ духовной семинаріи—7, учителей ея—4, учителей гимназій—11; остальные 11 экз. попали также къ лицамъ привилегированнаго сословія. Кромѣ Харькова въ списокъ фигурируетъ еще 7 уѣздныхъ городовъ Харьковской губерніи и одна деревня. На долю ихъ приходится 139 экз.; въ Ахтыркѣ разошлось 23 экз. (пренумеранты—все дворяне, 2 протоіерея и 1 студентъ; есть одна и меценатка-генеральша Корсакова, подписавшаяся на 5 экз.); въ Богодуховѣ — 5 (дворяне и 1 учитель); въ Волчанскѣ — 10 (все мѣстные чиновники, помѣщики, смотритель уѣзднаго училища); въ Изюмѣ—8 (мѣстные дворяне и купецъ); въ Купянскѣ—44; одинъ меценатъ (соборный протоіерей Соколовскій) подписавшійся на 10 экз., остальные чиновники и два обывателя; въ Лебединѣ—25 (все экземпляры взялъ единственный пренумерантъ В. И. Марковъ); въ Сумахъ 19 экз.—все чиновники, исключая трехъ купцовъ; въ д. Стратилатовкѣ 5 экз. (меценатъ Самборскій); всего на долю Харьковской губ. приходится 344 экз.—больше всего на долю Харькова, затѣмъ идутъ въ нисходящемъ порядкѣ—Купянскъ, Лебединъ, Ахтырка, Сумы, Волчанскъ, Изюмъ, Богодуховъ, дер. Стратилатовка. Въ губ. г. Черниговѣ и 5-ти его городахъ, (4-хъ уѣздныхъ и одномъ заштатномъ) разошлось 45 экз.; въ Черниговѣ—5 экз. (среди чиновниковъ); въ Стародубѣ 2 (тоже); въ Конотопѣ 3 (тоже); въ Новгородъ-Сѣверскѣ—13 (тутъ меценатъ гр. За-

вадовскій, подписавшійся на 5 экз., 2 учителя и одинъ ученикъ); въ Новозыбовѣ—20 (нашлось двое меценатовъ изъ купцовъ, подписавшихся вмѣстѣ на 8 экз.); въ Погарѣ—2. Въ Полтавской губ.—109 экз.: въ Полтавѣ—61 (меценатомъ оказался С. М. Кочубей, подписавшійся на 25 экз.: остальные чиновники, исключая одного купца и мѣщанина, въ Кременчугѣ—48 (нашелся одинъ купецъ, остальные чиновники). Въ Курской губ.—въ губ. городѣ Курскѣ и 5 уѣздныхъ городахъ—105; въ Курскѣ—47 (въ числѣ ихъ учителя, купецъ, архимандритъ монастыря и учитель семинаріи); въ Бѣлгородѣ—20 (семинарское правленіе); въ Дмитріевѣ—5; въ Корочѣ—11 (въ томъ числѣ 1 сельскій священникъ, остальные чиновники; въ Шиграхъ—16; въ Старомъ-Осколѣ—6 (въ томъ числѣ 1 купецъ). Въ Воронежской губ. 89; въ Воронежѣ—76 (тутъ мы встрѣчаемъ, кромѣ дворянъ, учителей семинаріи, священниковъ, 4 купцовъ и одного ученика гимназіи), въ Бобровѣ—13 (тутъ были купецъ, дьячекъ и отпущенникъ). Въ Екатеринославской губ.—183; въ Екатеринославѣ—83, въ томъ числѣ семинарія подписалась на 22, гимназія съ уѣзднымъ училищемъ на 36, прокуроръ на 5 и директоръ училищъ на 6; въ Александровскѣ—5 (учителя и ученики); въ Мариуполѣ—2; въ Бахмутѣ—15 (чиновники и учителя); въ Новомосковскѣ—23; въ Новоміргородѣ—7; въ Павлоградѣ—48 (помѣщики и учителя); въ губ. городѣ Орлѣ—28 (учителя, дворяне, купецъ). Въ Черноморьи—44 (козацкая старшина, священники). Въ землѣ Войска Донского—190; въ Черкасскѣ—40; (старшина, чиновники, одинъ пѣвчій); въ Ростовѣ—26 (въ томъ числѣ 2 купца, 4 мѣщанина); въ Таганрогѣ—124 (6 купцовъ съ иноземными фамиліями и 73 ученика коммерческой гимназіи). Въ Таврической губ.—17; въ Симферополѣ—4, въ Севастополѣ—13. Въ Кіевѣ—67, въ томъ числѣ для академіи 20, для митрополита и епископа 3. Въ Москвѣ—50 (на всѣ подписался меценатъ извѣстный Бантышъ Каменскій). Въ Петербургѣ—10 (духовные и учителя). Такимъ образомъ, въ нисходящемъ порядкѣ губерніи идутъ такъ: Харьковская, Область войска Донского, Екатеринославская губ., Полтавская, Курская, Воронеж., Кіевъ, Москва, Черниговская, Черноморье, Орелъ, Таврическая, наконецъ, Петербургъ. Всего разошлось по предварительной подпискѣ 1281 экз., т. е. болѣе половины всего изданія. Конечно, „сочиненіе это и по заглавію, и по содержанію своему врядъ ли заслуживало такого усиленнаго распространенія вообще, въ особенности же между учениками гимназій и уѣздныхъ училищъ, изъ которыхъ нѣкоторые подписывались даже на 2 экз. Составъ списка указываетъ съ одной стороны на обращенія сочинителя къ меценатамъ какъ крупнымъ, такъ и мелкимъ), съ другой—свидѣтельствуетъ о давленіи на подчиненныхъ или подвѣдомственныхъ лицъ учебнаго вѣдом-

ства, находившихся въ то время въ довольно сильной зависимости отъ университета. Такимъ образомъ, кланяясь въ одномъ направленіи и импонируя въ другомъ, собирая и крупныхъ, и мелкихъ подписчиковъ. Стойковичъ разбѣстилъ болѣе 1200 экз. своего сочиненія у подписчиковъ¹⁾. Но справедливость требуетъ замѣтить, что среди подписчиковъ было не мало лицъ, которыя могли интересоваться самою книгой: такова была многочисленная группа дворянъ—помѣщиковъ, военные и гражданскіе чиновники, духовенство, учащіеся въ духовныхъ училищахъ, купцы и разночинцы. Быть можетъ, и имъ предлагалась подписка (педагогами, желавшими проявить предъ начальствомъ свою ревность въ дѣлѣ распространенія книги), но прямого давленія быть не могло, тѣмъ болѣе, что были и такіе города, въ которыхъ пренумерантовъ не оказалось, а между тѣмъ и тамъ должны были быть представители педагогическаго міра. Такимъ образомъ, не отрицая того, что данный списокъ составленъ подъ сильнымъ, хотя и косвеннымъ, вліяніемъ самого автора, мы тѣмъ не менѣе считаемъ возможнымъ пользоваться имъ до нѣкоторой степени для характеристики распространенія ученыхъ сочиненій въ широкой публикѣ. Допустимъ, что зрителя и учителя уѣздныхъ училищъ могли подписываться на сочиненіе Стойковича подъ извѣстнымъ скрытымъ воздѣйствіемъ; но намъ важно всетаки знать, въ какихъ пунктахъ пріобрѣтались подобныя книги и гдѣ ихъ выписывалось больше, а гдѣ меньше. Выписанная книга всетаки дѣлала свое просвѣтительное дѣло—могла заинтересовать читателя, могла возбудить у него интересъ и къ другимъ сочиненіямъ. То обстоятельство, что монографію Стойковича выписывали ученики семинарій, гимназій и уѣздныхъ училищъ, не можетъ особенно смущать насъ своею странностью: воспитанники Харьковской семинаріи (коллегіума) слушали тогда лекціи въ Харьковскомъ университетѣ; программы гимназій и уѣздныхъ училищъ были во многихъ отношеніяхъ шире нынѣшнихъ; среди учащихся въ среднихъ и даже низшихъ учебныхъ заведеніяхъ былъ сильно развитъ духъ сочинительства, значить существовала и потребность въ серьезномъ чтеніи. Во всякомъ случаѣ тѣ города, въ которыхъ оказались „пренумеранты“ на книгу Стойковича, должны быть признаны наиболѣе культурными очагами тогдашняго Харьковскаго учебнаго округа. На первомъ мѣстѣ среди нихъ стояли Харьковъ, Воронежъ, Полтава, Екатеринославъ. Курскъ, Таганрогъ и др. Въ нихъ заведены были въ это время новыя училища—и это обстоятельство, конечно, должно было благопріятно отразиться на ихъ культурномъ развитіи. Могутъ, конечно, сказать, что

¹⁾ Взято изъ рукописной замѣтки проф. А. П. Шимкова о Стойковичѣ.

нельзя дѣлать заключенія о сравнительно быстромъ распространеніи книгъ въ тогдашнемъ обществѣ, основываясь на одномъ спискѣ Стойковича, такъ какъ онъ составленъ былъ подъ давленіемъ этого послѣдняго. Но мы, во 1-хъ, видѣли, что въ немъ были и подписчики другого рода; а, во 2-хъ, мы имѣемъ аналогичный списокъ „пренумерантовъ“ на сочиненіе профессора Успенскаго „Опытъ повѣствованія о русскихъ древностяхъ“. Не останавливаясь на его анализѣ (ибо онъ относится къ 1818 году), мы только замѣтимъ, что и тамъ подписчиковъ было довольно много (хотя это уже было 2-е изданіе книги), всѣхъ экземпляровъ разошлось по предварительной подпискѣ 568, и тамъ ихъ составъ былъ приблизительно такой же, какъ и у Стойковича. Замѣтимъ кстати, что публичныхъ библіотекъ тогда почти вовсе не было и отдѣльныя лица были поставлены въ необходимость приобрѣтать въ собственность интересовавшія ихъ книги; притомъ образованные люди не были до такой степени сосредоточены въ городскихъ центрахъ, какъ нынѣ: очень многіе жили въ деревняхъ и заводили тамъ собственныя библіотеки. Нѣкоторыя изъ этихъ библіотекъ (у богатыхъ людей) отличались изумительною полнотою и отличнымъ подборомъ. Такова была, напримѣръ, библіотека бывшаго студента Харьковскаго университета Андреева (о его экзаменѣ мы рассказывали ниже) въ одномъ изъ селеній Екатеринославской губ., пожертвованная нынѣ Харьковскому университету г-жей Сомовой. Я лично былъ командированъ въ 1883 году для ея осмотра и нашелъ тамъ особенно богатую коллекцію научныхъ сочиненій, относившихся къ началу XIX в. Нельзя не обратить также вниманія на то обстоятельство, что университетъ, являвшійся въ большинствѣ случаевъ издателемъ сочиненій, употреблялъ старанія къ распространенію ихъ путемъ продажи. Мы видѣли, что онъ имѣлъ своихъ комиссіонеровъ по части выписки иностранныхъ и русскихъ книгъ; у этихъ комиссіонеровъ были свои книжныя лавки въ Харьковѣ и въ нихъ продавались университетскія изданія; послѣднія покупались и учащимися (если это были учебники), и учебными заведеніями для пансіонеровъ и библіотекъ. Съ другой стороны университетъ старался поддерживать нравственную связь со своими почетными членами и другими лицами и разсылалъ имъ даромъ нѣкоторыя изъ своихъ изданій (напримѣръ, акты рѣчи). Вотъ списокъ лицъ и учреждений, которымъ отправлено было „Обозрѣніе публичныхъ чтеній въ университетѣ“: министръ народнаго просвѣщенія, товарищъ министра Муравьевъ, поочетитель, министръ внутреннихъ дѣлъ, гр. Безбородко, проф. Баузе, Адепунгъ, семь преосвященныхъ, малороссійскій генераль-губернаторъ, Дюкье-Ришелье, Донской атаманъ, Таганрогскій градоначальникъ, 9 губер-

наторовъ, 9 губернскихъ предводителей, главное правленіе училищъ, атаманъ Черноморскаго войска, канцелярія Бугскаго войска, 9 директоровъ училищъ (Слободско-украинскій, Одесскій, Екатеринославскій, Черниговскій, Донской, Орловскій, Воронежскій, Полтавскій, Новгородъ-Сѣверскій), 4 университета (Московскій, Виленскій, Дерптскій, Казанскій), Россійская академія, Академія наукъ, педагогическій институтъ, Таганрогское, Симферопольское, Екатеринодарское училище, университетская библіотека, 4 факультета, 11 профессоровъ, 6 адъюнктовъ, 2 лектора, 4 учителя, правленіе и училищный комитетъ ¹⁾).

Въ отвѣтъ на присылку актовыхъ рѣчей епископъ воронежскій и черкасскій Арсеній писалъ: „достождолжно всегда уважая достославные труды и благосклонность ко мнѣ университетскаго знаменитаго сословія, долгъ имѣю премногую благодарность мою изъяснить и нынѣ за присылку 2-хъ экземпляровъ рѣчей, говоренныхъ въ торжественномъ собраніи 30 авг. 1808 г.“ ²⁾.

Гр. Хвостовъ (поэтъ), получивъ сборникъ надгробныхъ рѣчей о Рижскомъ, писалъ: „питая въ душѣ моей уваженіе къ знаменитымъ верховнымъ училищамъ, приношу искреннѣйшую благодарность за присылку оныхъ, притомъ изъясляю, что я принялъ съ особливимъ участіемъ печальное торжество университета по случаю смерти Рижскаго, коего я привыкъ почитать искренно, ибо зналъ его не по слуху, но довольно коротко. Надѣюсь, что университетъ продолжить и впредь ко мнѣ свое благоволеніе“. Въ другомъ письмѣ, поблагодаривъ за присылку обзорѣнія лекцій, гр. Хвостовъ прибавляетъ: „душевно желаю, чтобъ юные питомцы сего священнѣйшаго, Геликона по ознаменованной цѣли воспарили превыше всѣхъ парнаскихъ орловъ и славою своихъ успѣховъ возгремѣли во всѣхъ концахъ вселенной“ ³⁾. Любопытны отвѣтныя благодарственныя письма за присылку изданій университету архіепископа Курскаго и Вѣлгородскаго Θεоктиста Мочульскаго: „Возьмѣвъ счастье, писалъ преосвященный, и паки получить 2 экземпляра обзорѣнія публичныхъ въ Харьковскомъ университетѣ отъ 17 сего августа начинаемыхъ и по 30 іюня слѣдующаго 1808 года продолжаться имѣющихъ чтеній, обязаннѣйше благодарю и паки почтеннѣйшему сего университета сословію, одолающему меня не одинъ уже разъ достохвальными опытами своихъ занятій и попеченій о распространеніи общепользнаго просвѣщенія во всемъ подвѣдомственномъ ему училищномъ округѣ. А между прочимъ не могу умолчать, что таковой къ преднамѣреваемому

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло правленія по архиву 198, по каргову 13, стр. 90—91.

²⁾ Ibidem. Дѣло правл. по арх.—333, по карт. 19, стр. 63.

³⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1811. № 59.

различныхъ наукъ и искусствъ преподаванію заблаговременно предначертанный планъ достоинъ повсемѣстнаго подражанія потолику, поколику всякаго дѣла конецъ, хотя исполняется и послѣ, но въ намѣреніи онъ со всѣми потребными къ его достиженію средствами всегда долженъ быть прежде, такъ и потому, что предполагаемый такимъ образомъ въ ученіи порядокъ весьма соотвѣтственъ и оному евангельскому наставленію: „*уготовайте пути Господни, правы творите стези его*“. Вслѣдствіе чего одинъ экземпляръ помянутого обзрѣнія отданъ мною въ Курскую въ Бѣлгородѣ состоящую семинарію съ притвержденіемъ, чтобы каждый семинарскій учитель, люботщательно, рассмотрѣвъ его, сдѣлалъ въ подражаніе ему самократчайшее предначертаніе учебнымъ предметамъ, каковыя кто изъ нихъ долженъ преподавать въ своемъ классѣ, начиная чтеніе по давно заведенному въ семинаріяхъ обыкновенію съ 1-го слѣдующаго сентября и продолжая оное по 15 іюня будущаго 1807 года. О колико желательно, чтобы таковое средство, и у насъ послуживъ учащимъ и учащимся хотя къ нѣкоторому предварительному ученію имъ подлежащаго обзрѣвію, послужило вмѣстѣ и къ лучшимъ по возможности тѣхъ и другихъ успѣхамъ. Музы въ здѣшней семинаріи привитающія воспользовались симъ заимственнымъ преуспѣянія способомъ и останутся навсегда благодарными къ преподавшимъ сіе руководство, съ ними же купно пользуясь тѣмъ, и я возсылаю горячайшія молитвы къ Отцу свѣтовъ, благодѣтелю Богу, да онъ, яко всяческая неиспытанными, но благими своими судьбами управляя, управитъ предначатое вами учебныхъ предметовъ прохожденіе къ пользѣ и славѣ любезнѣйшаго отечества, свыше благославляя всегда всѣ ваши и начинанія и продолженія, и совершенія благословеніемъ благостыннымъ. О чемъ есть и пребуду съ истиннымъ почитаніемъ и благодарною признательностью усерднѣйшимъ богомольцемъ“ ¹⁾ (авг. 17, 1807 г., Бѣлгородъ).

Получивъ 2 экз. актовыхъ рѣчей 1806—1807 гг., преосвященный писалъ: „обязаннѣйше благодарю почтеннѣйшее сего университета словіе, одолающее меня не одинъ уже разъ достохвальными занятій и попеченій своихъ опытами къ распространенію въ здѣшнемъ краѣ проsvщенія. Одинъ экземпляръ помянутыхъ рѣчей отданъ мною въ здѣшнюю духовную семинарію—музы въ ней привитающія останутся благодарными навсегда за присланный имъ драгоценный даръ къ возможному подражанію въ словесности; пользуясь тѣмъ и я возсылаю горячайшія молитвы къ Отцу свѣтовъ благодѣтелю Богу, да благословляетъ нѣ всегда всѣ труды и начинанія учащихся и учащихся въ ономъ почтен-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. № по арх. 198, по картону № 13.

нѣйшемъ сословіи для пользы и славы любезнѣйшаго отечества; и о семъ есмь и пребуду во всю жизнь мою съ истиннымъ почитаніемъ и благодарностью усерднѣйшимъ богомольцемъ" ¹⁾ (22 марта 1807 г. Бѣлгородъ). Такъ устанавливалась дружественная связь, на почвѣ взаимнаго довѣрія и уваженія, между университетомъ и представителемъ духовной власти, между свѣтскою и духовною школою; вторая, по почину своего архипастыря, отличавшагося свѣтлымъ, яснымъ умомъ и искреннимъ уваженіемъ передъ просвѣщеніемъ вообще, заимствовала добрый, полезный обычай у первой; питомцы ея готовы были, съ благословенія того же архипастыря, подражать музамъ, „витавшимъ“ въ стѣнахъ Харьковскаго университета. И дѣйствительно, преосвященный поощрялъ литературныя занятія въ Харьковскомъ collegiумѣ и Бѣлгородской семинаріи и даже самъ принималъ въ нихъ непосредственное участіе ²⁾. Въ 1811 г. вышла 1-я часть сочиненія проф. Успенскаго „Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ“. Получивъ отъ автора эту книгу, преосвященный пишетъ: „прочиталъ я книгу Гавріила Петровича; мастерски написана; усердно желаю прочитать и вторую часть“ ³⁾. Вновь основанный Харьковскій университетъ импонировалъ своею преподавательскою и научною дѣятельностью на Харьковскій collegiумъ, вызывая въ немъ бѣлгородное соревнованіе и подражаніе. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить, какія книги и брошюры изданы были въ это время дѣятелями харьковскаго collegiума и архіепископомъ Θεоктистомъ: 1) изліяніе благодарныхъ чувствъ А. Н. Голицыну отъ питомцевъ; 2) наставленіе семинарскимъ инспекторамъ арх. Θεоктиста; 3) разсужденія, извлеченныя изъ соч. Геллерта (переведено съ нѣм. воспитанниками collegiума подъ руководствомъ ректора Прокоповича); 4) наставленіе для священно и церковно-служителей Курской епархіи, какъ имъ обучать дѣтей въ домахъ своихъ и потомъ въ семинарію посылать—арх. Θεоктиста; 5) хозяйственные календари, переведенные въ Харьков. colleg. Прокоповичемъ; 6) Богословскія предложенія—Прокоповича; 7) Краткое начертаніе учебныхъ предметовъ, преподаваемыхъ священно-служительскимъ дѣтямъ Курской епархіи; 8) усерднѣйшее приношеніе отъ Курской семинаріи Θεоктисту; 9) новѣйшее начертаніе правилъ россійской грамматики (учителя Харьк. collegiума Орнатовскаго); 10) *Chrestomathia latina* Прокоповича; 11) философскія предложенія для публичныхъ состязаній (префекта collegiума Ольховскаго); 12) *dogmata orthodoxae*

¹⁾ Ibidem, стр. 93.

²⁾ См. объ этомъ ст. проф. А. С. Лебедева „Θεоктистъ Мочульскій“ (Сборникъ Харьк. ист.-филол. общ., т. 9-й, стр. 54 и отд.).

³⁾ Ibidem, стр. 24.

fidei Прокоповича; 13) краткое руководство къ сокращенію проповѣдей; 14) оды еп. Аполлосу (Башинскаго, Антоновскаго и Черныкова); 15) избранные вопросы съ отвѣтами изъ російской риторики Рижскаго (прот. Антоновскаго); 16) рѣчь еп. Аполлосу Прокоповича; 17) дѣтское словословіе и иѣсноуѣніе, грамматика, логика, риторика и поэзія; 18) *Lexicon manuale ex cellentissimorum scriptorum* Прокоповича; какъ видимъ изъ этого списка, въ Харьковскомъ коллегіумѣ повторялось въ миѣнѣтюрѣ то научно-литературное движеніе, какое происходило въ университетѣ. Его основы коренятся, конечно, въ самой организаціи коллегіума и его прошломъ и съ этой точки зрѣнія оно можетъ быть названо вполне самостоятельнымъ, но нельзя отрицать и того, что усиленію его способствовало аналогичное движеніе въ университетѣ. На благородное соревнованіе этихъ двухъ учебныхъ заведеній указываетъ и кн. Долгоруковъ, посѣтившій Харьковъ въ 1810 году. „Соревнованіе между учеными, говоритъ онъ, приноситъ важную пользу учащимся; я нѣкоторый опытъ того видѣлъ и на диспутѣ (въ коллегіумѣ, куда приходили и студенты университета)... Сравнивать сихъ двухъ заведеній, свѣтскаго и духовнаго нельзя. Одно уже укоренилось, другое лишь процвѣтаетъ. Нельзя не быть довольнымъ симъ возродившимся училищемъ (т. е. университетомъ) „но сказать должно, что при всемъ сердціи и раченіи тутошнихъ властей, университетъ еще очень молодъ новостъ его бытія очевидна повсюду. Никакія усилія наши не сдѣлають того въ одинъ годъ, что дѣлаетъ время и постепенность вѣковъ; съ того самаго и коллегіумъ не можетъ въ сущности своей цѣли равняться съ университетомъ и сей не оспорить тому естественнаго превосходства“ ¹⁾ (т. е. относительно древности).

9-й § устава 1804 г. требовалъ учрежденія при университетѣ ученаго общества. У первыхъ дѣятелей университета однако было такъ много разнообразныхъ обязанностей, что рѣшительно не оставалось времени на составленіе рефератовъ и посѣщеніе засѣданій (см. 268 стр. вѣствующаго труда), и оно основано было только въ концѣ изучаемаго нами десятилѣтія. Инициатива его принадлежала Стойковичу и Роммелю. Какъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ объ этомъ самъ Роммель, и мы не имѣемъ основаній относиться съ недовѣріемъ къ его сообщенію. „Вмѣстѣ со Стойковичемъ, вспоминаетъ онъ, основали мы при университетѣ ученое общество и приняли въ члены его губернатора, архіерея и всѣхъ образованнѣйшихъ почетныхъ лицъ въ окрестностяхъ. Русскимъ очень вѣстили почетные дипломы; мнѣ предложено предсѣдательство“.

¹⁾ Чтенія, 1869, кн. 2-я, стр. 50—52.

Стойковичъ себѣ одному приписываетъ честь сочиненія устава и учрежденія общества. Въ извѣстномъ намъ перечнѣ своихъ печатныхъ трудовъ онъ говоритъ: „въ 1812 г. составилъ уставъ ученаго общества при императорскомъ Харьковскомъ университетѣ, подъ именемъ общества наукъ, писанный на латинскомъ языкѣ. Сіе общество наукъ существуетъ въ Харьковѣ. Сочинитель устава есть вмѣстѣ и учредитель его. Былъ первымъ его предсѣдателемъ“. Но съ этимъ едва-ли можно согласиться, во 1-хъ, въ силу приведеннаго выше свидѣтельства Роммеля, а, во вторыхъ, и вслѣдствіе того, что показаніе Стойковича само по себѣ возбуждаетъ сильныя сомнѣнія. Все оно проникнуто самохвалствомъ и преслѣдовало чисто практическую цѣль — Стойковичъ во чтобы то ни стало добивался полученія награды, и хотѣлъ раздуть въ глазахъ начальства свои заслуги, не считывая притомъ ни на какія изобличенія и опроверженія; да и кто бы, кромѣ Роммеля, котораго въ это время не было уже въ Харьковѣ, могъ изобличить его и доказать, что онъ приписывалъ себѣ въ этомъ дѣлѣ слишкомъ много. Объ отсутствіи безпристрастія у Стойковича свидѣлствуетъ и тотъ фактъ, что онъ не упоминаетъ о Роммелѣ, который однако въ сущности и былъ *настоящимъ первымъ* предсѣдателемъ общества, между тѣмъ какъ Стойковичъ уже въ іюнѣ былъ отстраненъ отъ ректорства, а значить и отъ предсѣдательства. Въ противоположность же ему Роммель говоритъ не только о себѣ, но и о немъ. Обращаясь къ другимъ свидѣтельствамъ Стойковича о его трудахъ, мы и въ нихъ замѣчаемъ такое же преувеличеніе и хвастовство. Такъ, напримѣръ, онъ категорически приписываетъ себѣ одному основаніе Харьковскаго института бѣдныхъ дѣвицъ при обществѣ благотворенія и составленіе его плана. „Вліяніе сего института, говоритъ онъ, на воспитаніе женскаго пола въ полуденномъ краю Россіи величайше. Г. Стойковичъ, сочинившій планъ и правила, на коихъ общество основано, есть и основатель его“. Въ дѣйствительности же истиннымъ основателемъ этого общества благотворенія и возникшаго при немъ института былъ извѣстный мѣстный общественный дѣятель и малороссійскій писатель Григорій Ѳеодоровичъ Квитка; онъ вмѣстѣ со Стойковичемъ составилъ самый уставъ ¹⁾. Въ примѣчаніи ²⁾

¹⁾ См. объ этомъ В. Лалина „Харьковское общество благотворенія“ К. 1896 г. стр. 17.

²⁾ Уставъ Харьковскаго Общества наукъ.

I. Составленіе общества.

§ 1. Узрещденіе общества наукъ при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ имѣетъ предметомъ своимъ распространеніе наукъ и знаній, какъ чрезъ ученныя изысканія, такъ и чрезъ изданіе въ свѣтъ общепользныхъ сочиненій.

мы помѣщаемъ полностью уставъ ученаго общества; здѣсь же только отмѣтимъ самые важные его пункты. Цѣлю общества было распространение наукъ и знаній посредствомъ ученыхъ изслѣдованій и изданія общепользующихъ трудовъ. Общество состояло изъ двухъ отдѣленій—естественно-историческаго (въ широкомъ смыслѣ этого слова, ибо сюда вхо-

§ 2. Общество сіе имѣетъ 2 отдѣленія: 1) отдѣленіе наукъ естественныхъ и 2) отдѣленіе словесное.

§ 3. Къ отдѣленію естественныхъ наукъ принадлежитъ не только физика въ пространномъ смыслѣ, съ химією и математикою, но и врачебныя и другія науки, основывающіяся на созерцаніи и испытаніи природы.

§ 4. Въ словесномъ отдѣленіи заключаются науки и знанія, относящіяся къ языкамъ древнимъ и новѣйшимъ и ихъ литературѣ, слѣдовательно, эстетика, филологія, археологія, древняя и новая исторія со всѣми вспомогательными науками.

§ 5. Каждое отдѣленіе имѣетъ директора и секретаря, избираемыхъ 30-го августа чрезъ каждое трехлѣтіе.

§ 6. Каждое отдѣленіе имѣетъ частныя засѣданія для сужденія о знаніяхъ и наукахъ, къ нему принадлежащихъ.

§ 7. Оба отдѣленія, соединенныя вмѣстѣ, составляютъ общество наукъ, еяго предсѣдатель избирается ежегодно изъ членовъ университета.

§ 8. Отдѣленія сообщаютъ обществу достойное вниманіе чрезъ директора и секретаря.

§ 9. Общество имѣетъ свою печать съ государственнымъ гербомъ и надписью: печать Харьковскаго общества наукъ.

II. Члены общества.

§ 10. Члены общества суть внутренніе и внѣшніе: къ первымъ принадлежатъ ординарные члены и ассессоры; къ послѣднимъ экстра-ордин. члены или корреспонденты.

§ 11. Ординарные члены суть тѣ профессора Императ. унив., кои изъявляютъ желаніе свое быть членами общества.

§ 12. Ассессоры и внѣшніе члены избираются въ торжественныхъ собраніяхъ по большинству голосовъ и получаютъ дипломы, подписанные предсѣдательствующимъ, также однимъ изъ директоровъ и секретарей.

§ 13. Въ число ассессоровъ поступаютъ ученые мужи, пребывающіе въ Харьковѣ и могущіе доставлять пользу обществу ученостію или сочиненіями своими.

§ 14. Экстра-ординарные члены и корреспонденты присоединяются для ученаго сношенія изъ мужей, отличившихся уваженіемъ и дѣйствительно просвѣщенныхъ. Въ выборѣ оныхъ пріемлются въ уваженіе не столько чины и знатность, сколько просвѣщеніе и ученость.

§ 15. Избираемый можетъ быть предложенъ каждымъ членомъ по представленію доказательствъ, что предлагаемый можетъ быть полезенъ обществу.

III. О предсѣдательствующемъ.

§ 16. Предсѣдательствующій избирается баллотированіемъ и представляется на утвержденіе министру просвѣщенія.

§ 17. Обязанность его есть пеѣщись о внутреннемъ и внѣшнемъ распоряженіи.

дила и медицина) и словеснаго (обнимаваго циклъ историко-филологическихъ наукъ). Каждое отдѣленіе имѣло свою администрацію и отдѣльныя засѣданія; соединяясь же вмѣстѣ, отдѣленія составляли общество наукъ, во главѣ котораго стоялъ общій предсѣдатель. Составъ членовъ былъ очень разнообразный: сюда входили профессора и преподаватели университета, посторонніе ученые и образованные представители мѣстнаго общества; при выборѣ этихъ послѣднихъ нужно было принимать во вниманіе „не столько чины и знатность, сколько просвѣщеніе и ученость“. Обычныя засѣданія должны были происходить одинъ разъ въ мѣсяцъ. Каждый годъ долженъ былъ выходить томъ ученыхъ трудовъ общества на латинскомъ языкѣ и сверхъ того, по мѣрѣ накопленія матеріала, дневныя записки на русскомъ языкѣ. Субсидію на изда-

§ 18. Онъ получаетъ и распечатываетъ пакеты, присылаемыя на имя общества.

§ 19. Онъ чрезъ директоровъ сообщаетъ отдѣленіямъ общества то, что для нихъ принадлежитъ.

§ 20. Въ отсутствіи предсѣдательствующаго одинъ изъ директоровъ управляетъ его должность.

IV. О директорахъ и секретаряхъ.

§ 21. Директоры въ засѣданіяхъ занимаютъ первое мѣсто по предсѣдательствующему, а въ отдѣленіяхъ имѣютъ ту же обязанность, какую предсѣдательствующій въ обществѣ.

§ 22. Секретари отдѣленій суть и секретари общества.

§ 23. Они сочиняютъ дневныя записки своего отдѣленія, наблюдаютъ порядокъ дѣлъ и замѣчаютъ не бывшихъ въ засѣданіи.

§ 24. Секретари въ публичныхъ засѣданіяхъ занимаютъ первое мѣсто по директорѣ.

§ 25. Они по очереди сочиняютъ дневныя записки общества.

§ 26. Они пекутся о изданіи и печатаніи записокъ своего отдѣленія.

§ 27. Они сочиняютъ письменныя свошенія къ внѣшнимъ членамъ, посылаемыя за подписаніемъ директора и секретари.

§ 28. Въ публичномъ собраніи представляютъ изложеніе годовыхъ занятій общества.

§ 29. Они хранятъ печать общества и порядокъ архива.

V. О занятіяхъ и правилахъ общества.

§ 30. Общество наукъ имѣетъ засѣданія: а) торжественныя 30 августа въ день тезоименитства Е. И. В.; б) обыкновенныя въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца; с) по назначенію предсѣдательствующаго или занимающаго мѣсто онаго.

§ 31. Въ засѣданіяхъ: а) читаются отношенія внѣшнихъ членовъ общества; б) читаются разсужденія, опыты и наблюденія внутреннихъ членовъ по порядку ежегодно назначенному; с) предлагается о томъ, что полезно обществу.

§ 32. Утвержденное обществомъ печатается, неутвержденное возвращается сочинителю, буде потребуетъ.

§ 33. Общество наукъ издаетъ 2 рода сочиненій: 1) Разсужденія на латинскомъ яз., въ коихъ помѣщается все, относящееся къ распространенію наукъ

ніе своихъ трудовъ общество, согласно 9 § устава, могло получать отъ университета.

Спрашивается теперь—въ какой мѣрѣ были выполнены эти desiderata? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ могутъ послужить данныя о дѣятельности общества въ первые годы его существованія, извлекаемые нами изъ перваго (и, кажется, единственнаго) тома его трудовъ, вышедшаго притомъ только въ 1817 году¹⁾. Оказывается, что въ самомъ началѣ общество состояло изъ 10 членовъ: ректора Стойковича, проф. Осиповскаго, Шада, Гизе, Роммеля, Книгина, Каменскаго Ланга, Швейкарта и Срезневскаго. Первое засѣданіе его состоялось 19 марта 1813 г.; на немъ прочитанъ былъ утвержденный правительствомъ уставъ и произведены выборы. Предсѣдателемъ оказался избраннымъ Стойковичъ, ди-

и знаній, новѣйшія открытія самихъ членовъ или другихъ ученыхъ мужей и вообще все то, что въ ученомъ свѣтѣ должно быть извѣстно; 2) дневныя записки на російскомъ яз., гдѣ помѣщается одно то, что для какого либо класса гражданъ въ отечествѣ полезно и извѣстно быть должно.

§ 34. Разсужденій (Commentatio) ежегодно издается 1 томъ, число же томовъ дневныхъ записокъ (diaria) не опредѣляется и зависитъ отъ неудобопредвидимыхъ обстоятельствъ.

§ 35. Въ изданіи разсужденій и дневныхъ записокъ общество вспомоествуется университетомъ по силѣ § 9 устава университета.

§ 36. Мнѣнія рѣшаются большинствомъ голосовъ, собираемыхъ и сличаемыхъ предсѣдательствующимъ.

§ 37. При равенствѣ голосовъ предсѣдательствующій рѣшитъ дѣло вторичнымъ голосомъ.

§ 38. Въ засѣданіяхъ общества наукъ запрещается всякое сужденіе, не принадлежащее къ наукамъ и знаніямъ.

§ 39. Важнѣйшіе случаи, требующіе обстоятельнѣйшаго разсмотрѣнія, препоручаются одному изъ отдѣленій или особому комитету.

§ 40. Общество наукъ предоставляетъ себѣ право по обстоятельствамъ времени что либо перемѣнить и вновь прибавить съ утвержденія министра народнаго просвѣщенія. Подлинное подписалъ Г. Алексѣй Разумовскій.

(Текстъ его, Высочайше одобренный по докладу министра народн. просвѣщ. въ ноябрѣ 1812 г., взятъ нами изъ повременнаго изданія, соотвѣтствовавшаго по своему характеру нынѣшнему Журналу министерства народнаго просвѣщенія и носившаго названіе „Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія“ 1813 г., № XXXV, стр. 237—244. Мы пользовались экземпляромъ этого изданія въ Импер. Публ. библиотекѣ и отмѣтили въ немъ все то, что относится къ Харьковскому университету за первые десять лѣтъ его существованія. Ср. также Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта 1812 г. Объ утвержденіи устава общества наукъ при Харьк. университетѣ № 53).

¹⁾ Вотъ точное заглавіе этой книги: „Труды общества наукъ, состоящаго при Императ. Харьк. унив., т. 1-й, Харьковъ, 1817, въ унив. тип., ч. 1-я, XXXVII, 206, ч. 2-я 200 стр.; мы пользовались экземпляромъ Имп. публичной библіотеки.

ректоромъ естественно-историческаго отдѣленія Осиповскій, секретаремъ Каменскій, директоромъ словеснаго отдѣленія Срезневскій, секретаремъ Лангъ; въ члены ассесоры избраны были бывшіе раньше магистрами, а въ то время состоявшіе уже адъюнктами Успенскій, Громовъ и Комлишинскій. Въ томъ же 1813 году общество имѣло еще два засѣданія (30 августа—торжественное—въ день тезоименитства государя и обычное 11 октября). Стойковича утвердилъ министръ въ его званіи предсѣдателя; но онъ въ это время долженъ былъ уйти изъ университета, и на его мѣсто избранъ былъ Роммель; тогда же переименованъ въ дѣйствительные члены Успенскій. Вслѣдствіе малочисленности членовъ (Гизе вышелъ изъ общества) и отказа обоихъ секретарей (Каменскаго и Ланга), должность секретаря 2-го отдѣленія возложена была на предсѣдателя его проф. Срезневскаго.

Въ слѣдующемъ 1814 году общество имѣло 7 засѣданій (24 января, 7 марта, 11 апрѣля, 2 мая, 6 іюня, 1 и 30 августа). Члены его занимались главнымъ образомъ внутренней организаціей. Проф. Роммель, вступая въ должность предсѣдателя, читалъ на латинскомъ языкѣ разсужденіе „объ учебныхъ заведеніяхъ какъ въ древнія, такъ и въ новѣйшія времена и объ отношеніи сихъ заведеній къ политическому состоянию вообще“. Кромѣ того доставлены были еще слѣдующіе рефераты, разсмотрѣніе которыхъ было также однимъ изъ предметовъ занятій общества: 1) о дѣйствии силъ на гибкія тѣла и о происходящемъ отъ того равновѣсіи—Осиповскаго, 2) о движеніи тѣлъ, бросаемыхъ на поверхности земной—его же, 3) опыты объ основаніи математической теоріи жидкихъ тѣлъ по началамъ предѣловъ—адъюнкта Архангельскаго, 4) о доказательствѣ начала скоростей стремленія—его же, 5) о правилахъ правописанія буквы *ы* и *и* съ присовокупленіемъ таблицы первообразныхъ словъ, въ которыхъ буква *ы* всегда употребляется—учителя Харьковской гимназій Любовскаго, 6) о домашнемъ воспитаніи дѣтей—учителя Аѳанасьева (изъ Трубчевска), 7) изложеніе нѣкоторыхъ псалмовъ, переводъ двухъ одъ Горациевыхъ и нѣкоторыя другія стихотворенія—проф. Срезневскаго, 8) о языческомъ богослуженіи предковъ нашихъ и сходствѣ его съ богослуженіемъ египтянъ, грековъ и другихъ древнихъ народовъ—проф. Успенскаго, 9) описаніе нѣкоторыхъ жестоккрылыхъ насѣкомыхъ (caleoptera) южной Россіи на нѣмецкомъ языкѣ—Матеса (сочиненіе это общество поручило перевести на русскій языкъ адъюнкту Громову, 10) замѣчанія на мнѣніе его преосвященства митрополита Платона, что соборная Преображенская церковь въ Черниговѣ построена въ 1024 г.—директора училищъ Черниговской губ. Маркова, (сочиненіе это было передано въ общество изъ училищнаго комитета). Бор-

зенкову поручено было перевести на русскій яз. два письма, приписываемыя Саллюстію — „de ordinanda republica“, которыя, при тогдашнихъ политическихъ обстоятельствахъ, могли представлять живой интересъ. Дабы облегчить просмотръ этихъ матеріаловъ и составить о нихъ надлежащее сужденіе, общество рѣшило раздать ихъ отдѣльнымъ членамъ, съ тѣмъ чтобы они изложили потомъ вкратцѣ ихъ содержаніе и дали о нихъ свое заключеніе. Проф. Швейкартъ отказался отъ участія въ дѣлахъ, но эта потеря вознаграждена была согласіемъ проф. Гизе снова вступить въ члены общества. Это послѣднее старалось также расширить кругъ своихъ дѣйствій и сдѣлать болѣе успѣшной свою дѣятельность. Съ этою цѣлью оно увеличило число членовъ. Еще въ засѣданіи 24 января оно избрало въ ассессоры проф. Таубера и адъюнктовъ Архангельскаго и Борзенкова, 2-го мая—въ дѣйствительные члены епископа Слободско-украинскаго Аполлоса, губернатора Бахтина, стат. сов. Муратова, извѣстнаго ученаго ботаника дѣйств. стат. сов. Биберштейна, В. Н. Каразина, стат. сов. В. В. Капниста, литератора А. А. Палицына, ректора Харьковскаго коллегіума Прокоповича, протоіерея Харьковскаго собора Могилевскаго, проф. Казанскаго университета Френа, проф. Ярославскаго лицея Шмидта, учителя рисованія въ университетѣ Матеса. Для составленія библіотеки общество получило въ даръ нѣсколько книгъ (6)—отъ проф. Шмидта, Срезневскаго, ректора Абовскаго университета Гелстрема. Такъ какъ въ его распоряженіи не было никакихъ денежныхъ средствъ, то въ засѣданіи 30 августа среди членовъ его была сдѣлана добровольная подписка, давшая въ итогѣ 135 руб. По окончаніи срока предсѣдательства Роммеля, на его мѣсто избранъ былъ Осиповскій, а на мѣсто этого послѣдняго директоромъ отдѣленія проф. Книгинъ.

Такова была дѣятельность общества въ первые два года его существованія. Она, какъ мы видимъ, не вполнѣ соотвѣтствовала надеждамъ, нашедшимъ себѣ выраженіе въ уставѣ: засѣданія были не ежемѣсячныя; печатныхъ трудовъ въ это время вовсе не было издано, членовъ было мало. Но все-таки, говоря безотносительно, общество сдѣлало довольно много, особенно во 2-й годъ своей дѣятельности (1814 г.): количество членовъ замѣтно возрасло; доставлено было десять рефератовъ, и въ томъ числѣ цѣнныя работы Осиповскаго, Архангельскаго, Успенскаго и нѣкоторыя мѣстныя изслѣдованія; задумано устройство библіотеки; собрана небольшая сумма добродѣтельныхъ пожертвованій.

Чтобы покончить съ ученою дѣятельностью Харьковскаго университета, мы должны еще сказать нѣсколько словъ о работахъ двухъ почетныхъ членовъ его, проживавшихъ въ Харьковской губерніи—Вас. Наз. Каразина и Биберштейна. Мы знаемъ, что В. Н. Каразину Харьковскій

университетъ, можно сказать, обязанъ своимъ существованіемъ; мы видѣли, что и послѣ отстраненія отъ дѣлъ, не смотря на всю горечь обиды, Василий Назаръевичъ не разрывалъ связи съ профессорской коллегіей; въ 1811 г. университетъ избралъ его въ свои почетные члены. Въ томъ же 1811 г. В. Н. Каразинъ составилъ въ Харьковѣ учено-практическое такъ называемое филотехническое общество, соотвѣтствовавшее по своей программѣ нынѣшнимъ сельскохозяйственному и отчасти техническому. 17 января 1811 г. состоялось предварительное собраніе учредителей, въ количествѣ 35 человѣкъ; все это были помѣщики Харьковской и отчасти Курской, Воронежской и Екатеринославской губ., а изъ ученыхъ два профессора Харьковского университета—Стойковичъ и Гизе, избранные вслѣдъ затѣмъ въ почетные члены общества. Въ составъ общества входили дѣйствительные и почетные члены; первыхъ могло быть неограниченное количество: всякій помѣщикъ харьковской и сосѣднихъ губерній южной Россіи (екатер., херсон., таврич., полт., черн., курск. и ворон.) могъ вступить въ общество; вторыхъ должно было быть не болѣе 10 человѣкъ изъ ученыхъ естествоиспытателей, физиковъ, химиковъ или технологовъ—отечественныхъ и иностранныхъ. „Обязанность почетныхъ членовъ—содѣйствовать предмету общества своими умозрѣніями, изслѣдованіями, которыя иногда могутъ быть поручены имъ, доставленіемъ полезныхъ новостей, къ свѣдѣнію ихъ доходящихъ или ими изобрѣтенныхъ по разнымъ частямъ искусствъ и домоводства, которыя могутъ имѣть отношеніе къ полуденнымъ губерніямъ Россіи“. Научный характеръ новаго общества проявлялся еще и въ стремленіи его устраивать образцовыя заведенія (напримѣръ, опытные поля и т. п.)—къ этому даже, можно сказать, и свелась главнымъ образомъ дѣятельность общества или, точнѣе говоря, бывшаго его душою и единственнымъ серьезнымъ работникомъ правителя дѣлъ и основателя В. Н. Каразина. Въ 1811 г. „В. Н. Каразинъ продолжалъ заниматься улучшеніемъ и упрощеніемъ селитроваренія, винокуренія, кожевеннаго производства, сушенія плодовъ по новому имъ придуманному способу—теплотою водяныхъ паровъ“, сушенія червца, т. е. кошенили, приготовленія плодовыхъ наливокъ и водянокъ, вишневаго спирта, опытами надъ красильными травами и минералами“. При всемъ этомъ преслѣдовались практическія цѣли сельско-хозяйственныхъ улучшеній.

Весьма важно, что самъ В. Н. Каразинъ связываетъ первую мысль объ этомъ обществѣ съ основаніемъ Харьковского университета. „Мысль о составленіи сего общества, пишетъ онъ въ предувѣдомленіи, и именно въ нашихъ полуденныхъ губерніяхъ, не можетъ назваться повою. Она была соединена въ началѣ благоденственнаго нынѣшняго царство-

ванія, съ идеею объ учрежденіи въ Харьковѣ университета“¹⁾. Въ довольно тѣсной связи съ университетомъ былъ и Биберштейнъ, Baron Friedrich Marschall von Biberstein (у насъ Ѳеодоръ Кондратьевичъ). Онъ родился въ 1768 г. въ Штутгартѣ, учился въ тамошнемъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ былъ товарищемъ Кювье, и ревностно занимался ботаникой и зоологіей. По окончаніи образованія, Биберштейнъ, въ качествѣ секретаря гр. Каховскаго, поѣхалъ въ Крымъ. Въ 1795 г. Биберштейнъ, въ чинѣ капитана русской службы, вышелъ въ отставку и отправился въ Петербургъ, въ слѣдующемъ году, въ качествѣ естествоиспытателя, сопровождалъ персидскую экспедицію Зубова. Вернувшись, издалъ „Tableau des provinces situées sur la côté occidentale de la mer Caspienne (СПб., 1798). Еще раньше въ Крыму, гдѣ Биберштейнъ работалъ надъ капитальнымъ своимъ трудомъ „Flora taurico-caucasica“ (Харьковъ, 1808 г.), онъ познакомился съ Габлицемъ, которому поручено было заведеніе шелководства въ Россіи, и получилъ мѣсто инспектора шелководства по Кавказской линіи. Обѣздивъ въ 1798—1799 и этотъ районъ, Биберштейнъ представилъ тогдашней экспедиціи государственнаго хозяйства подробный отчетъ, которымъ Импер. Павелъ дотога остался доволенъ, что назначилъ автора главнымъ инспекторомъ шелководства всей „полуденной Россіи“. Поселившись въ 1807 г. близъ Харькова въ Мерефѣ, Б. занялся изданіемъ „Centuria plantarum Rossiae meridionalis“ съ рисунками Як. Матеса (учителя рисованія при Харьковскомъ университетѣ), законченное Академіей наукъ уже послѣ смерти Биберштейна. Императоръ Александръ высоко цѣнилъ заслуги Б. и пожаловалъ ему 5000 дес. земли. Б. умеръ 16 іюня 1826 г. въ Мерефѣ близъ Харькова. Неизданнымъ осталось пространное описаніе Грузіи и древностей Крыма“²⁾. Биберштейнъ близко стоялъ къ университету и его интересамъ: въ университетской типографіи онъ напечаталъ два своихъ важнѣйшихъ труда: „Flora Taurico-Caucasica“ и „Centuria plantarum“; преподаватель рисованія въ университетѣ Матесъ сдѣлалъ рисунки къ послѣднему сочиненію; мы видѣли ихъ—и должны сознаться, что они представляютъ въ своемъ родѣ шедевръ; да и вообще печатаніе этой книги дѣлаетъ честь университетской типографіи. Представьте себѣ роскошное изданіе in quarto, въ которомъ 50 страницъ латинскаго текста и 50 же страницъ художественныхъ, раскрашенныхъ отъ руки рисунковъ; бумага плотная, толстая; шрифтъ чрезвычайно крупный, удобочитаемый. Роммель раз-

¹⁾ См. объ этомъ брошюру В. Н. Каразина „Извѣстіе о филотехническомъ обществѣ“, Харьк., въ универ. типогр. 1811 г., 39 стр.

²⁾ Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, 1-й полутомъ, стр. 658. Ср. критико-біограф. Словарь Венгерова, т. 3, стр. 243—245.

сказываетъ, что онъ находился въ дружескихъ сношеніяхъ съ Биберштейномъ и расширялъ у него свои свѣдѣнія о Кавказѣ.

Не безъ вліянія университета возникла въ Харьковѣ и *первая газета* — это былъ „Еженедѣльникъ“¹⁾, издававшійся въ 1812 г. университетскимъ книгопродавцемъ Лангнеромъ. Всего впрочемъ вышло только 12 номеровъ. Выходилъ онъ каждую субботу размѣромъ въ $\frac{1}{2}$ —1 печатный листъ. Подписная цѣна въ Харьковѣ была 10 руб., для иногороднихъ—12 р. Главное вниманіе издатель хотѣлъ обратить на промышленность и торговлю. „Предметомъ сихъ листовъ, писалъ онъ, являются общепользныя знанія экономіи и технологіи, основанныя на опытахъ славныхъ мужей, также важныя коммерческія извѣстія—и напослѣдокъ въ пріятной бесѣдѣ служащіе предметы, какъ-то небольшіе стихи, анекдоты и пр.“; въ приложеніи къ каждому номеру печатались частныя объявленія. Въ основномъ отдѣлѣ помѣщались статьи, въ родѣ слѣдующихъ: „о способѣ очищенія прогорклаго масла“, „о студени изъ костей“, „о новомъ способѣ полированія стали, стекла и пр. Гютона“. Отмѣтимъ также работу профессора сельскаго хозяйства въ Харьковскомъ университетѣ К. Нельдехена „о причинахъ, почему во многихъ отъ природы, очень плодородныхъ странахъ хозяинъ не получаетъ отъ своего домоводства тѣхъ выгодъ, какія бы онъ могъ получать“. Въ послѣдствіи появились статьи по исторіи и эстетикѣ—сюда относится монографія „о состояніи россійской арміи до временъ Екатерины II, „такова и переводная статья ученика 3-го класса Яковлева — „о предназначеніи лирическаго стихотворства Ф. Шиллера“. Точно также вмѣсто торговыхъ бюллетеней рѣшено было печатать отчеты о дѣйствіяхъ Харьковскаго благотворительнаго общества. Въ 4-мъ номерѣ своей газеты издатель объявлялъ: „при всѣхъ моихъ заботахъ доставить почтенному купечеству то, что касается его пользы, желаніе мое осталось невыполненнымъ, ибо чужеземная торговля не имѣетъ еще всего круга дѣйствія, особенно въ портахъ, откуда до сихъ поръ я не получаю извѣстій. Почему впредь вмѣсто ихъ будутъ помѣщаться отчеты Харьковскаго общества благотворенія подъ заглавіемъ—„дѣйствія общества благотворенія“. Въ отчетахъ этихъ сообщено много фактовъ о дѣятельности общества; между прочимъ приведено письмо изъ Тобольска полковника Ив. Андр. Фонъ-Креммера съ просьбой выдать пособіе сиротамъ бывшаго Тобольскаго предсѣдателя гражданской палаты кн. Ратіева. Въ отдѣлѣ мелкихъ замѣтокъ есть стихотворенія, эпиграмма Масловича. Но едва ли не самымъ интереснымъ теперь для насъ является отдѣлъ объявленій. Тутъ мы находимъ

¹⁾ Мы пользовались экземпляромъ Импер. Публичной бібліотеки.

метеорологическія наблюденія магистра Комлишинскаго по термометру, гигрометру и барометру. Изъ объявленія самого Лангнера узнаемъ, что онъ открылъ тогда въ Харьковѣ гравировальню для нотъ. Преподаватель музыки въ университетѣ Витковскій напечаталъ широкоформатную рекламу объ открытомъ имъ музыкальномъ магазинѣ. Извѣстный музыкантъ и докторъ философіи Гессъ-де-Кальве объявлялъ въ такихъ выраженіяхъ о концертѣ, который онъ устраивалъ въ пользу только-что возникшаго тогда, по почину Г. О. Квитки, благотворительнаго общества: „въ сей академіи разыгранъ будетъ мною вмѣстѣ съ г. Шуманомъ (молодымъ человѣкомъ—магистромъ химіи Харьковскаго университета) концертъ моего сочиненія на 2 фортепіано съ сопровожденіемъ всего оркестра, чего въ Харьковѣ до сихъ поръ еще не было; и при томъ многіе любители музыки, по моему приглашенію, будутъ мнѣ вспомоществовать своею игрою. Ласкаю себя надеждою, что почтеннѣйшая харьковская публика, отъ которой я заслужилъ нѣсколько разъ вниманіе, одобрить и въ семь разъ предпріятіе мое и, удостоивъ академію своего присутствія, будетъ чрезъ то способствовать намѣренію облегчить участь страждущаго человѣчества“. Матесъ объявлялъ о своихъ урокахъ рисованія, за которые онъ назначилъ по 150 р. въ годъ; есть извѣщеніе о новомъ пансіонѣ въ Курскѣ. Проф. Беленъ-де-Баллю и Шадъ объявляли о продажѣ своихъ домовъ; у послѣдняго, оказывается, былъ каменный одноэтажный домъ на улицу и деревянный двухъэтажный флигель со всѣми службами. Очевидно, для изданія торговопромышленной газеты было выбрано неудобное время: 1812 г. былъ тяжкимъ критическимъ моментомъ для Россіи и всѣхъ ея мирныхъ занятій и въ частности для торговопромышленнаго класса. Въ этомъ заключается и коренная причина неуспѣха газеты. Уже въ одномъ изъ первыхъ номеровъ издатель объявлялъ, что подписчики сами должны брать экземпляры газеты; другой разъ заявлялось, что экземпляры „Еженедѣльника“ будутъ печататься только для постоянныхъ подписчиковъ. Наконецъ, на 12-мъ номерѣ изданіе совсѣмъ прекратилось. Замѣтимъ кстати, что оно печаталось въ количествѣ 600 экз. Отношеніе университета къ „Еженедѣльнику“ выразилось въ двухъ случаяхъ—одинъ разъ при его возникновеніи, другой — передъ прекращеніемъ. Лангнеръ представилъ рукопись перваго номера своей газеты полиціймейстеру. Но полиціймейстеръ не рѣшился дать отъ себя разрѣшенія на печатаніе газеты и отправилъ рукопись губернатору. Губернаторъ, съ своей стороны, видя, что эти еженедѣльные листы не есть родъ какихъ-либо печатныхъ объявленій или афишъ, но будутъ заключать въ себѣ важныя извѣстія и сочиненія“, призналъ, что они должны печататься съ разрѣшенія университетскаго цензурнаго комитета. Прав-

леніе, разсмотрѣвъ рукопись, увѣдомило губернатора, что печатаніе объявленій должно зависѣть отъ полиціймейстера, а извѣстій и ученыхъ статей отъ цензурнаго комитета и что этотъ послѣдній, разсмотрѣвъ первый номеръ, нашелъ въ немъ множество грамматическихъ ошибокъ и нарушеній чистоты російскаго слога; и такъ какъ забота объ этомъ входитъ въ кругъ его обязанностей, то онъ и не можетъ разрѣшить выпустить въ свѣтъ безъ исправленій представленной ему рукописи ¹⁾. Затѣмъ въ іюльскомъ засѣданіи правленія университета была получена отъ министра народнаго просвѣщенія бумага слѣдующаго содержанія. „Съ нѣкотораго времени доставляется во вѣтренный мнѣ департаментъ издаваемое университетскимъ книготорговцемъ Лангнеромъ періодическое сочиненіе подъ названіемъ Харьковскаго еженедѣльника, въ которомъ помѣщаются разныя извѣстія и объявленія, дающія сему изданію видъ газеты. На сіе замѣчаю, что университетскому цензурному комитету не надлежало бы дозволить такового рода сочиненія безъ утвержденія высшаго начальства. Между тѣмъ, видя изъ вышедшихъ уже номеровъ сей газеты, что она содержитъ по большей части ученые статьи и частныя объявленія, предлагаю объяснить Лангнеру, чтобы онъ не выходилъ изъ сего округа и при томъ объявленія ограничилъ на одну слободскоукраинскую губернію. Впрочемъ приличнѣе было таковое сочиненіе, по примѣру другихъ округовъ, издавать отъ университета, почему имѣеть оный, сдѣлавъ расчетъ объ издержкахъ потребныхъ на сіе изданіе, и прибыли, отъ него получаемой, условиться съ книгопродавцемъ, желаетъ ли онъ продолжать изданіе Еженедѣльника, подъ особеннымъ сморѣніемъ университета, отдавая въ пользу его извѣстную сумму; въ противномъ же случаѣ университетъ, кажется, могъ бы принять на себя и все изданіе, о каковомъ обстоятельствѣ буду ожидать отзыва университета“. Изъ этого видно, что министръ придавалъ скромному предпріятію Лангнера слишкомъ большое значеніе. Изъ объясненій правленія выяснилось, что Лангнеръ не только не получалъ барышей, а наоборотъ несъ одни только убытки. „Для книгопродавца Лангнера, писало правленіе министру, съ одобренія цензурнаго комитета, печатается въ университетской типографіи каждую недѣлю періодическое сочиненіе подъ названіемъ „Харьковскій еженедѣльникъ“ въ количествѣ 600 экз. Лангнеръ, какъ извѣстно членамъ правленія, издавалъ это сочиненіе, имѣеть у себя на первый случай не болѣе 25 пренумерантовъ, отъ которыхъ получаетъ за цѣлый годъ около 300 руб.; между

¹⁾ Харьк. универ. архивъ. Журналы правл. 1812 г., январь—апрѣль, засѣданіе 1-го апрѣля.

тѣмъ университету съ мая мѣсяца по это время за отпечатаніе „Еженедѣльника“ онъ долженъ болѣе той суммы, которую получаетъ, и такъ какъ онъ обладаетъ такими скудными средствами, что не въ состояніи производить своевременно уплаты, то за него поручился профессоръ Нельдехенъ. Слѣдовательно, университетъ не имѣетъ никакой возможности получать отъ него Лангнера деньги за право изданія этого сочиненія. Равнымъ образомъ не предвидитъ для себя никакой выгоды отъ принятія на себя этого изданія, потому что въ здѣшнемъ краѣ весьма мало людей, интересующихся такими сочиненіями, какія въ немъ помѣщаются. Книгопродавецъ же продолжаетъ вести дѣло только потому, что предполагаетъ современемъ приобрѣсти большее число подписчиковъ и тѣмъ вознаградить себя за понесенные убытки. Что же касается университета, то онъ уже вошелъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи устроить ученое общество, которое бы занималось изданіемъ работъ по естественной исторіи и словесности. Можно думать, что запросъ министра и требованіе его ограничить объявленія въ газетѣ предѣлами одной харьковской губерніи побудили Лангнера прекратить издательскую дѣятельность ранѣе того срока, когда онъ предполагалъ это сдѣлать ¹⁾. Все это стояло въ связи съ извѣстными уже намъ (стр. 398—399) распоряженіями гр. А. К. Разумовскаго, ограничивавшими прежнія права и вліяніе университетовъ въ дѣлѣ печати. Въ апрѣлѣ 1812 г. министръ запретилъ печатаніе харьковскихъ календарей; теперь онъ поставилъ препятствія къ изданію въ Харьковѣ еженедѣльной газеты. 1812 годъ заставлялъ себя чувствовать не только въ сферѣ внѣшней, но и внутренней политики. Въ 1813 году министръ народнаго просвѣщенія не разрѣшилъ Рижскому обывателю надворному совѣтнику Нагелю издавать переводъ на русскій языкъ его журнала „Zuschauer“, ибо „кромѣ собственныхъ политическихъ разсужденій и нѣкоторыхъ извѣстій, почерпнутыхъ непосредственно изъ иностранныхъ журналовъ, газета эта заимствуетъ почти всѣ статьи изъ Петербургскихъ вѣдомостей и Сѣверной почты, и перепечатываніе ихъ на русскомъ языкѣ могло бы сдѣлать подрывъ этимъ газетамъ“ ²⁾.

Наконецъ, въ связи съ университетомъ стояла и тогдашняя харьковская изящная литература. Мы видѣли, что наука тогда стояла близко къ литературѣ. Преподаваніе словесности на историко-филологическомъ факультетѣ состояло главнымъ образомъ въ изложеніи риторики и поэтики, т. е. теоріи прозы и поэзіи, и сопровождалось не только разборомъ

¹⁾ Харьк. ун-в. архивъ. Дѣло правленія, 1812 г., май—августъ; засѣданіе 9 іюля.

²⁾ Ibidem, 1813, январь—апрѣль; засѣданіе 7 апрѣля.

поэтическихъ образцовъ, но и составленіемъ самостоятельныхъ стихотворныхъ опытовъ. Среди студентовъ господствовала страсть къ стихотворству, которая носила по истинѣ эпидемическій характеръ, захватила все педагогическія сферы и получила широкое развитіе даже среди учениковъ гимназій, народныхъ и духовныхъ училищъ. И мужи науки, и юноши съ одинаковымъ увлеченіемъ стремились на Парнасъ и пробовали свои силы въ различныхъ отрасляхъ поэзіи. Огромное большинство этихъ „позтовъ“ не обладало никакими художественными дарованіями, и ихъ произведенія даже не появлялись въ печати, а если и увидѣли свѣтъ, то, конечно, не обрадовали своимъ появленіемъ современниковъ, не говоря уже о насъ — ихъ потомкахъ. Но во всемъ этомъ движеніи была несомнѣнно и хорошая сторона. Во-первыхъ, люди стремились тутъ все таки отъ низменныхъ будничныхъ интересовъ къ чему то несравненно болѣе высокому — въ область поэзіи; во-вторыхъ, при такомъ настроеніи никакъ не могло уже заглухнуть истинное дарованіе болѣе или менѣе крупный талантъ: поэтъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ развивался и благодаря теоретическому знакомству съ поэтикой, т. е. правилами, приемами поэтического творчества, и благодаря изученію различныхъ художественныхъ произведеній, и благодаря, наконецъ, собственнымъ опытамъ, которые при томъ могли находить подчасъ и компетентную оцѣнку среди профессоровъ — преподавателей словесности. Особенною славою въ этомъ отношеніи пользовался, какъ мы видѣли, Рижскій. По словамъ Розальонъ-Сошальскаго, онъ, выслушивая сочиненія студентовъ, указывалъ на недостатки и ошибки и давалъ дѣльные совѣты. Другой преподаватель словесности Срезневскій и самъ пробовалъ свои силы на стихотворномъ полѣ — сочинилъ и напечаталъ нѣсколько патриотическихъ одъ, конечно, въ возвышенномъ стилѣ, высокопарныхъ, надутокраснорѣчивыхъ и въ то же время — нужно сказать это — совершенно лишенныхъ художественныхъ достоинствъ.... Уже въ бытность свою харьковскимъ профессоромъ, онъ сочинилъ для музыки и напечаталъ „побѣдную пѣснь Россовъ на пораженіе безчисленныхъ силъ мечтательнаго завоевателя свѣта“ и „Ораторію на торжество избавленія отечества отъ лютаго и сильнаго врага“. Въ общество наукъ Срезневскій, какъ мы знаемъ уже, передалъ нѣсколько стихотвореній, переложеній псалмовъ и въ томъ числѣ переводы Горациевыхъ одъ. Очевидно, и на Рижскомъ, и на Срезневскомъ отразилось еще старое семинарское образованіе духовнаго типа, въ которомъ видную роль играли риторика, поэтика, разборы и переложенія псалмовъ. Чтобы дать понятіе о поэтическомъ дарованіи Срезневскаго, приведемъ выдержки изъ его двухъ одъ.

Побѣдная пѣснь Россовъ.

„Несытое исчадье ада,—
Чудовище—Наполеонъ!
Ужель та кровь не стоитъ взгляда?
Не стоитъ слуха смертныхъ стонъ?
Ужель ты мыслишь дерзновенно,
Что жертва для тебя—вселенна?
Взгляни на свой пройденный путь,
И кто ты—вспомнить не забудь!
Въ какое буйно изступленье,
Въ какую ввержень слѣпоту!
Ведеть народы въ заколенье,
Чтобъ удовольствовать мечту!
Не мысля подданныхъ о благѣ,
Теряетъ ихъ въ кровавой влагѣ;
И въ буйство погружая мнить,
Что онъ на свѣтѣ знаменить!

.
Забудемъ претерпѣнны раны,
И скорбь на радость премѣнимъ!
Настроимъ гусли и тимпаны
И пѣснь побѣдну возгласимъ.
Составимъ лики мусикійски
И рчемъ: великъ Господь Россійскій!
Великъ и взбраненъ для своихъ!
Великъ и страшенъ для чуждыхъ! ¹⁾

А вотъ выдержки изъ его ораторіи.

„Сыны Россійскія державы! Хоръ 1-й.
Украсьте путь—возвысьте князи вратъ!
Се царь градетъ! Царь силъ—царь славы—
Отецъ своихъ и чуждыхъ чадъ! Хоръ 2-й
Кто есть сей царь славы?
Кто есть сей царь силъ? Хоръ 1-й.
....Онъ скипетръ свой оставилъ
И взялъ въ десницу мечъ;
Въ чужія земли путь направилъ,
Чтобъ всей землѣ *Врагу* къ злодѣйствамъ путь пресѣчь.

¹⁾ Побѣдная пѣснь Россовъ Ив. Срезневскаго, 1812 г. (экз. Имп. публ. 6—ки).

Французы:

Мы о величїи мечтали,
И свѣтомъ овладѣть желали;
И думали—Наполеонъ,
Возшедъ на древній Гальскій тронъ,
Законъ всему дастъ свѣту,—
Христу и Магомету;
Что свѣтъ весь покорить
И намъ его вручить!

Узнали—но узнали поздно,
Когда настало время грозно,
Что чадъ у насъ и братьевъ нѣтъ;
Узнали мы мечту суетъ,—
Тиранновъ—изверговъ предметъ;
Но цѣль еще стоитъ весь свѣтъ.

Хоръ царей и народовъ:

Мы зрѣли чудеса природы—
Явленій дивное число;
Но никогда не зрѣли смертныхъ роды,
Чтобъ солнце съ сѣвера взошло!
Въ нашъ вѣкъ явилъ намъ Богъ всемогущій,
Какъ Югъ огнемъ на насъ дождалъ;
И какъ суровый край полночный
Намъ росу благости излилъ;
Возсталъ противъ полдневной бури,—
И громы отразилъ;
Небесной свѣтъ лазури
И ясны дни открылъ!¹⁾

Печальная эпопея Наполеоновскаго нашествїя, очевидно, произвела сильное впечатлѣніе на умы и чувства; нашла себѣ также выраженіе и въ поэзіи (мы еще коснемся далѣе литературныхъ проявленій отзвуковъ ея, вышедшихъ изъ учительской и студенческой среды). Конечно, и самая эта поэзія интересна для насъ только какъ выраженіе настроенія тогдашняго общества. Къ радостному патріотическому хору русскихъ присоединили свой голосъ въ это время, по очень понятной причинѣ, и профессора нѣмецкаго происхожденія. Въ томъ же самомъ засѣданіи Шадъ говорилъ свою громовую рѣчь противъ Наполеона „De libertate Europae vindicata“. Магистръ Шуманъ сочинилъ музыку къ ораторіи

¹⁾ См. „Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Импер. Харьк. унив. 25 дек. 1814 г. въ память избавленія отечества отъ лютаго и сильнаго врага. Харьковъ, въ универс. типографіи, 1815 г., стр. 27—35.

Срезневскаго. Еще ранѣе (въ 1809 г.) профессоръ астрономіи Гутъ читалъ на актѣ по нѣмцки оду своего сочиненія, посвященную Императору Александру I. („Ode auf Alexander den Ersten, Kaiser von Russland. An Kaiserlichen Majestät Namens-Tage den 30 August 1809“) ²⁾.

Но изъ среды питомцевъ Харьковскаго университета вышло двое настоящихъ литераторовъ — Ак. Нахимовъ и В. Масловичъ. Первый обладалъ очень крупнымъ дарованіемъ и пользовался въ свое время славою выдающагося сатирика-баснописца. Второй стоялъ несравненно ниже его по дарованіямъ, но и у него излюбленнымъ родомъ произведений была басня. Такимъ образомъ, какъ бы въ дополненіе къ профессорскимъ одамъ возникла среди учащейся молодежи сатира и басня, конечно потому, что и жизнь давала положительныя и отрицательныя явленія и вторыхъ было даже больше, чѣмъ первыхъ. Дѣйствительная будничная жизнь представляла богатый матеріалъ для сатиры, которая обличала мракъ и неправду во имя просвѣщенія и добра.

Чрезвычайно интересна и поучительна въ этомъ отношеніи личность Нахимова ³⁾ — „этого харьковскаго пѣвца, приносящаго честь и славу своему городу“. Акимъ Николаевичъ Нахимовъ — помѣщикъ богодуховскаго уѣзда (откуда родомъ и В. Н. Каразинъ) и кандидатъ Харьковскаго университета. Родился онъ въ 1782 г. въ семьѣ богатыхъ харьковскихъ дворянъ, учился въ благородномъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ, затѣмъ, по обычаю того времени, поступилъ въ военную службу, но пробылъ въ ней недолго и вернулся въ отчій домъ, когда былъ основанъ Харьковскій университетъ. Будучи влекомъ страстью къ наукамъ, онъ на 24 году жизни вступилъ въ своекоштные студенты Харьковскаго университета и этимъ удивилъ весь городъ; успѣхами и дарованіями онъ изумлялъ товарищей и наставниковъ, а, прослушавъ полный курсъ словеснаго отдѣленія, получилъ кандидатскій дипломъ. Въ университетѣ онъ началъ заниматься стихотворными опытами и уже первымъ своимъ стихотвореніемъ („Пѣснь въѣрѣ“) заслужилъ похвалу отъ не въ мѣру строгаго и требовательнаго Рижскаго. „Рижскій, говорить В. Масловичъ, преподавая намъ свои чтенія, всегда представлялъ до такой степени трудными обязанности стихотворца, что никто изъ насъ не осмѣливался подавать ему ни одного стиха на разсмотрѣніе, если же кто и покушался на такую неслыханную дерзость, то всегда съ трепетомъ въ сердцѣ. Строгость Рижскаго почти не имѣла границъ. На ру-

¹⁾ См. Рѣчи, 1809 г., стр. 27—32.

²⁾ В. Масловича. Память о харьковскомъ стихотворцѣ Ак. Ник. Нахимовѣ. Сиб. 1881 г., ср. также обстоятельную статью о Нахимовѣ Чирикова въ Рус. Стар. 1880 г., ноябрь и декабрь; въ ней много новыхъ произведеній Нахимова.

кописи указанного нами стихотворенія Нахимова сохранилась авторская приписка— „мужественное подражаніе псалму 17“, а въ концѣ слѣдующая надпись рукою Рижскаго: „подражаніе очень хорошо. Въмѣсто часто повторяемаго союза и, что свойственно языку еврейскому, надобно употреблять связи, сроднѣйшія русскому слову“¹⁾. Похвала Рижскаго должна была ободрить начинающаго стихотворца. Неудивительно, что это стихотвореніе понравилось Рижскому: оно было написано въ его духѣ.

Впрочемъ такого религіознаго содержанія у Нахимова было еще только два произведенія; изъ нихъ „Молитва“ состоитъ всего изъ одного четверостишія и очень удачна:

Услышь меня, о Боже, съ высоты!
Мольбу единую къ Тебѣ я возсылаю:
Подай всещедрый мнѣ не то, чего желаю,
Но то, что самъ подать восхощешь Ты!

Но полученіе кандидатскаго диплома Нахимовъ уже описалъ въ очень игривомъ, шуточномъ стихотвореніи, проникнутомъ добродушной ироніей. *На полученіе кандидатскаго достоинства.*

Къ перу! Излей восторгъ и радость опиши!
За риемой риема вслѣдъ, стихъ за стихомъ спѣши!
Десницей мощнаго ученаго сената
Се изъ ничтожества внезапно извлеченъ!
Петлицъ сіяніемъ сребристымъ озаренъ,
Стою на ступени высокой кандидата!
И слава, осѣнивъ меня своимъ крыломъ,
Съ улыбкой кажетъ всѣмъ печатный мой дипломъ!
Но могутъ ли толпы безумнаго народа
Таинственный дипломъ понять безъ перевода?
Невѣжды прочь! А ты Дедаловъ правнукъ, Блѣмъ²⁾
Въ столярномъ мастерствѣ яви свой дивный умъ:
Сооруди ковчегъ красивый и огромный,
И — что всего важнѣй — толь крѣпкій и укромный,
Чтобъ время и потопъ, огонь, буря, градъ и громъ
И крысы не могли мой повредить дипломъ!

¹⁾ Сочиненія Нахимова въ стихахъ и прозѣ. Изд. 2-е. Харьк., 1816 г., и статья Чирикова. Мы имѣли въ своихъ рукахъ и рукописныя сочиненія Нахимова; одни изъ нихъ хранятся въ библіотекѣ Харьковскаго университета, другія были переданы мнѣ глубокоуважаемымъ Н. А. Лавровскимъ.

²⁾ Извѣстнѣйшій въ городѣ столяръ — тотъ самый, который вывезенъ былъ изъ Петербурга В. Н. Каразинымъ для университета.

Если мы вспомнимъ, какое значеніе придавали тогда ученымъ степнямъ (Паки-де-Совиньи повѣсилъ свой докторскій дипломъ, отпечатанный огромными буквами, подъ зеркаломъ), то для насъ станетъ ясно, что Нахимовъ осмѣивалъ здѣсь господствующую черту времени—страсть къ вѣшнымъ отличіямъ даже среди ученыхъ. Выйдя изъ университета, Нахимовъ поселился у себя въ деревнѣ и предался сочинительству. Но изъ скромности никому не показывалъ своихъ произведеній (даже отцу). 6 августа 1809 г., какъ мы знаемъ, появился указъ, требовавшій университетскаго диплома для полученія ассесорскаго чина. Нахимовъ, рѣзко вооружавшійся противъ „приказныхъ“, посвятилъ имъ слѣдующую элегію:

„Восплачь, канцеляристъ, повытчикъ, секретарь,
Надсмотрщикъ, возрыдай и вся приказна тварь!
Ланиты въ горести чернилами натрите
И въ перси перьями другъ друга поразите:
О сколь вы за грѣхи наказаны судьбой!
Зрятъ тучу страшную палаты надъ собой,
Которой молнія грозитъ вамъ просвѣщенъемъ,
И акциденцій всѣхъ и ябедъ истребленъемъ.
Какъ древо сокрушенъ падетъ подъячихъ родъ;
Увы! Насталъ теперь для васъ печальный годъ!
Какія времена! Должны вы слушать курсы,
Судебныя мѣста всѣ превратятся въ бурсы.
Ахъ! Если бы воскресъ одинъ хоть думный дьякъ
И съ челобитною явясъ предъ царскій зракъ,
Чѣмъ заслужили гнѣвъ мой, воскликнулъ, внуки?
Что посылаются къ нимъ палачи науки!
Ты хочешь, чтобы отъ ихъ немилосердныхъ рукъ,
Расправился или переломился крюкъ.
О солнце, не лишай, ты, филиновъ затмѣнья!
Да крюкъ пребудетъ крюкъ по силѣ уложенья!
Но что! Гдѣ дьякъ и гдѣ прошеніе къ царю?
Бѣда коллежскому теперь секретарю.
О чинъ ассесорскій, толико вождѣлѣнный!
Ты убѣгаешь днесь, когда я восхищенный
Мнилъ обнимать тебя, какъ друга, какъ алтынъ;
Быть можетъ, навсегда прости любезный чинъ;
Сколь тяжело для меня, степенна челоуѣка,
Учиться начинать, проживши ужъ полъѣтка,
Какія каверзы, какое зло для насъ
О просвѣщеніи гласящій намъ указъ!

Друзья! Пока еще не свѣтло въ нашемъ мірѣ—
 На счетъ просителей пойдемъ гулять въ трактирѣ;
 Съ отчаянья начнемъ какъ можно больше драть;
 Свѣтъ близокъ — должно ли ворами теперь дремать? ¹⁾

Вслѣдствіе указа 6 августа 1809 г. въ Харьковскомъ университетѣ, какъ мы знаемъ, были открыты курсы для чиновниковъ, желавшихъ подготовиться къ экзамену на чинъ, и Нахимовъ былъ приглашенъ туда преподавателемъ російской грамматики, риторики, лѣгтики и эстетики. Свой курсъ словесности онъ открылъ по истинѣ великолѣпнымъ „Предисловіемъ къ Россійской грамматикѣ“. Вотъ оно:

„Блаженъ, кто въ жизни сей съ указкой межъ перстовъ,
 Прощедъ сквозь юсъ и кси, достигнулъ до складовъ,
 И тамо въ бра и дра прилежно углублялся;
 Чей умъ во чтеніи довольно подвизался,
 И наконецъ, явя въ писаніи усилъхъ,
 Россійской грамоты взошелъ на самый верхъ,
 Какъ уголь отъ золы, такъ отъ невѣждъ отличенъ,
 Кто рисовать азы способенъ и привыченъ;
 Почтенъ отъ всѣхъ такой премудрый человекъ,
 И передъ нимъ ничто кузнецъ и дровосѣкъ.
 Въ Россіи изстари ведутся грамоты,
 Преборзые писцы, прехитры крючкодѣи,
 Которыхъ дивная, пернатая рука,
 Какъ лошадь почтова поспѣшна и прытка.
 Реченныя руки подъ гибкими перстами
 Плодятся литеры съ различными хвостами.
 Писать—велика вещь, достойная трудовъ;
 Но лѣзьялъ безъ горести взирать на тѣхъ писцовъ,
 Которы пишутъ такъ проворно крючковато,
 Да только безъ пути, неясно, длинновато?
 Тарабарщина—плодъ ихъ жалкаго пера!
 Подобно до временъ Великаго Петра
 Изъ лыкъ сандаліи чухонцы соплетали,
 Однакоже они искусства въ томъ не знали;
 Но лишь Монархъ на нихъ вниманье обратилъ,
 Чухонскій лапотъ вдругъ видъ новый получилъ.
 Россійской грамотѣ полезно то и нужно,
 Чтобъ жить съ грамматикой всегда въ связи и дружно;

¹⁾ Сочиненія А. Нахимова, стр. 11—12.

Являютъ опыты, что безъ науки сей
 Калѣба или слѣпецъ несчастный грамотѣй!
 Искусно съ глазъ его бѣльмо оно снимаетъ;
 О чудо! грамотникъ внезапно прозираетъ,
 Какъ солнце азбука тогда предъ нимъ блеснить,
 Не вѣря самъ себѣ, онъ съ изумленьемъ зрить
 Разнообразныхъ словъ начало, родъ и свойство,
 Премѣны дивныя и чудное устройство!
 Прозрѣвшій грамотѣй не ощущью идетъ,
 Въ писаніяхъ его тарабарщины нѣтъ;
 И слава громкая повсюду возвыщается:
 „Такого то писца ужъ всякій понимаетъ“¹⁾.

Къ своимъ слушателямъ Нахимовъ относился сатирически: заставлялъ писать на доскѣ мѣломъ „похвалу гусинному перу“ или басню „дьякъ и нищій“, заставлялъ склонять имена существительныя—листь и хлысть, сучокъ и крючокъ или спрягать глаголы брать и драть. Вотъ эта „похвала гусинному перу“.

Природа перьями довольствуется гусей,
 А гуси оными снабжаютъ писарей;
 Гусинное крыло безъ перьевъ ослабѣетъ,
 А писарска рука безъ оныхъ оскудѣетъ!

За данно вамъ добро

Природу, гуси, восхвалите;

За драгоценное перо

Подъячіе главу предъ гусемъ приклоните!

Конечно, подобные выходки вызывали неудовольствіе, хотя, по всей вѣроятности, и скрытое, затаенное, потому что открыто выражать его значило бы принимать на свой счетъ всѣ указанія на алчность и взяточничество приказныхъ. Притомъ слушатели находили чтенія Нахимова очень живыми, ясными и нетрудными.

Натура у Нахимова была экспансивная, впечатлительная. Мысли свои онъ выражалъ рѣзко, о несправедливостяхъ говорилъ съ жаромъ и негодованіемъ; особенно вооружался противъ чиновничества за его взяточничество. По словамъ біографа, у него отъ природы было сильнѣйшее отвращеніе къ злоупотребленіямъ, которыя доводили его до изступленія. Это былъ сатирикъ по натурѣ: негодованіе, смѣлость, увѣренность въ себѣ были руководящими его чертами. Самъ онъ, будучи богатъ, жилъ весьма просто и умѣренно, по философски, презиралъ рос-

¹⁾ Соч. Ак. Нахимова, стр. 9—10.

кошъ, не любилъ денегъ. Одѣвался въ особый костюмъ, носилъ толстую суковатую палку; былъ преданъ просвѣщенію; зналъ четыре языка—латинскій, нѣмецкій, французскій, англійскій—и на послѣднихъ трехъ свободно изъяснялся. Кабинетъ его былъ переполненъ книгами, разбросанными въ хаотическомъ безпорядкѣ. Когда являлось у него поэтическое вдохновеніе, онъ велѣлъ запираить ставни (хотя бы это было днемъ), зажигалъ свѣчи—и писалъ. Вообще это былъ большой оригиналъ. Къ сожалѣнію, у него была слабость—онъ запивалъ. Умеръ онъ въ раннемъ возрастѣ—на 32 году жизни отъ гнилой горячки (17 іюля 1814 г.). Мамловичъ ставитъ его какъ баснописца очень высоко—сейчасъ же послѣ Хемницера, Дмитріева и Крылова. Жители Слободскоукраинской губ. должны, по его словамъ, гордиться имъ. Ихъ пѣвецъ Нахимовъ свидѣтельствуеъ „сколь отлична отъ другихъ, сколь просвѣщена страна наша. Нахимовъ свидѣтельствуеъ о знаніяхъ нашихъ и остроуміи“. Чтобы дать понятіе о Нахимовѣ, какъ баснописцѣ, приведемъ здѣсь лучшую изъ его басенъ „Живописецъ“ ¹⁾, тѣмъ болѣе, что она имѣетъ и автобиографическій характеръ.

„Былъ живописецъ славный,
Рафаилу въ искусствѣ равный,
И очень, очень не дуракъ;
Но сердцемъ жалкій былъ простакъ;
Ужъ до того онъ совѣсти держался,
Что даже знатнымъ льстить боялся!
А кто сіе почтетъ за грѣхъ?
Сиросите вы у всѣхъ!
Сей добрый человекъ хотѣлъ себя прославить
И чѣмъ же? Вздумалъ онъ представить
Пороки всѣ и глупости людей.
Судя по мастерству онъ сущій чародѣй!
Нельстива кисть его, что ни изобразила—
Одушевила.

Картину кончивши, тотчасъ
Онъ выставилъ ее народу на показъ;
Но лишь ее узрѣли,
Кокетки обомлѣли;
У плута волосъ дыбомъ сталъ,
Лжець трепеталъ,
Грызть ногти началъ скряга,
Грозилъ указами сутяга,

¹⁾ Соч. Ак. Нахимова, стр. 43—44.

Кобенился предъ живописцемъ франтъ,
И Катилиною назвалъ его педантъ!
Пылая въ сердцѣ мщеньемъ,
Порочные кричатъ художнику съ презрѣньемъ:
„Ты пасквиль написалъ,
Честь нашу обругалъ;
Въ картинѣ сей хотѣлъ смѣяться ты надъ нами“.
Художникъ отвѣчалъ:
„Я глупость и порокъ изобразить желалъ,
А васъ не трогалъ я, да я васъ и не зналъ:
Уродовъ можно ли вамъ сравнивать съ собою,
Когда красавцы вы душою?
Но мастеръ сей не могъ себя тѣмъ оправдать,
Хоть умные его взяли за защитъ,
Но ихъ немного было,
И все витійство ихъ глупцовъ не убѣдило,—
Художникъ отданъ былъ подъ судъ,
Который сжечь велѣлъ его прекрасный трудъ.

Такъ будетъ всякому, кто только даръ имѣетъ
И лстить пороку не умѣетъ“.

И самъ Нахимовъ дѣйствительно возставалъ только противъ глупости и порока, въ какихъ бы видахъ они не являлись, и ратовалъ за просвѣщеніе и честность.

Вотъ, напримѣръ, его басенька „Юпитеръ и Нетопыри“:

О просвѣщеніи Юпитера просили
Нетопыри, хотя во тѣмъ счастливо жили:
Смѣясь Юпитеръ тварямъ симъ
Тотчасъ исполнилъ ихъ прошенье:
Въ жилище мрачное гнилушку бросилъ имъ,
Сказавъ: Нетопыри! Вотъ ваше просвѣщенье.

Глубоко уважая просвѣщеніе и разсадникъ его—Харьковскій университетъ, Нахимовъ въ то же время сочиняетъ эпиграмму на тѣхъ дѣятелей его, которые не имѣли ничего общаго съ наукой и просвѣщеніемъ.

Просвѣтители:

Чтобъ мрачную страну наукой озарить,
Ученыхъ множество въ Украину валить.
Сіюють здѣсь они, какъ въ темнотѣ зарницы.
Но что блестить у нихъ? Мундирныя петлицы!

Не безъ вліянія тѣхъ раздоровъ, которые происходили въ Харьковскомъ университетѣ въ 1812—1814 гг., Нахимовъ сочиняетъ слѣ-

дующее удачное четырестишіе на тему о рѣдкостяхъ, которыя онъ видѣлъ... во снѣ.

„Я видѣлъ дивное сословіе ученыхъ,
Которы въ подвигахъ, ихъ званію достойныхъ,
Хранили здравый смыслъ, честь, нравы и покой:—
Отъ зависти они не грызлись межъ собой“.

Тогда же, говоритъ онъ,

„Я видѣлъ торжество наукъ, достоинствъ, чести,
Позоръ невѣжества, изгнанье подлой лести,
Въ семействахъ тишину и счастье вездѣ;
Я видѣлъ все сіе, и видѣлъ все... во снѣ“.

Нахимовъ былъ ярымъ поборникъ просвѣщенія. Одно изъ его прозаическихъ сочиненій специально посвящено защитѣ его отъ невѣжественныхъ нападокъ хулителей. Оно носитъ заглавіе „Нѣчто объ умѣ и просвѣщеніи“. „Что же думать о людяхъ, говоритъ онъ тутъ, которые ненавидятъ просвѣщеніе и бѣгаютъ отъ него, какъ отъ чумы? Тѣ, которые благословляютъ невѣжество по долговременной къ нему привычкѣ, заслуживаютъ всякое снисхожденіе. Естественнo ли, чтобы человѣкъ, родившійся и выросшій во мракѣ, могъ прославлять лучи солнца, которые въ первый разъ поражаютъ слабое его зрѣніе? Мало по малу ощутить онъ благотворное ихъ дѣйствіе и тогда не позавидуетъ прежнему своему состоянію. О тѣхъ же, которые не терпятъ свѣта наукъ, какъ бы по особенной своей природѣ, справедливо можно заключить, что они суть филины, нетопыри рода человѣческаго; но какъ въ угрожденіе мышамъ летучимъ не угаснетъ солнце въ мірѣ, коимъ управляетъ премудрое Божество, такъ въ угрожденіе мизософамъ не угаснетъ свѣтъ наукъ въ государствѣ, гдѣ царствуетъ геній богоподобный“. Въ рукописи имѣется еще отсутствующее въ печатныхъ изданіяхъ продолженіе этой статьи слѣдующаго содержанія. „Вѣдное просвѣщеніе! И ты имѣешь непріятелей. Виновна ли религія въ варварствѣ суевѣрія? Виновно ли просвѣщеніе въ ужасахъ суемудрія? Виновно ли правосудіе въ безчинствахъ кривосудія? Сократъ и Невтонъ не были вольнодумцы. Августинъ и Златоустъ не были невѣжды. Кукла, выговаривающая въ носъ французскія слова, пузырь, надутый латынью, столько же просвѣщенны, сколько бездушный крючкотворецъ правосудья. Въ Россіи враги просвѣщенія большею частью скотинины и подъячіе. Скотинины думаютъ, что сія опасная головня можетъ современемъ превратить въ пепель ихъ хлѣва; а подъячіе мыслятъ, что отъ наукъ притупятся ихъ когти и уменьшится аппетитъ (къ соленому, горячительному и лакомому).

Скотинины! Надѣньте очки и присмотритесь къ просвѣщенію: не головня оно, а благотворный фонарь, ниспосланный съ небесъ для того, чтобы мы, ходя въ темнотѣ міра сего, не забрели въ свинарню или въ болото и не уподобились ихъ обитателямъ. Ахъ! Если бы вы хотя на минуту могли презрѣть гласъ мамы и приблизиться къ спасительному фонарю, вы бы увидѣли, въ какомъ хлѣвѣ обитаетъ ваша душа и на кого она походить. Надѣньте очки и вы, подъячіе! Подойдите къ помянутому фонарю; вы увидите, что когти коршунамъ, а не людямъ приличны; вы увидите, въ какомъ болотѣ живетъ ваша душа и на кого походить“ 2).

Не правда ли эти сильныя, благородныя слова, по крайней мѣрѣ, относительно скотининыхъ, не утратили своего значенія и въ настоящее время? Можно предполагать, что они вызваны были тою реакціей, которая надвигалась на русское общество въ концѣ изучаемаго нами периода (въ 1812—1814).

Василій Григорьевичъ Масловичъ былъ также баснописцемъ сатирикомъ, но по таланту своему стоялъ несравненно ниже Нахимова. Мы знаемъ уже отзывъ Розальона Сошальскаго о его докторской степени („онъ былъ скорѣе докторъ паркета, чѣмъ головоломнаго ученаго матеріала“), которую впрочемъ онъ получилъ уже во второе десятилѣтіе исторіи университета. Но ученость и не была его настоящимъ призваніемъ: таковымъ была литература. Еще въ 1811 году В. Г. Масловичъ выпустилъ въ свѣтъ одно литературное произведеніе—*„Дельфъ и Дельфира или увѣнчанная любовь“*—пастушеская опера въ 1 д. 1). Это чувствительная пьеса, какія были въ модѣ и раньше. На сценѣ дѣйствуютъ аркадскіе пастушки и пастушки. Пастушка Дельфира любитъ пастушка Дельфа, но отецъ не разрѣшаетъ ей выйти за него замужъ, ибо онъ бѣденъ (у него всего 3 овцы), и хочетъ выдать ее за другого—богатаго, но глупаго и лѣниваго. Тогда является Амуръ и доставляетъ Дельфу цѣлое стадо; женихъ, уготованный отцомъ, отказывается отъ невѣсты, и влюбленные женятся. Въ 1814 г. Масловичъ выпустилъ въ свѣтъ стихотворное привѣтствіе недавно основанному передъ тѣмъ Благотворительному обществу—*„Драматическій кантатъ Харьковскому Благотворительному обществу“*. Посвящаетъ сочинившій В. М. Харьковъ въ унив. тип., 1814 г., 7 стр. Начинается онъ общимъ хо-

1) Рукописныя сочиненія Ак. Нахимова, спис. Н. А. Лавровскимъ.

2) Харьковъ 1811, г., въ унив. тип., 51 стр.; мы пользовались экземпляромъ Имп. публичной бібліотеки.

ромъ, потомъ идетъ хоръ сиротъ, мальчиковъ, дѣвушекъ, отцовъ и матерей, слова воина въ отставку, солдатскій хоръ, слова разслабленнаго и общій хоръ. Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ этого произведенія.

Общій хоръ:

Честь, слава вамъ хвала
Дворяне слободскіе!
За добрыя дѣла,
За милости большія!
Хвала, честь, слава вамъ!
Вы бѣдности отрада,
Вы — юности ограда,
Подпора — старикамъ,
Вдовамъ — вы утѣшенье,
А сирымъ вы — покровъ,
Украины — любовь,
И слабымъ поддержанье!
Хвала, честь, слава вамъ,
За благодарный храмъ!

Общій хоръ сиротъ:

Мы теперь не жалки дѣти,
Не несчастны сироты;
Всѣ мы сыты и одѣты
И не знаемъ нищеты.

Хоръ мальчиковъ:

Друзья! Вотъ слободскихъ дворянъ
Въ чемъ цѣль для насъ и ожиданье:
Чтобъ, давши здѣсь намъ воспитанье,
Увидѣть добрыхъ въ насъ гражданъ.
Дадимъ, товарищи, обѣтъ
Мы Богу, Господу благому,
Что всякъ изъ насъ не проведетъ
Часа, минуты по пустому.
Прилежнымъ надобно намъ быть;
Мы ставемъ Господу молиться,
Да лѣньность въ насъ не появится.
Чтобы отечеству служить
Чтобы дворянамъ угодить,
Намъ должно хорошо учиться.

Хоръ дѣвушекъ:

Всещедрый нашъ Боже!
И мы молимъ тоже,
Услыши нашъ гласъ,
Благослови насъ!
Чтобъ мы прилежаньемъ
И нашимъ стараньемъ
И послушаньемъ,
И тихостью нрава
Безъ сердца лукава,
Бывъ терпѣливы
Не прихотливы
И скромны, и вѣрны
И неліцемерны;
И постоянствомъ
Передъ дворянствомъ
Себя оправдали;
Чтобъ они сказали:
Рады мы, рады,
Что васъ воспитали!

.

Общій хоръ:

Слава русскому царю!
Харьковскимъ дворянамъ слава!
Царю слава, что имѣетъ
Онъ дворянъ такихъ,
А дворянамъ, что изъ нихъ
Всякъ о бѣдныхъ сожалѣетъ,
Слава русскому царю,
Харьковскимъ дворянамъ слава!
Слава, слава, слава!

Въ томъ же 1814 году В. Г. Масловичъ напечаталъ отдѣльною книгой и первое изданіе своихъ басенъ. Чтобы дать нѣкоторое понятіе о содержаніи и художественной обработкѣ его произведеній, приведемъ здѣсь нѣкоторые изъ нихъ.

Полевой цвѣтокъ:

Однажды полевой цвѣтокъ
Нечаянно попалъ въ вѣнокъ,
Изъ розъ пастушкою сплетенный,

И запахъ получилъ отъ розъ пріобрѣтенный.
Большая польза въ томъ,
Когда съ учеными мужами кто знакомъ.

С о л н ц е и п ы л ь:

Тебя я, солнце, помрачила—
Отъ вѣтра пыль поднявшись говорила.
Не прекословлю въ томъ, былъ солнца ей отвѣтъ,
Но вѣтръ пройдетъ и пыль на землю упадетъ.

Р о ж д е н і е с м ѣ х а:

Читатели! кто хочетъ знать,
Какъ появился смѣхъ на свѣтѣ?
Пршу покорно прочитатъ—
Вотъ басенька о семъ предметѣ.
Прошло не помню сколько лѣтъ
По сотвореньи челоуѣка,
Положимъ, что прошло полъ вѣка,
Отъ этого убытку нѣтъ;
Одной дѣвицы зубы
Разгнѣвались на губы,
Иль, такъ сказать, на скромность губъ.
Одинъ послали къ Зевсу зубъ
Изъ зубья своего сената
Въ одеждѣ депутата.
Явился зубъ предъ Зевса тронъ,
На губы жалуется онъ,
На притѣсненье ихъ доносить
И такъ Юпитера онъ просить:
Вели, о Зевсѣ, губамъ отверстье отворить
Почаще вверхъ и внизъ вели имъ шевелиться,
На нашу бѣлизну чтобъ всѣ могли взирать
И ею чтобъ могли плѣниться.
Внялъ просьбѣ ихъ Зевесъ
И приказанье далъ съ небесъ;
Чтобъ кинули всю скромность губы.
Съ тѣхъ поръ дѣвицы скалятъ зубы
И смертныхъ родъ смѣется весъ.

В ы в ѣ с к а:

Да будетъ вѣдомо чрезъ сей прибитый листъ,
Что въ этомъ домѣ жить имѣетъ копіистъ.
Извѣстну Крюкина фамилію онъ носить,

И всѣмъ просителямъ смиреннѣйше доносить,
 Которы суть теперь и впредь имѣютъ быть,
 Что радъ по ихъ дѣламъ прилежнѣйше ходить
 За самую малую и сходнѣйшую цѣну
 Трудамъ своимъ въ замѣну.
 А если кто его щедренько подарить,
 Гдѣ нужно, онъ готовъ душею покривить.

Надгробіе *А. Г. Рейнишу* (адъюнкту древней исторіи и педагогіи):

Сей камень Рейниша ученаго скрываетъ
 Онъ отъ трудовъ большихъ оставилъ рано свѣтъ;
 Они не кончены—никто ихъ не прочтетъ!
 И много чрезъ сіе исторія теряетъ.

И. Д. Шмерфельду (адъюнкту статистики и технологіи):

Кто изъ людей тебя, о Шмерфельдъ, былъ добрѣе,
 Но рано твой насталъ конецъ,
 Тебѣ мы памятникъ слагаемъ изъ сердецъ,
 Онъ мрамора прочнѣе.

Сверхъ того ему принадлежитъ изданная въ 1813 г. „Пѣснь на прибытіе въ міръ Асмодея“.

Третьимъ писателемъ, хотя и не вышедшимъ изъ университетской среды, но имѣвшимъ съ ней близкое соприкосновеніе, былъ извѣстный намъ сумской помѣщикъ Александръ Александровичъ Палицынъ, глава „Поповской академіи“, т. е. цѣлаго литературнаго кружка, ютившагося въ его деревнѣ Поповкѣ. Какъ мы знаемъ, онъ состоялъ почетнымъ членомъ Харьковскаго университета. Въ 1807 г. онъ напечаталъ „Посланіе къ Привѣтъ или воспоминаніе о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ моего времени“. Харьковъ, въ унив. тип. 70 стр. и стихотворное переложеніе Слова о полку Игоревѣ подъ заглавіемъ „*Игорь, героическая пѣснь*“, съ древней славянской пѣсни, переложилъ стихами Палицынъ. X. VI, 42 стр., а въ 1814 г.—два стихотворныя перевода „*Сады*“ *Делиля*¹⁾ и „*Времена года*“ *Сенъ-Ламберта*²⁾. Литературныя вкусы А. А. Палицына опредѣлялись съ одной стороны его жизнью на лонѣ деревенской природы, любовью къ этой послѣдней, а съ другой вліяніемъ такихъ лицъ, какъ Шишковъ, графъ Хвостовъ, Державинъ; это были

¹⁾ Сады—поэма Ж. Делиля. Съ исправленнаго и дополненнаго изданія перевелъ Александръ Палицынъ, въ Харьковѣ, въ унив. тип. 1814 г., XXXIII, 233.

²⁾ Времена года, поэма Сенъ-Ламберта, члена французской академіи, перевелъ Александръ Палицынъ. Хар., унив. тип., 1814 г., 330 стр.

представители старой школы, консервативнаго литературнаго направленія, боровшагося съ Карамзинымъ и его новымъ стилемъ. Членомъ Палицынскаго кружка былъ и Е. Станевичъ, который, проживая въ Поповкѣ, перевелъ другое произведеніе Деліла „Сельскій житель“.

Рукопись „Посланія къ Привѣтъ“ А. А. Палицынъ подарилъ университету; она была отпечатана въ университетской типографіи и доходъ съ изданія шелъ въ пользу университета. Рижскій далъ объ этомъ произведеніи такой отзывъ: „по причинѣ его новости и по легкости слога, коимъ оно написано, многіе любители словесности будутъ его читать съ удовольствіемъ“ ¹⁾.

Рукопись своего „Игоря“ Палицынъ въ 1807 году предоставилъ Харьковскому губернатору Бахтину, съ тѣмъ, чтобы она была напечатана и весь чистый доходъ съ нея поступилъ въ пользу земскаго войска. Губернаторъ отпраздновалъ ее на разсмотрѣніе въ университетъ и просилъ напечатать на университетскій счетъ съ указанною выше благотворительною цѣлью. Члены правленія—Рижскій, Осиповскій, Тимковскій и Шумлянскій, во главѣ съ ректоромъ Стойковичемъ, согласились принять лично на себя весь расходъ по печатанію полнаго завода этого сочиненія, т. е. 1200 экземпляровъ ²⁾. Переводъ Сенъ-Ламбертовой поэмы онъ, какъ мы знаемъ (стр. 250), собирался посвятить университету, какъ дань признательности за избраніе въ почетные члены. Въ концѣ 1812 г. онъ прислалъ въ университетъ стихотворный переводъ сочиненія Мильвуа „Независимость писателя“. Но такъ какъ „по предложенію г. Министра Народнаго Просвѣщенія университетъ безъ воли начальства не смѣетъ печатать на свой счетъ таковыхъ сочиненій, то и поручено было спросить Палицына, не пожелаетъ ли онъ напечатать на свой счетъ данное произведеніе. Палицынъ, конечно, обидѣлся и отвѣтилъ, что онъ хотѣлъ было всѣ свои сочиненія, суммою, можетъ быть, на 10000 р., пожертвовать университетской типографіи. Но, узнавъ о новомъ ограниченіи книгопечатанія при университетѣ, принужденъ будетъ подарить ихъ какому-нибудь вольному типографщику, ибо печатать ихъ на свой счетъ не въ состояніи. Тогда члены правленія, разсуждая, что, предназначенныя Палицынымъ въ подарокъ университету сочиненія могутъ доставить ему по отпечатаніи выгоды, рѣшили сдѣлать представленіе объ этомъ Министру и, приложивъ рукопись „о независимости писателя“, просить о разрѣшеніи напечатать ее на счетъ университета, что

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1806 г. № 43.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1807 г., январь—апрѣль; засѣданіе 24 и 29 апрѣля.

обойдется около 60 р. ¹⁾). Очевидно, времена теперь сильно измѣнились, если нужно было такъ много усилій, чтобы сдѣлать ничтожный расходъ на изданіе книги почетнаго члена университета и при томъ въ пользу этого послѣдняго. Впрочемъ Министръ Народнаго Просвѣщенія разрѣшилъ университету принять въ даръ отъ Палицына всѣ его рукописи, съ тѣмъ, чтобы издавать ихъ постепенно, а не вдругъ; велѣно было также напечатать и переводъ стихотворенія Мильвуа ²⁾). Два переводныхъ произведенія Палицына (Сады Делиля и Времена года Сень-Ламберта) вслѣдствіе этого были отпечатаны на счетъ университета каждое въ количествѣ 600 экземпляровъ (въ 1814 г.) ³⁾.

Чтобы дать нѣкоторое понятіе о литературномъ стилѣ Палицына, приведемъ отрывки изъ его отвѣтнаго письма графу Хвостову, который восхитился „Игоремъ“ и прислалъ нашему автору стихотворное посланіе, гдѣ высказывалъ теплыя чувства — дружбу и любовь къ новому жильцу Парнаса. Вотъ объ этомъ то Парнасъ и ведетъ рѣчь Палицынъ. Гр. Хвостовъ подписалъ свое письмо такъ: покорнѣйшій слуга пѣить *плохой* Х.... Палицынъ, возражая на эту скромность, говоритъ:

Парнасскій имянитый житель,
Достойный тамошнихъ вѣнцовъ,
Творецъ безъ зависти, разборчивый цѣнитель,
Другъ нѣжный музъ, Хвостовъ.
Твой голосъ сладостный проникъ въ мою обитель,
Подъ сельскій ветхій мой и скорбный нынѣ кровъ.
Я—въ удивленіи! Ужель мой Игорь древній,
Сей недоросль глухой деревни,
Въ столицахъ заслужилъ возрѣніе пѣвцовъ?
Уже ли онъ таковъ,
Въ своей обновѣ деревенской,
Ни въ русской, какъ судили, ни въ словенской,
Что лавръ мнѣ за него сулить
Увѣчавный чувствительный пѣтъ.
Хотя то правда, что Парнасъ
Имѣетъ много мѣстъ пустыхъ еще для насъ;
Не населенныхъ горъ на немъ у русскихъ много;
Тамъ межевыхъ столбовъ нѣтъ нужды ставить строго,
Однакожь на хребтѣ сихъ дикихъ горъ
Помѣстья многія влекутъ и наши взоры.

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1813 г., январь—апрѣль, засѣданіе 7-го апрѣля.

²⁾ Ibidem, май—августъ; засѣданіе 4 іюня.

³⁾ Ibidem, сентябрь—декабрь, засѣданіе 16 октября.

Остави, что живутъ издревле тамъ славяне,
 Не хуже прочихъ поселяне;
 Въ послѣдніе у насъ полѣвка возрасло
 Огромныхъ зданій тамъ не малое число.
 Петровы русскіе подобятся чертоги
 Латинскимъ, греческимъ, гдѣ ихъ живали боги,
 Елисаветинъ русскій храмъ
 Безсмертенъ будетъ тамъ....

Затѣмъ далѣе слѣдуетъ перечень другихъ русскихъ литературныхъ произведеній, завоевавшихъ себѣ мѣсто на Парнассѣ, и въ томъ числѣ:

Вотъ и недавно процвѣло,
 Съ примѣровъ ихъ прекрасное село,
 Дружьями просвѣщеніи.

Заключаетъ свой отвѣтъ Палицынъ такъ:

„Пусть твой дивится пышный кругъ,
 Что можетъ быть тебѣ пустынный даже другъ“.

Тутъ, какъ мы видимъ, много условностей, аллегорій, столь обычныхъ въ то время преувеличенныхъ комплиментовъ по адресу дѣйствительно „плохого пѣнты“ гр. Хвостова. Но сквозь все это пробивается искреннее чувство. Палицынъ въ это время былъ дѣйствительно въ подавленномъ настроеніи, потерявъ жену, которая была лучшимъ его другомъ въ теченіе 35 лѣтъ; въ это же время въ „Вѣстникѣ Европы“ Каченовскаго появилась рѣзкая критика на его „Посланіе къ пріятелю“, вызвавшая въ 1808 году отповѣдь дружески расположеннаго къ нему Станевича¹⁾. Съ другой стороны, у провинціальныхъ дѣятелей того времени вообще было какое то преклоненіе передъ всѣмъ столичнымъ. Палицынъ же проживалъ въ деревенской глуши—и понятно, какъ ободрилъ его лестный отзывъ столичнаго писателя, пользовавшагося въ тѣхъ литературныхъ кругахъ, къ которому принадлежалъ и самъ Палицынъ, значительнымъ авторитетомъ. Новаторы зло смѣялись и надъ Палицынымъ, и надъ его литературными друзьями (напримѣръ, Станевичемъ); наоборотъ старовѣры (съ Шишковымъ во главѣ) относились къ нему съ большимъ уваженіемъ, высоко ставили его литературные опыты. Въ письмѣ къ Станевичу Шишковъ между прочимъ пишетъ: „поклонись отъ меня Александру Александровичу Палицыну и скажи ему, что я какъ дарованія его въ словесности, такъ и нравственность весьма почитаю“. Въ другомъ письмѣ Шишковъ пишетъ: „поклонись отъ меня А. А. Палицыну и попроси его, чтобы онъ для „Бесѣды“ нашей что

¹⁾ Это цѣлая объемистая книга—„Способъ разсматривать книги и судить о нихъ“, См. от. Ник. Лашенка „Евст. Ив. Станевичъ“ (Сбор. Харьк. ист.-филол. общ., т. 9, стр. 37—58).

нибудь сочинилъ и прислалъ“. Рѣчь идетъ объ извѣстной „Бесѣдѣ любителей русскаго слова“—органѣ Шишковцевъ, въ противовѣсъ которой возникъ знаменитый „Арзамасъ“, органъ новаторовъ—Карамзина, Батюшкова, Жуковскаго и др. Кромѣ „Бесѣды“ Палицынъ сотрудничалъ и въ издававшемся Анастасевичемъ журналѣ „Улей“. Нужно, впрочемъ замѣтить, что литературное направленіе самого Палицына не было въ сущности ретрограднымъ; наоборотъ для Харьковскаго края Палицынскій кружокъ, какъ это вѣрно отмѣчено проф. Н. Θ. Сумцовымъ, представлялъ въ высшей степени живое и прогрессивное явленіе; и онъ дѣйствительно былъ таковымъ по отношенію къ царившему здѣсь доселѣ южнорусскому просвѣщенію съ его духовной схоластической завеской XVII—XVIII вв. Да при томъ Палицынъ, какъ намъ кажется, только случайно примкнулъ къ Шишковистамъ, почувствовавъ влеченіе не столько къ ихъ направленію и идеямъ, сколько къ личностямъ. Доброе, сердечное отношеніе этихъ столичныхъ знаменитостей не могло не произвести сильнаго впечатлѣнія на „деревенскаго отшельника“. Но у себя на мѣстѣ, какъ мы видѣли (стр. 38—40), Палицынъ и члены его кружка были передовыми дѣятелями просвѣщенія и проводниками новой западноевропейской стихіи въ литературѣ. Что касается его „Игоря“, то это была вторая по счету попытка стихотворнаго переложенія „Слова о полку Игоревѣ“ (первая принадлежала Сѣрякову и относилась къ 1803 году). Е. В. Барсовъ, разсмотрѣвшій всѣ переводы и изданія „Слова“, не имѣлъ въ рукахъ, какъ самъ сознается, Палицынскаго перевода и говоритъ о немъ только, что онъ сдѣланъ „шестистопными ямбами въ стилѣ ложно классическихъ поэмъ“¹⁾. И это вѣрно: Палицынъ видѣлъ въ „Словѣ“ духъ Оссіана, образецъ витійства. Прозаическій переводъ поэмы Шишкова побудилъ его взяться за этотъ трудъ. „Долго повторяя чуждыхъ пѣснопѣвцевъ, тѣмъ паче надъ сею испыталъ я пѣсню, сколь сладостіе повторять пѣснопѣвцевъ отечества“. Въ началѣ Палицынъ помѣстилъ историческое содержаніе пѣсни, заимствованное изъ московскаго ея изданія 1800 г.; въ концѣ находятся примѣчанія. Чтобы дать понятіе о самомъ переводѣ, приведемъ одну небольшую выдержку изъ него.

Боянъ же, коего я даръ въ витійствѣ славлю,
Не десять соколовъ на лебедей пускалъ,
Но струны хитрыми перстами оживлялъ;
Тогда онѣ князей гремѣли сами славу.

.....

¹⁾ Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской дружины Русь, т. I. М. 1887, стр. 175.

Уже російска рать течеть отъ всѣхъ сторонъ,
 Сбираясь изъ жилищъ въ походъ на гордый Довъ.
 Не бурей чрезъ поля широки, отдаленны,
 Не многи соколы то были занесенны,
 Но войска дружныхъ птицъ подобились стадамъ,
 Готовымъ устремить полетъ къ Довскимъ брегамъ.
 Ржутъ кони за Сулой, звукъ славы Кіевъ внемлетъ,
 Гласъ трубный Новгородъ съ веселіемъ приеѣмлетъ;
 Стоять простерты въ Путивлѣ знамена.
 Гдѣ братьевъ обща брань соединить должва,
 Какъ слава, дружество, связуютъ и природа,
 Тамъ Игорьъ съ войскомъ ждетъ Буй-Тура Всеволода... ¹⁾

Итакъ, научно-литературная дѣятельность профессоровъ и преподавателей Харьковскаго университета въ первое десятилѣтіе его существованія была весьма широка и разнообразна: они и разрабатывали науку, и популяризировали ее въ обществѣ, и занимались мѣстными изслѣдованіями, имѣвшими важное практическое значеніе, не чуждались и чисто литературныхъ трудовъ. Мы видѣли, что на первомъ планѣ стояла тогда не чисто ученая разработка вопросовъ, а распространеніе научныхъ знаній въ обществѣ, и такое направленіе работъ вполне соотвѣтствовало потребностямъ времени, можно сказать, прямо опредѣлилось ими. Любопытно указать относительную роль въ этомъ дѣлѣ иностранныхъ и русскихъ профессоровъ. Мы видѣли, что иностранные профессора стояли по своей научной подготовкѣ выше своихъ русскихъ коллегъ. Многіе изъ нихъ до перехода своего въ Харьковъ приобрѣли почетную извѣстность своею научною дѣятельностью. Какъ же отразилась новая среда, новая сфера дѣятельности на ихъ научной продуктивности? Кто изъ нихъ продолжалъ работать, съ прежней энергіей, кто ушелъ впередъ и кто назадъ? Нѣкоторые изъ нихъ—именно Шадъ, Якобъ, Роммель, Беленъ-де-Баллю, Рейтъ, Шнаубертъ, Лангъ, Пильгеръ, Гизе, Стойковичъ и Дудровичъ—и въ новомъ отечествѣ продолжали свою научную дѣятельность; изъ нихъ особенно выдвигаются Гизе и Стойковичъ, несомнѣнно ушедшіе далеко впередъ сравнительно съ тѣмъ, что они дѣлали до перехода въ Харьковъ; о Шадѣ и отчасти объ Якобѣ можно сказать, что они продолжали разрабатывать свои вопросы, послѣдній, впрочемъ, главнымъ образомъ сосредоточился на составленіи гимназическихъ учебниковъ; Роммель и Беленъ-де-Баллю занимались исключительно изданіемъ классиковъ; съ признательностью нужно вспом-

¹⁾ Игорь, героическая пѣснь. Хар., въ универс. тип., 1807 г.

нить и о работѣ Рейта, которая прямо таки была вызвана пребываніемъ его въ Россіи; тоже самое нужно сказать и объ одной книгѣ Гизе (о селитрѣ) и о популярныхъ, полезныхъ для края статейкахъ Пильгера; впрочемъ, нельзя не сознаться, что онѣ стоятъ несравненно ниже того, что этотъ авторъ писалъ за границей; отчасти это же нужно сказать и о работахъ всѣхъ другихъ перечисленныхъ нами лицъ, исключая Гизе и Стойковича, въ особенности о Роммельѣ, который, только вернувшись на родину, снова принялся за чисто ученые труды и написалъ капитальное сочиненіе „Исторія Гессена“. Остальные иностранцы — Умляуфъ, Гамперле, Шмерфельдъ, Ванноти, Рейнишъ, Дрейсигъ, Гутъ, Нельдехенъ, Швейкартъ, Тауберъ, Делявинъ, Дегуровъ, Павловичъ, Милюновичъ, Филипповичъ, Терлаичъ, Коритаріи ничего почти не печатали и единственными трудами нѣкоторыхъ изъ нихъ были актовые рѣчи, Нельдехенъ же, Гамперле, Рейнишъ, Тауберъ, Павловичъ, Филипповичъ, Терлаичъ, Милюновичъ не говорили и рѣчей. Особенно странно ученое молчаніе такихъ лицъ, какъ Дрейсигъ, Гутъ, Нельдехенъ и Дегуровъ, которые у себя на родинѣ писали чрезвычайно много. Впрочемъ, Гутъ по крайней мѣрѣ выступилъ, какъ мы знаемъ, съ однимъ важнымъ научнымъ проэктомъ. Дудровичъ напечаталъ диссиртацію. Паки-де-Совини усердно и много писалъ, но эти писанія признавались чрезвычайно неудачными и не удостоивались печати. Такимъ образомъ, изъ 29 иностранныхъ профессоровъ вовсе ничего не печатало 8 чел., напечатало только актовые рѣчи 9, дѣлалъ попытки къ сочиненію трудовъ 1, болѣе другихъ работало 11; но изъ нихъ замѣтно прогрессировало въ своей научной дѣятельности только двое, а въ большинствѣ же замѣтенъ регрессъ или застой.

Изъ 13 профессоровъ русскаго происхожденія выдавалось своими научными трудами 4, а именно — Успенскій, Осиповскій, Рижскій и Тимковскій, особенно прогрессировалъ Успенскій; двое имѣли печатные труды — безвременно угасшій Калькау и лѣнливый Шумлянскій; трое — Книгинъ, Каменскій, Срезневскій — издали только актовые рѣчи; четверо — Васильевъ, Каретниковъ, Крюгеръ, Болгаревскій — не сдѣлали и этого. Процентъ ничего не писавшихъ у иностранцевъ равнялся 28, а у русскихъ — 31, издавшихъ только одни актовые рѣчи у иностранцевъ — 34%, у русскихъ — 23%, имѣвшихъ разные труды у иностранцевъ — 38%, у русскихъ — 46%. Значитъ иностранные профессора стояли чуть замѣтно выше своихъ русскихъ товарищей въ отношеніи размѣровъ своей научной дѣятельности. Само собою разумѣется, что нашъ расчетъ отнюдь не претендуетъ на какую-либо точность. Чтобы приблизиться къ этой послѣдней, нужно было бы принять во вниманіе и

число работъ каждаго автора, и ихъ объемъ. Но и тогда мы были бы далеки отъ окончательнаго рѣшенія вопроса, ибо надлежало бы намъ сопоставить тѣ и другія сочиненія еще въ качественномъ отношеніи другъ съ другомъ и, наконецъ, имѣть данныя о распространеніи и вліяніи ихъ на читателей. Само собою разумѣется, что достигъ этого невозможно и достаточно, если наши грубыя цифры дадутъ только нѣкоторое общее впечатлѣніе читателю о роли въ научномъ движеніи того времени тѣхъ или иныхъ дѣятелей иноземнаго или мѣстнаго происхожденія. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что и тѣ, и другіе почти одинаково потрудились для этого дѣла, что и у тѣхъ, и у другихъ были личности, всецѣло преданныя научнымъ интересамъ и не зарывшіе своихъ талантовъ въ землю; и если Харьковскій университетъ можетъ гордиться такими учеными, какъ Шадъ, Гизе, Якобъ, то не меньшимъ предметомъ гордости могутъ быть Успенскій, Осиповскій, Рижскій, въ особенности если вспомнимъ, что всѣ эти три профессора не прошли даже университетскихъ курсовъ и были въ нѣкоторомъ родѣ автодидактами. Если иностранцы превосходили русскихъ въ знаніи научныхъ методовъ, если у нихъ была ученая традиція, которая въ гораздо меньшей степени была присуща ихъ русскимъ коллегамъ, если они могли быть названы нашими учителями въ томъ смыслѣ, что насаждали у насъ европейскую науку, то и русскіе черпали эту науку или на мѣстѣ—въ западной Европѣ—или въ новыхъ ея рассадникахъ русскихъ университетахъ или, наконецъ, въ общихъ ея источникахъ трудахъ европейскихъ ученыхъ, трудахъ, представлявшихъ не только національное, но и общее международное богатство: этими тремя способами они знакомились и съ содержаніемъ научныхъ трудовъ, и съ ихъ методологическими приѣмами. И на сторонѣ „учениковъ“ было одно огромное преимущество передъ „учителями“—это ихъ русскій родной, понятный для всѣхъ читателей языкъ. Хотя латинскій, французскій и нѣмецкій языки, какъ мы знаемъ, въ общемъ были довольно извѣстны учащейся университетской молодежи, но все-таки онѣ являлись значительнымъ тормазомъ для распространенія въ обществѣ сочиненій, написанныхъ на этихъ языкахъ. Неудивительно поэтому, что печатались въ большомъ количествѣ экземпляровъ и хорошо расходились книги, изданныя на русскомъ языкѣ (вспомнимъ сочиненія Стойковича и Успенскаго). Вотъ почему и нѣкоторые труды, составленные на иностранныхъ языкахъ, переводились по русски: такъ было, наприкладъ, какъ мы знаемъ, со „Всеобщей химіей“ Гизе и брошюрами Пильгера. Роммель высоко цѣнить услуги, оказанныя иностранными профессорами Харьковскому университету и упрекаетъ русскихъ въ неблагодар-

ности. „Изъ путешествія Коли по южной Россіи извѣстно, говоритъ онъ, что въ Харьковѣ сохранилось еще воспоминаніе, хотя слабое, о первомъ цвѣтущемъ времени университета. Не удивляюсь. Наши литературныя и педагогическія стремленія, скажу смѣло—были не мало-важны; но можно ли говорить о признательности нынѣшняго поколѣнія, когда уже при моемъ отъѣздѣ многіе изъ созданныхъ нами кандидатовъ, магистровъ и докторовъ готовы были бросить въ насъ камень?!“ И онъ совершенно правъ, когда говоритъ о заслугахъ иностранныхъ профессоровъ передъ Харьковскимъ университетомъ въ дѣлѣ науки и преподаванія; онъ правъ также и въ томъ, что первое десятилѣтіе, когда былъ такъ силенъ иностранный элементъ, является дѣйствительно цвѣтущимъ временемъ, „золотымъ вѣкомъ“, въ исторіи Харьковского университета; онъ только не договариваетъ, что этотъ золотой вѣкъ былъ созданъ соединенными усиліями иностранцевъ и русскихъ; онъ правъ, наконецъ, и въ томъ, что современники не оцѣнили этихъ услугъ иностранцевъ, только не совсѣмъ вѣрно объясняетъ причину этого явленія: по его мнѣнію, все дѣло объясняется взрывомъ національнаго патріотическаго чувства у русскихъ вслѣдствіе Наполеоновскаго нашествія. Конечно, это событіе имѣло важное значеніе въ данномъ дѣлѣ; но нельзя отрицать тутъ вліянія и другихъ причинъ. Среди нихъ видное мѣсто должна занять одна совершенно естественная и нормальная—это именно развитіе самосознанія у профессоровъ русскаго происхожденія. Роммель не могъ или не хотѣлъ понять того, что „ученики“ не должны были постоянно находиться на помочахъ у своихъ учителей, что задача учителей и заключалась въ томъ, чтобы поскорѣе поставить на собственныя ноги своихъ учениковъ и передать въ ихъ руки дѣло воспитанія молодого поколѣнія и распространенія научныхъ знаній въ краѣ; онъ не видѣлъ или не хотѣлъ видѣть, что русская профессорская партія сильно выросла и сознала свою равноправность или, правильнѣе говоря, завоевала ее себѣ въ благородномъ, честномъ соревнованіи съ иностранными профессорами своею ученолитературною и педагогическою дѣятельностью! Это соревнованіе, къ сожалѣнію, въ послѣднее время сопровождалось и партіозною борьбою, въ которой господствовали уже и личные мотивы, и національная вражда противъ иностранцевъ, раздутая 12-мъ годомъ — и это привело къ настоящему бѣгству ихъ изъ Харькова, оставившему горькое чувство обиды и досады у такихъ почтенныхъ дѣятелей, какъ Роммель. При такихъ условіяхъ современники и не могли быть безпристрастными въ рѣшеніи вопроса о заслугахъ, оказанныхъ иностранными профессорами наукѣ, университету и обществу. Эту обязанность можемъ и должны выполнить мы, отдѣленные

почти цѣлымъ столѣтіемъ отъ тогдашнихъ дѣятелей и ихъ интересовъ. И я буду безконечно доволенъ, если окажется, что мнѣ удалось рѣшить безпристрастно этотъ вопросъ и *suum cuique tribuere*.

VI-я ГЛАВА.

Студенты.

По принятому нами плану приведемъ прежде всего постановленія о студентахъ университетскаго устава, а затѣмъ посмотримъ, каково было положеніе ихъ въ дѣйствительности. Для поступленія въ студенты требовалась предварительная школьная или домашняя подготовка. Молодые люди, окончившіе гимназію, принимались по аттестатамъ безъ экзамена; остальные подвергались предварительному испытанію въ языкахъ и начальныхъ элементахъ необходимыхъ предметовъ въ особомъ назначаемомъ ректоромъ комитетѣ. Принятый въ студенты зачислялся на извѣстное отдѣленіе (т. е. факультетъ), но предварительно долженъ былъ прослушать курсъ общеобразовательныхъ наукъ, необходимыхъ для всякаго рода службы и дѣятельности. Студентъ, прослушавшій этотъ приготовительный курсъ, получалъ въ торжественномъ собраніи аттестатъ съ обозначеніемъ времени и изученныхъ имъ предметовъ. Лица, усвоившія себѣ науки, читаемыя въ отдѣленіяхъ, могли подвергаться экзамену для полученія одной изъ университетскихъ степеней. Экзамены должны были производиться въ факультетахъ подъ предѣлательствомъ декановъ. Кандидатскій экзаменъ происходилъ такъ: студентъ, исбавшій степени кандидата, объявлялъ о своемъ желаніи держать экзаменъ декану, который назначалъ ему день для испытанія. Отдѣленіе черезъ декана предлагало ему вопросы изъ преподававшихся въ немъ наукъ, и онъ долженъ былъ отвѣтить на нихъ письменно. Потомъ производилось устное испытаніе: экзаменуемому предлагали два вопроса, выбранные по билетамъ, изъ науки, бывшей главнымъ предметомъ его занятій, а затѣмъ онъ отвѣчалъ уже безъ билетовъ на отдѣльные вопросы всѣхъ экзаменаторовъ. Такому же экзамену могли подвергаться и постороннія лица, не бывшія въ университетѣ, въ томъ числѣ желавшія получить степень лѣкаря и аптекаря. Студенты дѣлились на 2 группы—своекоштныхъ и казеннокоштныхъ. Послѣдніе находились на иждивеніи университета—и ихъ полагалось по штату 40 чел. и на содержаніе каждаго назначено было по 200 р.; сверхъ того на 12 человѣкъ такъ-называемыхъ студентовъ кандидатовъ назначено было 3600 руб.

(по 300 р. каждому). Казеннокоштных студентов принимали только одинъ разъ въ году передъ началомъ лекцій; предпочтеніе давалось неимущимъ. Ежегодно, по окончаніи лекцій, имъ назначались экзамены и отличившіеся своимъ добронравіемъ и успѣхами должны были награждаться медалями. Не выдержавшій удовлетворительно установленнаго испытанія оставался на второй годъ; а если и тогда обнаруживалъ слабую познавѣ, то отпускаясь изъ университета съ однимъ только свѣдѣтельствомъ о поведеніи. Студенты, окончившіе трехлѣтніе курсы, могли оставаться для продолженія ученія въ какомъ-нибудь отдѣленіи въ званіи кандидатовъ и по надлежащемъ испытаніи занять должность „повторителей“. Въ уставѣ выражено было пожеланіе, чтобы профессора нѣкоторыхъ наукъ, особенно словесныхъ, философскихъ и юридическихъ, устраивали съ казеннокоштными студентами бесѣды, во время которыхъ предлагали бы имъ вопросы для устнаго изъясненія, и тѣмъ исправляли ихъ сужденія и способъ изложенія и пріучали бы ихъ основательно и свѣдѣбно изъяснять свои мысли; бесѣды эти должны были происходить преимущественно на латинскомъ языкѣ. Новымъ языкамъ, искусствамъ и гимнастикѣ казеннокоштные студенты обучались бесплатно, а своекоштные—за умѣренное вознагражденіе. Для надзора за казеннокоштными студентами совѣтъ избиралъ особаго инспектора изъ ординарныхъ профессоровъ, который обязанъ былъ наблюдать за порядкомъ и добронравіемъ среди нихъ—посѣщать ихъ покои, увѣщевать нерадивыхъ и стараться возбудить въ нихъ прилежаніе. Для содѣйствія инспектору совѣтъ избиралъ изъ кандидатовъ или магистровъ двухъ помощниковъ, которые бы жили вмѣстѣ со студентами и имѣли съ ними общій столъ. Они ближайшимъ образомъ наблюдали за поведеніемъ студентовъ и за ихъ занятіями, обязаны были подавать ежемѣсячныя вѣдомости о поведеніи вѣрнѣнныхъ имъ воспитанниковъ, а о дерзостяхъ и соблазнительныхъ поступкахъ доносить немедленно инспектору, чтобы тотъ удостовѣрившись на мѣстѣ самъ могъ принять немедленно надлежащія мѣры или обратиться къ ректору и внести этотъ проступокъ въ особую кондуитную книгу, которая при годичныхъ экзаменахъ представлялась совѣту. Студенты должны были руководиться въ своемъ поведеніи и нравственности особыми правилами, которые обязанъ былъ выработать совѣтъ ¹⁾.

Познакомившись съ тѣмъ, что говоритъ уставъ о студентахъ, обратимся теперь къ фактамъ, рисующимъ ихъ дѣйствительное положеніе. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить крайне скудное недостаточное количество студентовъ въ теченіе всего изучаемаго нами десятилѣтія и въ особенности въ самые первые годы. Подготовительныхъ къ университету

¹⁾ Сборникъ постанов. по Мин. Нар. Просв. I, 285—288.

гимназій, можно сказать, не существовало вовсе; были только кое-гдѣ главные народныя училища, но ученики ихъ не получали должной подготовки по латинскому языку, на которомъ между тѣмъ иностранные профессора главнымъ образомъ предполагали вести преподаваніе. Такимъ образомъ, естественно возникала мысль о необходимости ввести въ университетъ семинаристовъ, получавшихъ у себя въ семинаріяхъ достаточную подготовку по всѣмъ предметамъ, и въ особенности по классическимъ языкамъ, преподаваніе которыхъ стояло тамъ очень высоко; въ Харьковскомъ же коллегіумѣ преподаваніе всѣхъ предметовъ велось блестяще, даже такихъ какъ новые языки и математика. Неудивительно поэтому, что еще до фактическаго открытія университета попечитель гр. Потоцкій возбуждаетъ ходатайство передъ подлежащими властями о разрѣшеніи извѣстному количеству семинаристовъ вступить въ студенты Харьковскаго университета. Въ 1804 г. Харьковский попечитель сдѣлалъ такое представленіе министру: „19 апрѣля я имѣлъ честь довести вашему сіятельству, что принялъ всѣ зависящія со стороны моей мѣры для скорѣйшаго открытія университета, которое, вѣроятно, и воспослѣдуетъ въ августѣ мѣсяцѣ сего года. Къ этому времени придутъ всѣ приглашенные мною профессора. Они немедленно могли бы начать свои лекціи, но единое встрѣчается въ томъ неудобство—недостаточное число университетскихъ слушателей. Относительно отвращенія его полагаю все упованіе свое на попеченіе вашего сіятельства. Нѣкоторые ученики губерскихъ училищъ, пріобрѣвшіе довольное познаніе въ наукахъ, могли-бы поступить въ студенты; но незнаніе латинскаго языка, который былъ совершенно оставленъ въ этихъ училищахъ, является главнѣйшею препоною умножить ими на первый случай число университетскихъ слушателей, ибо иностранные профессора, не знающіе русскаго языка, могутъ преподавать лекціи только по латини. Таковыхъ молодыхъ людей, имѣющихъ достаточное познаніе въ этомъ языкѣ, могутъ нынѣ доставить семинаріи. Посему покорнѣйше испрашиваю ходатайства Вашего Сіятельства объ истребованіи въ университетъ на казенное содержаніе 30 семинаристовъ, подготовленныхъ къ слушанію университетскихъ лекцій; ходатайство это послужитъ къ скорѣйшему открытію университета и образованію изъ этихъ семинаристовъ педагогическаго института, безъ котораго, по собственному мнѣнію Вашего Сіятельства, ни гимназіи, ни уѣздныя училища существовать не могутъ“ (2 іюня 1804 г.)¹⁾ Министръ Народнаго Просвѣщенія возбудилъ соотвѣтственное ходатайство и оно было уважено. Св. Синоду была объявлена Высочайшая воля объ отпускѣ семинаристовъ

¹⁾ Архивъ Мин. Нар. Просв. 1803 г. № по архиву 5458, по картону № 152.

въ Харьковскій университетъ, и затѣмъ 7 іюля уже былъ изданъ синодальный указъ слѣдующаго содержанія. „По именному Его Императорскаго Величества Высочайшему указу, объявленному синодальнымъ оберъ-прокуроромъ статсъ секретаремъ кн. Алек. Ник. Голицынымъ, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ въ приготовляемый къ открытію Харьковскій университетъ уволить по удобству изъ ближайшихъ къ нему семинарій студентовъ богословія, философіи 30 да изъ риторики и поэзіи 10 человѣкъ, такихъ, которые бы имѣли склонность и природныя дарованія къ наукамъ и которые бы, по усовершенствованіи себя въ нихъ, могли современемъ занять и учительскія мѣста въ учрежденныхъ въ округѣ университета училищахъ. Святѣйшій правительствующій синодъ приказалъ во исполненіе этого Высочайшаго указа отпустить въ приготовляемый къ открытію Харьковскій университетъ изъ семинарій — Курской и Харьковского коллегіума, во всемъ на основаніи Высочайшаго повелѣнія, студентовъ богословія и философіи по 15 да изъ риторики и поэзіи по 5 человѣкъ, которыхъ преосвященнымъ Теоктисту архіепископу Курскому и Христофору епископу Слободскоукраинскому отправить въ тотъ университетъ съ надлежащими аттестатами о знаніи ими наукъ и поведеніи; при отправленіи же означенныхъ студентовъ изъ Курской семинаріи тамошнему преосвященному выдать на проѣздъ прогонныя деньги до Харькова каждому на одну подводу по указамъ, да на содержаніе въ пути потребное число денегъ, о возвращеніи коихъ и дать знать университету. Кто же именно отправленъ будетъ и сколько денегъ выдано будетъ, объ этомъ рапортовать тогда же Святѣйшему Синоду и о томъ къ преосвященнымъ Курскому и Слободскоукраинскому послать указы“ ¹⁾. Попечитель извѣстилъ объ этомъ рѣшеніи дѣйствовавшій тогда при университетѣ комитетъ, который постановилъ принять на первый разъ въ комплектъ казеннокоштныхъ студентовъ только 30 семинаристовъ, прошедшихъ философскій и богословскій классъ, остальные же десять вакансій предоставить постороннимъ лицамъ, просившимъ объ этомъ, тѣмъ болѣе что учениковъ риторическаго и пѣвческаго классовъ нельзя было считать достаточно подготовленными къ слушанію лекцій; ихъ же рѣшено было принять въ слѣдующемъ году, когда они болѣе усовершенствуются въ наукахъ. Въ такомъ смыслѣ комитетъ сдѣлалъ представленіе попечителю и архіерею — и оно было признано цѣлесообразнымъ. 30 семинаристовъ были приняты въ сентябрѣ 1804 года; а кромѣ ихъ въ число казеннокоштныхъ студентовъ вступили еще — бывший учитель народнаго училища Славин-

¹⁾ Ibidem.

скій, бывшій домашній учитель польскій шляхтичъ Квятковскій и воспитанникъ Харьковскаго главнаго народнаго училища Лобойковъ. Далеко не всѣ представители тогдашняго общества имѣли ясное и опредѣленное представленіе о необходимой научной подготовкѣ для вступленія въ университетъ. Это видно между прочимъ изъ того, что одинъ дворянинъ выхлопоталъ Высочайшее повелѣніе о принятіи двухъ сыновей его въ казеннокоштные студенты, а они, оказалось, умѣли только читать и писать по русски. Комитетъ, съ разрѣшенія попечителя, помѣстилъ ихъ въ число воспитанниковъ главнаго народнаго училища, но долженъ былъ дать имъ, во исполненіе Высочайшей воли, студенческой окладъ (200 р.). Приняты были также мѣры къ привлеченію молодыхъ людей въ своекоштные студенты. Всякій, желавшій вступить въ число студентовъ, долженъ былъ подать прошеніе объ этомъ въ комитетъ и въ немъ прописать свое состояніе и познанія; послѣ этого онъ подвергался испытанію „со снисхожденіемъ, но безъ излишняго послабленія“, въ знаніяхъ предметовъ, необходимыхъ для слушанія университетскихъ лекцій. Для того чтобы сдѣлать извѣстнымъ открытіе новаго высшаго учебнаго заведенія и привлечь молодежь въ университетъ, приняты были слѣдующія мѣры: обратились къ губернаторамъ съ просьбами оновѣстить дворянство о приѣмѣ молодыхъ людей во вновь открывающійся университетъ; предписано было директору училищъ Слободскоукраинской губерніи, чтобы онъ представилъ списокъ воспитанниковъ главнаго народнаго училища, желавшихъ поступить въ университетъ. Приходилось не только приглашать родителей къ отправленію ихъ сыновей въ университетъ, но и всячески убѣждать. Въ іюль 1805 г. гр. Потоцкій писалъ правленію: „желая чтобы число студентовъ университета время отъ времени болѣе умножалось, поставляю непремѣннымъ правиломъ не упускать ни единого случая, который хотя нѣсколько можетъ тому способствовать; вслѣдствіе чего предлагаю университету поручить профессору Тимковскому, отправленному для обозрѣнія училищъ въ земли Донскихъ казаковъ, чтобы онъ употребилъ всѣ возможныя мѣры склонить войсковыхъ обывателей посылать дѣтей своихъ по окончаніи ученія въ гимназіи или если есть и теперь молодые люди, снискавшіе достаточныя свѣдѣнія, въ университетъ Харьковскій для приобрѣтенія знаній въ высшихъ наукахъ, полезныхъ для всѣхъ родовъ государственной службы. Успѣхъ въ семъ дѣлѣ подкрѣпляется патріотическимъ приношеніемъ, сдѣланнымъ ими въ пользу учебныхъ заведеній, приношеніемъ, которое доказываетъ благорасположеніе ихъ къ наукамъ, и во вторыхъ тѣмъ, что они напредъ сего посылали дѣтей своихъ для образованія въ Московскій университетъ“.

И. О. Тимковскій съ успѣхомъ исполнилъ возложенное на него попечителемъ порученіе, какъ это видно изъ приводимаго нами ниже письма директора училищъ въ области Войска Донскаго Попова. „По вашему начертанію отъ 25 минувшаго ноября“, писалъ Поповъ проф. Тимковскому, объявлялъ я желаніе Его Сіятельства графа Северина Осиповича и училищнаго комитета Императорскаго Харьковскаго университета 2-го класса гимназіи лучшимъ ученикамъ, и по приглашеніи ихъ къ тому требовалъ ихъ согласія объ испрошеніи у родителей отпращиванія въ Харьковъ для поступленія въ приготовительное отдѣленіе университета; они съ радостію къ тому приступили и родители, на лицо здѣсь состоящіе, поговоря со мною съ удовольствіемъ, соглашались, будучи чувствительны и благодарны къ толь благотворительнымъ для успѣшнѣйшаго улучшенія дѣтей ихъ средствамъ. Г. Картушинъ и Кондратовъ полагаютъ своихъ двухъ сыновъ справясь съ обстоятельствами немедленно по установившемуся зимнему пути отпавить. Г. Слѣсаревъ такимъ же образомъ, но только ожидаетъ его превосходительства Евмея Ивановича Черепова, который на слѣдующей недѣлѣ изъ Раздорской станицы сюда прибудетъ; я полагаю, что и онъ также удовлетворитъ охотно желанію своего сына. Къ г. Кузнецову я о семъ писалъ въ Семикаракорскую станицу и вмѣстѣ препроводилъ о томъ просьбу къ нему отъ обоихъ его сыновей; уповаю, что онъ въ томъ имъ не откажетъ. Хотя чрезъ выбытіе сихъ 6 лучшихъ учениковъ довольно оскудѣетъ 2-й классъ нашей гимназіи; но озирая на будущую успѣшнѣйшую пользу, производимую отличными членами университета подъ покровительствомъ любезнаго попечителя, сердечное ощущаю удовольствіе. Почему мнѣ теперь только остается васъ покорнѣйше просить объ увѣдомленіи: не можно ли ихъ будутъ для лучшаго за ними надзора и удобнѣйшаго хожденія въ классы на квартирѣ помѣстить при университетѣ такъ, какъ и я съ товарищами въ Москвѣ въ смежныхъ покояхъ съ казенными учениками и студентами находился? Если же сего не можно сдѣлать, то не сыщется ли для нихъ квартира по близости, и какъ полагаете—чего въ годъ будетъ тамъ стоить содержаніе каждаго изъ нихъ? Господинъ же Мелентьевъ, при изъявленіи своего удовольствія на сіе приглашеніе, открылся мнѣ, что онъ еще не расположился объ отпращиваніи туда своихъ дѣтей, подобное тому объявилъ мнѣ и сынъ Грекова, съ которымъ я не успѣлъ видѣться“¹⁾).

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1805 г., № 11.

Такія мѣры нужно было принимать тогда, чтобы привлекать студентов! Какъ это не похоже на нынѣшнее время! И не мало затрудненій было связано дѣйствительно съ опредѣленіемъ юношей въ университетъ: нужно было везти ихъ въ отдаленный городъ Харьковъ; неизвѣстно было, во что обойдется ихъ содержаніе; не знали, у кого помѣстить ихъ на квартиру и т. п. Все это заставляло родителей призадуматься, прежде чѣмъ отправить сыновей въ университетъ. Къ счастью мѣстное начальство въ лицѣ войскового атамана отнеслось доброжелательно къ дѣлу и въ концѣ концовъ Харьковскій университетъ приобрѣлъ себѣ такихъ слушателей изъ тихаго Дона, дѣды и отцы которыхъ не признавали никакихъ другихъ занятій кромѣ военнаго искусства. Впрочемъ почти въ такомъ же положеніи находилось и мѣстное харьковское дворянство, еще недавно ведшее безпрестанную упорную борьбу съ татарами и защищавшее Россію отъ ихъ неожиданныхъ набѣговъ. А Новороссія? А самый Крымъ, еще такъ недавно бывшій грозою для всей южной Руси? Вообще можно сказать, что почти весь Харьковскій учебный округъ представлялъ *новый край* въ смыслѣ правильной постановки учебнаго дѣла. Только теперь, съ учрежденіемъ университета, стали въ немъ быстро возникать гимназій, а на первыхъ порахъ, когда ихъ не было, университетъ съ трудомъ находилъ себѣ питомцевъ и долженъ былъ обращаться къ болѣе старымъ учебнымъ заведеніямъ—семинаріямъ.

Вскорѣ желающіе подвергнуться испытанію стали появляться и въ засѣданіяхъ съ 20 мая по 10 декабря ихъ проэкзаменовано было 41 чел. Главнымъ образомъ отъ нихъ требовались—знаніе русской грамматики, географіи, исторіи, а также началъ логики и метафизики; затѣмъ достаточныя свѣдѣнія они должны были обнаружить по латинскому и по одному изъ новыхъ языковъ (французскому или нѣмецкому). Изъ 41 чел. экзаменовавшихся зачислено было въ студенты 21 чел.; большею частью, это были ученики Харьковскаго главнаго народнаго училища. Попечитель округа, въ бытность свою въ Харьковѣ, предложилъ комитету учредить курсы для подготовки юношей къ поступленію въ университетъ. Преподавателями тамъ должны были быть, какъ мы знаемъ, оставшіеся безъ дѣла адъюнкты; а для класса отведена особая зала въ главномъ народномъ училищѣ. Ученики его обязаны были слушать разные предметы, но особенно упражняться въ языкахъ. Во исполненіе этого указа, классъ былъ организованъ и преподавателями его назначены—Лангъ по философіи и нѣмецкому языку, Совиньи—по французскому, Крюгеръ—по физикѣ, Шмерфельдъ по естественной исторіи. Вскорѣ однако онъ какъ мы знаемъ, былъ преобразованъ въ приготовительный классъ при

самоу университетѣ: лекторами здѣсь были — Лангъ, читавшій фило-софію, Барендтъ, преподававшій латинскій языкъ, Васильевъ — чистую математику, Гамперле — исторію и міѳологію, Совиньи — французскій языкъ, Шмерфельдъ — нѣмецкій и англійскій, Филипповичъ (а въ его отсутствіе Рейтъ) исторію и географію. Преподаваніе здѣсь велось до открытія университета. Слушатели были приняты въ студенты (казеннокоштные и своекоштные) молодые люди ¹⁾.

Университетъ, какъ мы знаемъ, былъ открытъ 17 января 1805 г., а чтеніе лекцій началось въ немъ съ 29 января. Кромѣ студентовъ, лекціи нѣкоторыхъ профессоровъ посѣщали еще съ разрѣшенія ректора и посто-ронніе слушатели. А кромѣ того были допущены къ слушанію нѣко-торыхъ предметовъ, по желанію преосвященнаго Харьковскаго Христо-фора Сулимы, и воспитанники Харьковскаго коллегіума. Въ письмѣ къ ректору отъ 27 августа, Преосвященный просилъ позволить пятидесяти студентамъ Харьковскаго коллегіума слушать въ университетѣ лекціи ботаники и физики, объясняя, что онъ получилъ на это разрѣшеніе отъ первенствующаго члена святѣйшаго синода. Университетъ, конечно, охотно согласился на это и разрѣшилъ семинаристамъ сверхъ того по-сѣщать еще лекціи по медицинской энциклопедіи, при чемъ препода-ваніе ботаники возложено было на адъюнкта Каретникова, а энцикло-педіи — на адъюнкта Ванноти. О томъ, какъ обрадовало гр. С. О. По-тоцкаго разрѣшеніе воспитанникамъ коллегіума посѣщать лекціи ме-дицины въ Харьковскомъ университетѣ, можно судить по слѣдующимъ его строкамъ, адресованнымъ къ ректору Рижскому: „имѣя всегда въ виду умноженіе студентовъ университета, пріятно для меня было усмо-стрѣть изъ письма вашего, что семинаристы получили наконецъ позво-леніе пользоваться университетскими лекціями и начали уже посѣщать ихъ. Извѣстно вамъ, съ какою трудностью сопряжено было это позво-леніе и потому должно стараться, чтобы не сдѣлать новыхъ какихъ либо затрудненій, могущихъ воспретить имъ посѣщать университетъ. Прошу васъ также употребить съ своей стороны всевозможныя мѣры и попеченія, чтобы этимъ семинаристамъ доставлены были всѣ удоб-ства для слушанія лекцій и чтобы они получали отъ того желаемую пользу“ ²⁾.

Въ 1805 г. питомцы коллегіума посѣщали въ числѣ 50 чел. лек-ціи ботаники, медицинской энциклопедіи и физики; первую они слу-шали у адъюнкта Каретникова, вторую у адъюнкта Ванноти ³⁾. Въ

¹⁾ Харьк. унив. арх. „Исторія дѣлъ“: ср. также 156—160 стр. настоящ. труда.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта 1805 г. № 11.

³⁾ Харьк. унив. архивъ. „Исторія дѣлъ“.

1814 г. одинъ воспитанникъ богословскаго класса коллегіума Назарьевъ выразилъ желаніе посѣщать университетскія лекціи по латинскому языку—и его желаніе, поддержанное просвѣщеннымъ ректоромъ коллегіума протоіереемъ А. Прокоповичемъ, было исполнено ¹⁾. Нѣсколько аналогическихъ случаевъ имѣло мѣсто и въ 1813 г. ²⁾.

Коллегіумское начальство смотрѣло серьезно на изученіе медицины его питомцами и установило даже для нихъ экзамены. Такъ въ 1806 г. они слушали лекціи хирургіи (у проф. Шумлянскаго) и энциклопедіи (у Ваняоти), и результаты произведеннаго имъ испытанія оказались таковы: съ хорошими успѣхами 7 чел., средними—6, слабыми—2, 6 чел. не присутствовали на экзаменѣ, по болѣзни, 9—по неизвѣстной причинѣ; по энциклопедіи экзамена не было, но прилежиѣ другихъ посѣщало лекціи 12 чел. Всѣхъ слушателей было 30 чел., а въ слѣдующемъ году 35; это были студенты философіи и богословіи. Являлась даже мысль о томъ, чтобы студенты коллегіума посѣщали лекціи и другихъ профессоровъ медицинскаго факультета, но дѣло это осуществлено не было на практикѣ ³⁾. Въ 1814 г. епископъ Харьковскій Аполлосъ спрашивалъ университетъ, не читаются ли въ немъ лекціи на греческомъ языкѣ и не могутъ ли посѣщать ихъ воспитанники коллегіума. Оказалось, что таковыхъ лекцій не было и онъ отказался отъ своего намѣренія ⁴⁾.

Желая узнать, какъ идетъ дѣло преподаванія въ приготовительномъ классѣ, совѣтъ рѣшилъ произвести въ немъ экзаменъ, который далъ положительные результаты, въ особенности по латинскому языку, естественной исторіи и математикѣ.

Съ своей стороны попечитель графъ С. О. Потоцкій старался доказать министру необходимость принятыхъ имъ мѣръ для привлеченія въ университетъ студентовъ. Вотъ отрывокъ изъ его письма, написаннаго вскорѣ послѣ открытія университета, на каковомъ, какъ мы знаемъ, онъ присутствовалъ лично.

„Стараясь какъ нынѣ, такъ и въ прежнее мое пребываніе узнать образъ мыслей здѣшнихъ дворянъ о воспитаніи дѣтей своихъ, нахожу

¹⁾ Вотъ текстъ письма, съ которымъ обратился по этому поводу въ университетъ А. Прокоповичъ: „подноситель сего студентъ богословія Назарьевъ желаетъ слушать въ Харьковскомъ Императорскомъ университетѣ преподаваемыя лекціи латинской словесности въ свободные отъ занятій своихъ по коллегіуму часы. Я, одобряя его намѣреніе и охоту, прошу васъ покорнѣйше ваше дать ему на то позволеніе“ (Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. 1814 г. № ⁸¹³/₄₀, стр. 385).

²⁾ Ibidem. Дѣло правл. 1813 г. № ⁷³⁸/₃₇, стр. 312—313.

³⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. 1807 г. № ²⁷³/₁₅.

⁴⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. 1814 г. № ⁸³⁹/₄₂.

я, что общее ихъ мнѣніе по сему предмету далеко еще отстоитъ отъ истинной цѣли. Не чувствуя благотворнаго вліянія наукъ или имѣя объ оныхъ весьма темное понятіе, не радѣли они о воспитаніи дѣтей своихъ, лишены будучи всѣхъ нужныхъ къ тому средствъ; они лучше соглашались не окончивши ученіе записать ихъ въ службу, оставя навсегда необразованными, нежели продолжать науки и усовершенствовать ихъ званія; они не могутъ рѣшиться дозволить дѣтямъ своимъ выше 14-ти лѣтъ возраста посѣщать гимназій, которыя впрочемъ не приведены еще въ желаемое состояніе. По сему ежели университетъ сохранилъ бы въ строгомъ смыслѣ всѣ правила, коими долженъ онъ руководствоваться въ приѣмѣ слушателей лекцій, то отъ сего могли бы произойти непріятныя послѣдствія: 1) онъ не имѣлъ бы нынѣ ни одного студента; 2) молодые люди, не пріобрѣтшіе достаточныхъ свѣдѣній для сего званія, принуждены были бы вступить въ службу, оставаясь на всегда необразованными, т. е. цѣлому поколѣнію оныхъ надлежало бы заградить путь къ просвѣщенію и, наконецъ, 3-е такое отдаленіе при первомъ шагѣ могло бы произвести во всемъ дворянствѣ совершенное отвращеніе отъ университета. Убѣждаясь сими важными причинами, нахожу я себя принужденнымъ, пока гимназій не будутъ приведены въ лучшее состояніе, учредить при ономъ приготовительный классъ, въ которомъ молодые люди, пріобрѣтая достаточныя познанія, будутъ снискивать способность къ слушанію лекцій высшихъ наукъ. Симъ способомъ надѣюсь я привлечь въ университетъ дворянство и современемъ достаточно онымъ умножить число его студентовъ (своекоштныхъ находится нынѣ 21 человекъ). Духовенство здѣшнее весьма расположено къ университету и особенно преосвященный: я изыскиваю всѣ возможные средства заслужить и усугубить такое благорасположеніе. Пользуясь онымъ предложилъ я ему, не находить ли онъ противнымъ, еслибъ семинаристы посѣщали медицинскія лекціи, до образованія же сего факультета, лекціи для сей науки приготовительныя, какъ то: физики, химіи и ботаники. Онъ призналъ сіе съ своей стороны не только полезнымъ, но сколько замѣтить можно было, предложеніе сіе принялъ съ признательностію. По мнѣнію его предприемлемыя мѣры къ образованію семинаристовъ не могутъ никакъ быть достаточны къ исполненію Высочайшаго указа для обученія ихъ медицинѣ, о чемъ и представлялъ уже Высокопреосвященному митрополиту; единое средство, какъ изъясняется онъ, для достиженія благотворительной сей цѣли Августѣйшаго Монарха, состоитъ въ томъ, чтобъ позволено имъ было пользоваться университетскими лекціями. Основываясь на семъ, намѣренъ онъ возобновить первое свое представленіе, присоединя къ тому и средства, могущія отвратить показанныя неудобства.

Ваше Сіятельство легко представить себѣ изволите, сколь таковое его предпріятіе меня обрадовало, которое и Вамъ, какъ истинному покровителю просвѣщенія, конечно, не менѣе будетъ пріятно.

Ежели Святѣйшій Синодъ въ исполненіи сего представленія найдетъ какое либо затрудненіе, я осмѣливаюсь надѣяться, что Ваше Сіятельство не оставите употребить въ семъ случаѣ Вашего ходатайства или довести оное до свѣденія Государя Императора: Его Величество, имѣя благотворныя намѣренія приготовляющимся въ священнослужители доставить нужныя познанія медицины, вѣроятно соизволитъ одобрить таковое представленіе¹⁾.

Въ дополненіе къ этому письму въ томъ же январѣ попечитель отъправилъ другое, въ которомъ снова отмѣчалъ слабый интересъ мѣстнаго дворянства къ высшему образованію и просилъ о награжденіи преосв. Сүлимы за его сочувствіе къ университету орденомъ св. Анны 1-й степени²⁾. Мы еще коснемся впослѣдствіи вопроса объ отношеніи дворянства къ университету, теперь же только замѣтимъ, что заявленіе Потоцкаго о холодности харьковскихъ дворянъ къ дѣлу высшаго образованія едва ли можетъ быть принято и во всякомъ случаѣ требуетъ ограниченія. Таковы были мѣры, принятыя на первыхъ порахъ начальствомъ для привлеченія студентовъ во вновь основанный университетъ. Представимъ теперь имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи статистическія данныя о числѣ молодыхъ людей, поступавшихъ въ Харьковскій университетъ за разные годы его существованія, и обратимъ вниманіе на ихъ сословное положеніе, образовательный цензъ, мѣсто рожденія и жительства и т. п.

Въ 1805 году, т. е. въ первый годъ существованія университета, было всего 57 студентовъ, въ томъ числѣ 33 казеннокоштныхъ и 24 своекоштныхъ. По сословіямъ они распредѣлялись такъ—28 лицъ духовнаго званія, 23 дворянскихъ дѣтей, 3 сыновей иностранцевъ, 2 разночинцевъ, (одинъ войсковой обыватель) и 1 купческаго званія; въ числѣ казеннокоштныхъ мы находимъ только 5 дворянъ, остальные—изъ духовнаго званія; въ числѣ своекоштныхъ изъ духовенства никого не было. По мѣсторожденію они распредѣляются такъ: 30 чел. изъ г. Харькова и слободскоукраинской (т. е. харьковской) губ., 15 чел. изъ курской губ., 5—воронежской, 2—полтавской, 1—екатеринославской, 1—херсонской, 1—гродненской, 1—изъ Венгріи, 1—изъ Германіи. Возрастъ ихъ колеблется между 16 и 34 годами (1—34-хъ лѣтъ, 2 по 31 г.), но преобладаютъ лица 18—20 лѣтъ. Изъ нихъ 15 воспи-

¹⁾ Архивъ Минист. Народ. Просв. Дѣло 1804 г. № 5520/133.

²⁾ Ibidem.

тивалось въ Харьковскомъ коллегіумѣ, 15 въ Курской семинаріи, 15 въ Харьк. главномъ народномъ училищѣ, 5 дома, 1—въ Кіевской духовной академіи, 1—въ Виленской академіи, 1—въ Пештскомъ университетѣ, 1—въ Фрейбургской гимназіи, 1—въ пансіонѣ при Екатерининскомъ училищѣ, 1—въ гимназии и при Московскомъ университетѣ, въ пансіонѣ. Предметы въ это время не были еще распредѣлены по факультетамъ, и каждый изъ вновь вступившихъ слушалъ нужныя ему лекціи на тѣхъ языкахъ, какіе ему были понятны (мы знаемъ, что профессора иностранцы вели преподаваніе на разныхъ языкахъ). Обо всѣхъ этихъ лицахъ было сказано ректоромъ, что они скромнаго, надежнаго, хорошаго и изряднаго поведенія и такихъ же успѣховъ. Изъ нихъ въ теченіе года выбылъ только 1 чел. (своекоштный студентъ изъ купцовъ) ¹⁾. Въ примѣчаніи мы помѣщаемъ фамиліи этихъ первыхъ студентовъ Харьковского университета ²⁾.

Что касается пригготовительнаго класса, то онъ былъ составленъ почти исключительно изъ учениковъ Харьковского главнаго народнаго училища. Сохранился списокъ учениковъ этого училища, предназначавшихся къ поступленію въ университетъ (съ собственноручною помѣткою В. Н. Каразина, принимавшаго живое участіе въ этомъ дѣлѣ); изъ 400 человекъ, обучавшихся въ этомъ училищѣ, въ него попало 40 чел. наиболѣе успѣвшихъ (въ томъ числѣ 10 казеннокоштныхъ). Почти всѣ они были обучены Закону Божію, русской грамматикѣ, краснорѣчію, французскому

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло канц. попечителя по архиву № 147, по картону № 9 (1805—1830 г.), стр. 4—7.

²⁾ Казеннокоштные 1) А. Щелкуновъ, А. Ильинскій, Г. Шрамковъ, П. Галкинъ, А. Каулицкій, М. Колмаковъ, П. Пузановъ, П. Волошиновъ, И. Мартиновъ, А. Золотаревъ, Д. Поповъ, П. Афанасьевъ, И. Рудневъ, А. Ефременковъ, Н. Архангельскій, И. Любачинскій, П. Любовскій, К. Сухаревъ, П. Иваницкій, Д. Борзенковъ, Т. Савдузь-Стурдза, И. Евстафьевъ, П. Стенурскій, П. Ольховскій, Г. Ольховскій, Д. Сизоновъ, Д. Бутовичъ, С. Малишевскій, Я. Громовъ, Г. Концевичъ, И. Лобайковъ, М. Сливинскій, С. Квятковскій; своекоштные—Н. Шидловскій, Д. Шидловскій, П. Шидловскій, Л. Добровольскій, А. Павловъ, И. Сошальскій, В. Комлишинскій, Г. Коваленко, Д. Силитесеръ, И. Хлоповъ, Г. Вольховскій, О. Сошальскій, Е. Татарчукъ, Н. Токаревъ, Н. Адалимовъ, В. Сурдинъ, Т. Любомировичъ, С. Романовскій, А. Пушкаревъ, П. Перекрестовъ-Осиповъ, В. Матіасъ, П. Стремоуховъ, А. Лангъ, А. Нахимовъ (*Ibidem*). Сверхъ того были польнослушатели, посѣщавшіе лекціи нѣкоторыхъ профессоровъ—учитель Харьковской гимназіи Сем. Туранскій, слушавшій математическія науки, бывшій учитель Харьковского главнаго народнаго училища Акимъ Назаровъ—математическія, физическія и русскую словесность, бывшій ученикъ Харьковского главнаго народнаго училища Мих. Куражскій—математическія, физическія и русскую словесность, чиновникъ присутственныхъ мѣстъ Петръ Прокоповичъ—физическія и русскую словесность (Харьк. унив. архивъ. Имянной списокъ студентовъ за 1805 годъ).

или нѣмецкому языку (а нѣкоторые обоимъ), ариѳметикѣ, геометріи, стереометріи, тригонометріи, практикѣ, геодезіи, архитектурѣ, физикѣ, механикѣ, исторіи, географіи и рисованію, а нѣкоторые фортификаціи, артиллеріи, полевому и долговременному укрѣпленію, механикѣ, алгебрѣ. Въ приготовительный классъ получено позволеніе вступить 37 чел., но поступили 31 чел.) ¹⁾. Большая часть ихъ обучалась въ Харьковскомъ главномъ народномъ училищѣ, нѣкоторые въ коллегіумѣ (изъ дворянъ), остальные дома или пансіонахъ (Харьковскомъ Гелейна, Полтавскомъ, Петербургскомъ); возрастъ ихъ колебался между 14—19 годами.

Въ 1806 году числилось 40 казеннокоштныхъ студентовъ (въ томъ числѣ 29 было на 2-мъ курсѣ и 11 на первомъ) и 39 своекоштныхъ, (въ томъ числѣ 17 на 2-мъ курсѣ и 22 на первомъ) ²⁾. Въ приготовительномъ классѣ въ этомъ году было 36 учащихся ³⁾.

¹⁾ Вотъ ихъ имена: С. Дмитріевъ, Е. Карповъ, В. Куколь-Яснопольскій, П. Куколь-Яснопольскій, К. Павловъ, І. Баласный, І. Шимановскій, Богуславскій, О. Фотіевъ, И. Масловъ, А. Марковичъ, Н. Куликовскій, И. Іонинъ, И. Ходовскій, С. Башинскій, М. Иваненко, С. Федоровъ, М. Констанскій, Н. Карповъ, С. Бахтинъ, А. Ласкевичъ, П. Стремоуховъ, О. Шидловскій, Д. Стойковичъ, Н. Іонъ, Н. Пономаревъ, К. Татаринцовъ, А. Райковичъ, В. Зарудный, И. Зурудный, И. Рудинскій (Ibidem). И тутъ были вольнослушатели — О. Чорба, Сосипатръ Шошинъ, Ив. Хлоповъ, Ник. Вѣлогрудовъ (малолѣтніе дворяне) Ильинскій (Харьк. унив. архивъ. Имянной списокъ студентовъ за 1805 годъ, прошенія ихъ см. въ дѣлѣ правленія 1805 г. № 22/2).

²⁾ Вотъ фамиліи казеннокоштныхъ студентовъ: Ант. Щелкуновъ, Ан. Ильинскій, Гр. Шрамковъ, П. Галинъ, Ан. Каплинскій, М. Колмаковъ, П. Пузановъ, Ив. Мартиновъ, Ал. Золотаревъ, Д. Поповъ, И. Афанасьевъ, Пв. Рудневъ, А. Ефремсиковъ, Н. Архангельскій, И. Любачинскій, П. Любовскій, К. Сухаревъ, П. Иванецкій, Дм. Борзенковъ, П. Евстафьевъ, П. Степурскій, Пр. Ольховскій, Е. Ольховскій, Д. Созоновъ, Д. Бутовичъ, С. Малышевскій, Гр. Концевичъ, Я. Громовъ, Т. Сандуль-Стурдза, М. Сливинскій, Ст. Квятковскій, Ив. Лобойковъ, С. Федоровъ, И. Масловъ, Гр. Македонскій, Д. Калиновскій, Е. Андrenковъ, М. Вѣтуховъ, А. Ваценковъ, Анд. Павловскій. *Своекоштные*: Н. Шидловскій, П. Шидловскій, Д. Шидловскій, Л. Добровольскій, А. Павловъ, Ив. Сошальскій, В. Комлишинскій, Г. Коваленко, Дм. Силистессеръ, И. Хлоповъ, Гр. Вольховскій, Ф. Сошальскій, Н. Токаревъ, А. Адалимовъ, В. Сурдинъ, С. Романовскій, Тр. Любомировичъ, Ал. Пушкаревъ, П. Перекрестовъ-Осиповъ, П. Волошиновъ, В. Матіасъ, П. Стремоуховъ, Ал. Лангъ, Ан. Нахимовъ, П. Татаринцовъ, Н. Іонъ, В. Зарудный, М. Констанскій, Н. Пономаревъ, Ив. Зарудный, Ст. Дмитріевъ, Н. Карповъ, И. Стремоуховъ, О. Фотіевъ, С. Бахтинъ, Ал. Шидловскій, Ал. Шидловскій, А. Расторгуевъ, П. Краевскій (послѣдніе 15 чел. поступили въ 1806 г.). (Харьк. унив. архивъ Дѣло Сов. 1806 г. № 65).

³⁾ Вотъ ихъ имена: Ст. Дмитріевъ, Е. Карповъ, В. Куколь-Яснопольскій, П. Куколь-Яснопольскій, К. Павловъ, І. Баласный, М. Шимановскій, Н. Богуславскій, О. Фотіевъ, И. Масловъ, Александръ Маркевичъ, Н. Куликовскій, И. Іонинъ, И. Ходовскій, Ст. Башинскій, М. Иваненко, С. Федоровъ, М. Констанскій, Н. Карповъ, С. Бахтинъ, П. Стремоуховъ, О. Шидловскій, Д. Стойковичъ, Н. Іонъ, Н. Пономаревъ, П. Татаринцовъ,

Вольнослушателей было 7 ¹⁾; вольнослушателей въ приготовительномъ классѣ 9 ²⁾.

Въ теченіе 1807 г. выбыло 9 казеннокоштныхъ и 12 своекоштныхъ и на ихъ мѣсто принято 8 казеннокоштныхъ (одинъ ученикъ екатеринославской семинаріи, 5 учениковъ бѣлгородской, одинъ изъ харьковской гимназіи и одинъ изъ своекоштныхъ студентовъ) и 6 своекоштныхъ. Въ 1808-мъ году изъ 39 казеннокоштныхъ студентовъ выбыло 20, а на мѣсто ихъ поступило 14 (бывшій учитель курскаго училища, бывшій студентъ пражскаго университета, сынъ профессора, двое окончившихъ екатеринославскую гимназію, 4—слободско-украинскую, 3—донскую, 2 изъ петербургскаго педагогическаго института); къ концу года осталось 33 чел. Изъ 26 своекоштныхъ студентовъ выбыло 13, а вновь поступило 15, такъ что къ концу года ихъ было 28 чел.

Обратимся теперь къ анализу имѣющагося въ нашемъ распоряженіи списка студентовъ за 1809 годъ. Всѣхъ слушателей значилось тогда 91 чел., въ томъ числѣ 53 казеннокоштныхъ и 38 своекоштныхъ; но иные уже пооканчивали курсъ, другіе ожидали должностей или даже уѣхали на таковыя; дѣйствительныхъ же студентовъ къ концу 1809 г. было 72 чел., которые по факультетамъ распредѣлялись такъ: на нравственно политическомъ отдѣленіи 9, физикоматематическомъ 16, медицинскомъ 2 и словесномъ 11; остальные 34 человека слушали первый общій курсъ и не избрали еще себѣ факультетовъ. Значитъ по числу студентовъ факультеты шли тогда въ такомъ порядкѣ: на первомъ мѣстѣ стоялъ физико-математическій, потомъ словесный, т. е. нынѣшній историко-филологическій, затѣмъ юридическій и на послѣднемъ—медицинскій. По сословіямъ студенты распадаются такъ: дворянъ и чиновниковъ 57, духовнаго званія 19, разночинцевъ (донскихъ казаковъ, помѣщичьихъ крестьянъ, отпущенныхъ на волю и т. п.) 12, остальные иностранцы. По мѣсту рожденія они дѣлились слѣдующимъ образомъ: на долю гор. Харькова и губерніи приходилось 34 чел., курской губ. 10, воронеж-

А. Райковичъ, В. Зарудный, И. Зарудный, И. Рудинскій, И. Индутный, А. Корнеліусъ, А. Корнеліусъ, Гр. Зарудный, И. Якименко, Гр. Захаржевскій (многіе изъ нихъ были произведены въ студенты) (*ibidem*).

¹⁾ Вотъ ихъ фамиліи: Туранскій, Назаровъ, Курижскій, Прокоповичъ, слушавшіе тѣже предметы, что и въ прошломъ году; Ст. Шидловскій, слушавшій математику, русскую, французскую и латинскую словесность, философію и физику; Александръ Корнеліусъ 1-й—россійскую словесность, математику, право и физику; Алекс. Корнеліусъ 2-й—россійскую словесность, право и физику (*ibidem*).

²⁾ Къ пяти прежнимъ теперь присоединились: А. Зальковский, М. Робушъ 1-й, М. Робушъ 2-й, В. Кувшинниковъ (*ibidem*).

ской губ. 10, войска-донскаго 10, полтавской 7, черниговской 4, кiev-ской 3, екатеринославской 3; затѣмъ могилевской, рязанской, мнискон, херсонской, Германіи, Венгріи, Богеміи по одному. По мѣсту воспитанія они распредѣляются такъ: больше всего дала харьковская гимназія (25 чел.), коллегіумъ (11 чел.), донская гимназія (10 чел.), домашняя подготовка (9), бѣлгородская семинарія (7), приготовительный классъ при университетѣ (7), харьковское главное народное училище (6), екатеринославская гимназія (4), воронежская семинарія (3), екатеринославская семинарія (2), затѣмъ по одному студенту доставили—пансіонъ Гелейва въ Харьковѣ, черниговская гимназія и семинарія, пражскій и вѣнскій университеты, педагогическіе институты въ Петербургѣ и Галле; нѣкоторые лица, получившія домашнюю подготовку, поступали въ вольнослушатели, а потомъ и въ настоящіе студенты ¹⁾. Въ примѣчаніи мы приводимъ фамиліи всѣхъ студентовъ 1809 г. ²⁾. Въ 1810 г., по словамъ кн. Долгорукаго, число студентовъ было 60 и на медицинскомъ факультетѣ только двое ³⁾. Но это не вѣрно: въ дѣйствительности ихъ было значительно больше.

Казеннокоштныхъ студентовъ въ началѣ 1810 г. было 45 чел.; изъ нихъ 1 умеръ, одинъ перешелъ въ разрядъ своекоштныхъ, два были уволены съ разрѣшенія высшаго начальства, 1 уволенъ временно впредь до излеченія, 2 исключены за нерадѣніе и худое поведеніе, 8 опредѣлено въ учителя, всего вышло 15, на мѣсто же ихъ въ томъ же

¹⁾ Харьк. ун-в. арх. Дѣло канц. попеч. 1805—1830 г. № 147/3, стр. 50—71.

²⁾ Н. Мартыновъ, Е. Ольховскій, Т. Сандуль-Стурдза, И. Лобойковъ, С. Федоровъ, А. Павловскій, О. Сорокинъ, М. Робушъ, О. Переверзевъ, І. Якубовскій, Т. Селявановъ, А. Спасскій, М. Спасскій, С. Колядинъ, А. Якобъ, К. Артемьевъ, С. Никифоровъ, Д. Адамовичъ, П. Одинецъ Заставскій, Т. Воскобойниковъ, П. Сорокинъ, А. Калининъ, З. Вѣнецкій, В. Кондратовъ, С. Гречавовскій, И. Рубашкинъ, К. Пробстъ, И. Даньковский, Е. Воробьевъ, В. Парпура, Г. Дзюбинъ, Д. Филипповъ, Н. Курбатовъ, И. Жадаповъ, И. Панченко, Д. Жуковъ, С. Сновалевъ, П. Ходовскій, А. Астрелинъ, Г. Пукалевскій, И. Поляковъ, М. Кучеровъ, Д. Дмитровъ, С. Чеботаревъ, П. Кондратовъ, Н. Терезинковъ, С. Башинскій, Д. Макѣвъ; своекоштные: А. Лангъ, П. Татаринъ, М. Константиискій, С. Дмитріевъ, Н. Кариовъ, П. Стремоуховъ, А. Шидловскій, А. Шидловскій, А. Расторгуентъ, С. Шидловскій, А. Ильинскій, А. Заньковский, В. Кушнинниковъ, И. Ходовскій, Д. Стойковичъ, Н. Куликовскій, Н. Маркъ, И. Дзюбинъ, П. Дегай, И. Прохоровичъ, А. Гевличъ, С. Искра, С. Воиновскій, П. Туранскій, О. Ольденборгеръ, Н. Лонгиновъ, С. Велячко, И. Стаховичъ, П. Лобачевскій, А. Касовскій, П. Бразоль, И. Волошинъ, А. Берклайскій, В. Татаревъ, А. Глинскій, К. Грумбахъ, П. Марковъ, П. Босмановъ. По другому списку впрочемъ дѣйствительныхъ студентовъ было только 61 чел. (35 казеннокоштныхъ и 26 своекоштныхъ)—Харьк. ун-в. архивъ. „Списокъ казенно и своекоштныхъ студентовъ Харьковскаго университета 1809 г.“.

³⁾ Чтенія Моск. общ. 1869 г., кн. 2-я, стр. 52.

году вновь принято окончившихъ слободско украинскую гимназію 5, воронежскую семинарію 1, уволенныхъ Святѣйшимъ синодомъ изъ духовнаго званія воспитанниковъ харьковскаго коллегіума 3, изъ петербургскаго педагогическаго института поступилъ 1, всего 10 чел., такъ что при концѣ года было казенныхъ студентовъ 40 (вмѣсто прежней цифры 45). Своекоштныхъ студентовъ въ концѣ 1809 г. было 27 душъ; изъ нихъ 6 поступило на государственную службу и одинъ—въ кандидаты педагоги (изъ нихъ окончившихъ курсъ было 4 чел.); въ теченіе года вновь поступило 22 чел.—одинъ перешелъ изъ Дерптскаго университета, 1 изъ казеннокоштныхъ, четверо поступило изъ семинарій и пансіоновъ и 16 изъ гимназій (слободско-украинской 10, екатеринославской 3, донской 2 и черниговской 1)—всего же своекоштныхъ было 42, а вмѣстѣ съ казеннокоштными въ концѣ 1810 г. 82 да сверхъ того 10 вольнослушателей. Въ теченіе 1811 г. изъ 40 казеннокоштныхъ студентовъ вышло 24 чел.: одинъ поступилъ въ медикохирургическую академію, одинъ перешелъ въ своекоштные, 8 произведено въ кандидаты (изъ нихъ три опредѣлены учителями гимназій, а 5 осталось въ званіи кандидатовъ при университетѣ), 12 поступило въ учителя (одинъ въ гимназію, остальные въ уѣздныя училища), 2 уволены для поступленія въ учителя въ землѣ войска Донскаго. Поступило вновь 15 чел.—одинъ изъ своекоштныхъ, одинъ изъ учителей, 9 изъ окончившихъ курсъ гимназій, 4 изъ семинарій; на лицо къ концу года было 31 чел. (сверхъ того на казенномъ содержаніи было двое такихъ, которые не были еще достаточно сильны въ латинскомъ языкѣ и потому не имѣли званія студентовъ). Изъ своекоштныхъ студентовъ вышло 18 чел., а принято вновь 29, на лицо было 55 чел. Всѣхъ-же студентовъ въ концѣ 1811 г. было 86 чел., которые по факультетамъ распредѣлялись такъ: на этикополитическомъ отдѣленіи 13, физико-математическомъ 12, врачебномъ 9, словесномъ 12, на общихъ курсахъ 41; сверхъ того на врачебномъ отдѣленіи было еще 8 чел., отчасти изъ другихъ факультетовъ, отчасти же изъ числа слушавшихъ общіе курсы. Вольнослушателей было 14 чел. Въ теченіе 1812 г. въ составѣ студентовъ произошли слѣдующія перемѣны: вышло казеннокоштныхъ 11 чел.—двое поступило въ кандидаты, двое были уволены, одинъ опредѣленъ былъ учителемъ гимназіи, а 6 въ уѣздныя училища; вновь поступило 50 чел.; всего казеннокоштныхъ студентовъ въ концѣ 1812 г. было 50 чел.; изъ 55 чел. своекоштныхъ студентовъ 6 получило кандидатскую степень, одинъ перешелъ въ казеннокоштные, пять вышли изъ университета для поступленія въ военную службу, три—въ штатскую (изъ нихъ двое не окончили курса), а двое умерло; всего вышло

17 чел., а принято 30 чел.; оставалось на лицо 68 чел. Всѣхъ же студентовъ было 118 чел., въ томъ числѣ на этикополитическомъ отдѣленіи 23, физико-математическомъ 14, врачебномъ 17, словесномъ 5, остальные слушали лекціи на общихъ курсахъ ¹⁾. Здѣсь, какъ мы видимъ, устанавливается уже иное отношеніе между отдѣленіями: по числу студентовъ на первомъ мѣстѣ стоитъ этикополитическій факультетъ, за тѣмъ врачебный, физико-математическій и наконецъ словесный. Объясняется это двумя главными причинами—разумными мѣрами, принятыми для поднятія медицинскаго факультета, и паденіемъ словеснаго факультета, благодаря смерти и выходу выдающихся его профессоровъ (Рижскаго, Умляуфа, Роммеля, Беленъ-де-Баллю).

И такъ, число студентовъ за изучаемый нами періодъ времени было таково: въ концѣ 1805 г. ихъ было 57 чел., (33 казеннокоштныхъ и 24 своекоштныхъ), въ концѣ 1807 г.—65 (39 и 26), 1808 г.—61 (33 и 28), 1809 г.—72 (45 и 27), 1810 г.—82 (40 и 42) и 10 вольнослушателей; въ 1811 г.—86 (31 и 55) въ 1812 г.—118 (50 и 68). Отсюда видно, что цифра студентовъ даже иногда падала и что ростъ ея вообще былъ крайне медленный и постепенный. Число казеннокоштныхъ было ограничено уставомъ и потому весь приростъ зависѣлъ въ сущности отъ увеличенія числа своекоштныхъ; оно же стало возрастать только съ 1810 г. и съ этого момента замѣтно увеличивается и общая цифра студентовъ.

Это обстоятельство сильно озабочивало какъ попечителя округа, такъ и университетъ и побуждало ихъ принимать разныя мѣры для устраненія этого прискорбнаго явленія.

Попечитель графъ Потоцкій въ письмѣ своемъ къ ректору Рижскому (отъ 22 октября 1805 г.) придаетъ чрезвычайно важное значеніе количеству студентовъ. Онъ съ удовольствіемъ узналъ о вступленіи въ университетъ четырехъ новыхъ питомцевъ и заявилъ при этомъ, что отъ числа учащихся въ университетѣ студентовъ зависѣла репутация этого послѣдняго ²⁾.

Нужны были разныя мѣры даже для пополненія комплекта казеннокоштныхъ студентовъ: просили губернаторовъ сосѣднихъ губерній публиковать во всеобщее свѣдѣніе объ отрывшихся вакансіяхъ и т. п. Институтъ казеннокоштныхъ студентовъ былъ болѣе устойчивый. Они давали обязательство оставаться въ университетѣ до окончанія курса и затѣмъ пробывать въ вѣдомствѣ его въ качествѣ учителей не менѣе

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. „Исторія дѣлъ“.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта 1805 г. № 24, стр. 190.

6 лѣтъ¹⁾. Съ такими же приглашеніями обращались директора училищъ къ ученикамъ семинарій и частнымъ лицамъ, получавшимъ образованіе въ пансіонахъ и дома²⁾. Но даже душевно расположенный къ университету Курскій архіепископъ Ѳеоктистъ сообщилъ, что безъ спеціального разрѣшенія высшаго духовнаго начальства воспитанникамъ семинаріи невозможно поступать въ студенты³⁾. Архіепископъ собственною властью могъ только отправить для поступленія въ Харьковскій университетъ 5 челов., которымъ раньше Синодъ разрѣшилъ вступить въ студенты, но которые были оставлены пока въ семинаріи для выслушанія тамъ философскаго курса⁴⁾. Въ 1806 г. правленіе для увеличенія числа казеннокоштныхъ студентовъ остановилось на слѣдующей мѣрѣ—оно предложило главному правленію училищъ разрѣшить принять сверхъ 40 человѣкъ, полагавшихся по штату, еще 12 человѣкъ и содержать ихъ на суммы, назначаемыя штатомъ для студентовъ кандидатовъ, которыхъ тогда еще не было. Главное правленіе училищъ нашло эту мѣру весьма полезной⁵⁾. Особенно бѣднѣ студентами былъ медицинскій факультетъ—можно сказать, что ихъ тамъ почти вовсе не было.

Проф. Шумляинскій въ 1806 г. предлагалъ ходатайствовать передъ всѣми архіереями харьковскаго учебнаго округа о присылкѣ изъ ввѣренныхъ имъ семинарій по двое семинаристовъ для опредѣленія на медицинскій факультетъ, съ тѣмъ чтобы эти 12 семинаристовъ по окончаніи курса не оставались бы въ теченіе 6 лѣтъ въ вѣдѣніи университета, какъ остальные казеннокоштные студенты, а были бы возвращены снова въ семинаріи для преподаванія тамъ медицины⁶⁾.

Попечитель округа гр. С. О. Потоцкій призналъ проэктированную проф. Шумляинскимъ мѣру недостаточной и съ своей стороны предложилъ другую, по его мнѣнію, болѣе дѣйствительную. „Я согласенъ, писалъ онъ, чтобы университетъ отнесся къ преосвященнымъ харьковскаго округа о присылкѣ учениковъ для слушанія преподаваемыхъ лекцій; но нужнымъ поставлю замѣтить, что какъ число сихъ студентовъ, полагая на каждую епархію по два, будетъ состоять только изъ 6 человѣкъ, то столь малое количество учениковъ недостаточно къ совершенному достиженію вышеозначенной цѣли. По мнѣнію моему полезнѣе было бы сдѣлать по сему случаю особенное объявленіе о при-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. 1807 г., № 255/15, стр. 107.

²⁾ Ib., стр. 112.

³⁾ Ib., стр. 109.

⁴⁾ Ibidem, стр. 147.

⁵⁾ Харьк. унив. Архивъ. Дѣло канц. Поп. 1805—1820 г., № 147/9, стр. 111.

⁶⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло канц. поп. 1806—1808 г., № 193/11, стр. 4—5.

нятіи въ университетъ 10 человѣкъ изъ способѣйшихъ студентовъ на казенное содержаніе съ тѣмъ только, чтобы они при вступленіи своемъ обязались оный не прежде оставлять, какъ по окончаніи наукъ; по прошествіи же сего времени освобождаются отъ всякихъ другихъ обязанностей“¹⁾. Предложеніе это вызываетъ два существенныхъ возраженія. Во 1-хъ, харьковскій учебный округъ состоялъ не изъ трехъ, а изъ большаго числа епархій и въ немъ было большее число семинарій. (Намъ извѣстны семинаріи въ Харьковѣ, Курскѣ, Воронежѣ, Екатеринославѣ, Черниговѣ и т. п.). Во 2-хъ, могло ли данное обязательство имѣть дѣйствительную силу и значеніе? Что было дѣлать въ томъ случаѣ, если бы такой казеннокоштный студентъ не успѣвалъ въ наукахъ вслѣдствіе слабыхъ способностей, нерадѣнія, лѣни, наконецъ, нежеланія учиться? Вѣдь по этимъ причинамъ само университетское начальство увольняло иногда и такихъ питомцевъ, которые не только должны были окончить курсъ въ университетѣ, но и пробыть въ его вѣдомствѣ послѣ этого 6 лѣтъ! Впрочемъ нужно сознаться, что уничтоженіе шестилѣтняго обязательства дѣйствительно могло привлечь охотниковъ къ этимъ, такъ сказать, казеннымъ стипендіямъ медицинскаго факультета, ибо въ то время, въ противоположность нашему, обязательство сильно стѣсняло и пугало молодежь.

Въ заботахъ о пополненіи числа студентовъ попечитель обратилъ вниманіе на прозвѣтъ проф. Стойковича, состоявшій въ томъ, чтобы приглашать въ казеннокоштные студенты молодыхъ людей изъ Сербіи, которые, по его мнѣнію, охотно откликнулись бы на этотъ призывъ²⁾. Было сдѣлано также нѣкоторое отступленіе отъ неукоснительно исполнявшихся прежде правилъ по отношенію къ лицамъ духовнаго званія—именно былъ принятъ въ студенты, безъ увольнительнаго свидѣтельства отъ Святѣйшаго Синода, окончившій новочеркасскую гимназію священнической сынъ Ив. Рубашкинъ, на основаніи донесенія директора училищъ, который сослался на Высочайшій указъ 1775 г., по которому въ области войска донскаго дѣти священно и церковнослужителей не принадлежали къ духовному сословію³⁾.

Въ сентябрѣ 1809 г. ректоръ Рижскій между прочимъ писалъ министру: „по окончаніи вакаціонныхъ дней, опять въ свое время начались университетскія лекціи. На мѣсто выбывшихъ вновь поступило 29 челов. студентовъ, въ томъ числѣ 19 на казенное содержаніе.“

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1807 г. № 24.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1808 г. № 23.

³⁾ Ibidem.

Изъ студентовъ, кои нынѣ должны были поступить на какой либо факультетъ, одинъ только казеннокоштный объявилъ было желаніе быть на медицинскомъ; но и тотъ, увидѣвъ, что нѣтъ ему въ томъ товарищей, записался въ другое отдѣленіе. А посему и профессора, и адъюнкты медицинскихъ наукъ теперь не имѣютъ никакихъ лекцій, исключая Дрейсига и Ванноти, которые студентамъ, имѣющимъ за главный предметъ естественную исторію, преподаютъ—первый антропологию, а другой часть оной исторіи по соглашенію съ г. Делявинымъ¹⁾. Для привлеченія студентовъ на медицинскій факультетъ, совѣтъ принялъ въ 1809 году двѣ извѣстныя уже намъ мѣры²⁾: предложеніе ректора Рижскаго, о разрѣшеніи поступать въ гимназію, а потомъ въ университетъ на медицинскій факультетъ солдатскимъ дѣтямъ и предложеніе проф. Якоба о разрѣшеніи принимать въ университетъ купеческихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ дѣтей. Было ли уважено впрочемъ это ходатайство, мы не знаемъ. Въ слѣдующемъ 1810 году совѣтъ сдѣлалъ слѣдующія постановленія: назначить на медицинскомъ факультетѣ 10 вакансій для казеннокоштныхъ студентовъ; освободить окончившихъ этотъ факультетъ отъ обязательства оставаться въ теченіе 6 лѣтъ въ вѣдомствѣ университета и предоставить имъ право вступленія на службу по врачебной части; вообще просить директоровъ гимназій рекомендовать болѣе способнымъ къ медицинѣ ученикамъ поступленіе на медицинскій факультетъ; принимать такихъ, которые прослушаютъ въ теченіе года общіе университетскіе курсы; устроить немедленно всѣ необходимыя учебно-вспомогательныя учрежденія (анатомическій театръ, кабинетъ, клиники), приобрести нужные инструменты и учебники (на русскомъ и латинскомъ языкѣ). Результаты этихъ радикальныхъ мѣръ для поддержанія факультета сказались немедленно: тотчасъ-же поступило въ студенты медики 15 чел., въ томъ числѣ—что очень характерно—8 своекоштныхъ и даже сверхъ того еще 1 вольнослушатель. Правильное чтеніе лекцій на медицинскомъ факультетѣ началось только съ этого времени. Гр. С. О. Потоцкій въ дѣлѣ о мѣрахъ къ поднятію медицинскаго факультета стоялъ не на раціональной почвѣ: исходя изъ того положенія, что на немъ было мало студентовъ, онъ не хотѣлъ, чтобы затрачивались средства на устройство необходимыхъ для него учебно-вспомогательныхъ учреждений; а между тѣмъ отсутствіе этихъ послѣднихъ и являлось главнымъ тормазомъ для правильной и успѣшной дѣятельности и вмѣстѣ съ тѣмъ для поступленія на него студентовъ. Кому

¹⁾ Ibidem, стр. 115—116;

²⁾ 269—270 стр. настоящаго труда.

охота была поступать на тогдашній медицинскій факультетъ, когда преподаваніе на немъ должно было носить по необходимости почти исключительно теоретическій характеръ и даже окончившіе полный курсъ принуждены были отправляться потомъ для практическихъ занятій въ медико-хирургическую академію? Такъ и въ 1807 г. въ отвѣтъ на просьбу университета пріобрѣсти для устройства клиники домъ архитектора Ярославскаго (за 6000 р.), попечитель заявилъ, что это не принесетъ ожидаемой пользы, ибо число дѣйствительныхъ студентовъ на медицинскомъ факультетѣ весьма незначительно, а воспитанники коллегіума едва-ли окажутъ желаемые успѣхи; устройство же клиническаго института потребуетъ значительныхъ расходовъ и потому, если университетъ во что бы то ни стало хочетъ завести клинику, то онъ будетъ ходатайствовать о приспособленіи для этой цѣли городского госпиталя, съ тѣмъ чтобы университетъ принялъ на себя часть расходовъ по содержанию больныхъ, чѣмъ будетъ облегчено и городское управленіе¹⁾. Въ 1810 г. возникъ, по поводу упраздненія медико-хирургической академіи въ Москвѣ, вопросъ о переводѣ въ Харьковскій университетъ на медицинскій факультетъ 60 ея студентовъ. Правленіе представило попечителю обстоятельныя данныя о затратахъ, потребныхъ на ихъ первоначальное обзаведеніе и содержаніе, и даже вступило въ соглашеніе съ однимъ лицомъ о наймѣ у него дома для помѣщенія этихъ казенно-коштныхъ питомцевъ. Но дѣло это почему не было приведено въ исполненіе и Харьковскій университетъ къ своему огорченію не получилъ этихъ воспитанниковъ²⁾.

Теперь пользуясь подлинными прошеніями разныхъ лицъ, мы остановимся подробнѣе на самомъ поступленіи ихъ въ университетъ. Мѣстное духовное начальство не всегда соглашалось увольнять съ этою цѣлью воспитанниковъ семинарій. Многое впрочемъ здѣсь зависѣло отъ личности преосвященныхъ. Харьковскій и курскій архіереи, какъ мы знаемъ, всячески содѣйствовали въ этомъ дѣлѣ университету; наоборотъ екатеринославскій былъ, очевидно, противъ. Онъ не позволялъ воспитанникамъ екатеринославской семинаріи переходить въ университетъ, какъ въ этомъ можно убѣдиться изъ прошенія трехъ студентовъ философіи: Луки Могущаго, Прокофія Гаркушевскаго и Андрея Глижинскаго. „Увольненія изъ нынѣшняго нашего званія, писали они, мы отъ начальниковъ нашихъ получить не можемъ, потому что это зависитъ отъ власти Святѣйшаго Правительствующаго Синода и хотя мы утруждали

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1807 г. № 24.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1810 г. № 23.

Его Высокопреосвященство Платона, но въ семъ разѣ не получили отъ него желаемаго успѣха, кромѣ строжайшаго отказа, клонящагося къ неотлучному нашему нахожденію въ семинаріи. Для чего покорнѣйше просимъ гг. членовъ правленія о единственномъ благодѣянніи—учинить благоразсмотрѣніе объ опредѣленіи насъ въ Императорскій Харьковскій университетъ, а объ увольненіи изъ здѣшней семинаріи прямо отъ себя ввести представленіе Святѣйшему Правительствующему Синоду, ибо мы сколько въ здѣшней семинаріи ни продолжаемъ ученія, не получаемъ заслуживаемаго воздаянія, кромѣ по занесеннымъ нынѣ отъ насъ прошеніямъ надѣемся невинно претерпѣть сугубое угнетеніе. По таковымъ обстоятельствамъ, ожидая нетерпѣливо получить отъ правленія всегдашнее покровительство, всенижайше просимъ, что по сему послѣдуетъ, не оставить насъ чрезъ директора училищъ милостивымъ извѣстіемъ (1807 г. 20 дек.)¹⁾. Положеніе этихъ молодыхъ людей было дѣйствительно очень печальное. Они откликнулись на обращенный черезъ директора училищъ въ семинарію призывъ, но это страшно вооружило противъ нихъ семинарское начальство, не смотря на то, что они, по наведеннымъ справкамъ, оказались хорошаго поведенія и успѣховъ. Оставаться имъ въ семинаріи не хотѣлось, но правленіе университета, рассмотрѣвъ ихъ прошеніе, объявило имъ, что безъ увольненія изъ духовнаго званія они не могутъ быть приняты въ студенты и объ этомъ увольненіи они должны хлопотать сами.

«Съ самаго начала прохожденія наукъ въ семинаріи, писалъ Глижинскій въ отдѣльномъ прошеніи, имѣлъ я склонность различными знаніями обогатить мой умъ и просвѣтить сердце и кромѣ латинскаго языка, исторіи, географіи, ариѳметики, поэзіи и начатковъ математики упражнялся я и успѣлъ соотвѣтственно моимъ силамъ и возрасту, во французскомъ языкѣ. Склонность сія съ возрастомъ дѣтъ моихъ чувствительно возрастаая, возросла нынѣ до крайней степени и я обѣялъ будучи непреодолимымъ къ тому стремленіемъ, желаю посвятить себя, сверхъ преподаваемыхъ въ сей семинаріи, инымъ родамъ наукъ и пользѣ соотечественниковъ моихъ. Но какъ рвеніе мое и любовь къ наукамъ доселѣ не могли быть удовольствованы и находили много препятствій къ достиженію желаемой цѣли, то нынѣ, сыскавъ благопріятный къ исполненію желанія моего случай, вслѣдствіе отношенія правленія Императорскаго Харьковскаго университета, объявленнаго здѣшнимъ гражданскимъ начальствомъ, осмѣливаюсь просить гг. членовъ его, дабы

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло правленія 1808 г., № 294/17, стр. 18.

они, по испытаніи моей способности, благоволили меня помѣстить въ число казенныхъ студентовъ на незанятую вакансію¹⁾.

Въ такомъ же положеніи очутился и 4-й воспитанникъ екатеринославской семинаріи Николай Голубовъ. Грустное и тяжелое впечатлѣніе производить его прошеніе — и невольно задаешь вопросъ, неужели думали, что лица, прямо заявлявшія объ отсутствіи у нихъ призванія къ духовному сану, могли быть полезными членами этого сословія. „Я просилъ, пишетъ онъ, Его Высокопреосвященство объ увольненіи меня изъ духовнаго званія какъ по молодости лѣтъ моихъ, такъ и разнымъ припадкамъ, не позволявшимъ мнѣ поступить въ духовное званіе, на что послѣдоваль мнѣ строжайшій отказъ. Имѣя же чрезмѣрное желаніе образовывать умъ свой высшими полезными знаніями и не находя себя способнымъ по вышеозначеннымъ причинамъ быть полезнымъ моимъ отечественникамъ въ духовномъ званіи, осмѣливаюсь просить покорнѣйше правленіе исходатайствовать мнѣ чрезъ высшее духовное начальство увольненіе изъ духовнаго званія для поступленія въ число казенныхъ студентовъ университета“ (27 дек. 1807 г.)²⁾. Такая же участь постигла и пятого просителя—студента богословія Спир. Росинскаго. Онъ также не считалъ себя способнымъ къ духовному званію, ссылаясь между прочимъ на хроническую болѣзнь (кровотеченіе изъ носу), о чемъ представилъ медицинское свидѣтельство; за тѣмъ, желая подготовиться къ слушанію университетскихъ лекцій, посѣщаль уроки математики и физики въ гимназій—но все было тщетно: Высокопреосвященный *не принялъ* его прошенія и *приказалъ не допускать къ нему никого съ подобными просьбами*³⁾.

Совѣмъ иное было отношеніе къ этому дѣлу со стороны военнаго начальства—донского атамана генераль-лейтенанта Платова: онъ не только не препятствовалъ, а, наоборотъ, содѣйствовалъ поступленію въ университетъ молодыхъ людей, окончившихъ донскую гимназію, хотя ихъ также нужно было исключать изъ воинскаго званія. Вотъ что писалъ онъ директору училищъ Донской области Попову. „Усмотрѣвъ изъ рапорта вашего, что изъ выпущенныхъ изъ гимназій учениковъ *урядники*—Кондратовъ, Рубашкинъ и Греченовскій для усовершенствованія своего въ высшихъ наукахъ приняты по испытанію въ приобрѣтенномъ ими знаніи студентами въ Императорскій Харьковскій университетъ, и крайне доволенъ, что наши донскіе изъ усердія своего приобрѣтають добрыми науками не только помѣщеніе въ высшемъ мѣстѣ, но даже и

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло правленія 1807 г., № 255/13, стр. 175.

²⁾ Ibidem, стр. 19.

³⁾ Ibidem, стр. 26.

особливое отъ ректора и членовъ университета обращаютъ на себя вниманіе казеннымъ содержаніемъ и ношеніемъ безъ перемѣны своего донскаго войска положеннаго мундира. Произведенные плоды ученія въ училищахъ войска я увѣренъ отъ особливаго вашего попеченія въ исполненіи порученной вамъ довѣренности, которая поставлеть меня въ обязанность привести вамъ мою благодарность за содѣйствіе; надѣюсь, что отъ заботливости вашей и впередъ будутъ происходить въ наукахъ хорошіе успѣхи на общую донского сословія пользу. Ученики вмѣстѣ съ родителями своими въ просвѣщеніи ума ихъ науками принесутъ вамъ благодарности“ ¹⁾. Екатеринославскій преосвященный и донской атаманъ находились приблизительно въ одинаковыхъ условіяхъ относительно поступленія находившихся въ ихъ вѣдомствѣ молодыхъ людей въ Харьковскій университетъ—и между тѣмъ отнеслись къ этому дѣлу диаметрально противоположно. Едва ли нужно прибавлять, что правъ былъ представитель военнаго сословія. Впрочемъ мы знаемъ, что архіереи Харьковской и курской епархіи (Христофоръ Сулима и Θεоктистъ Мочульскій) дѣйствовали совсѣмъ иначе.

Но нужно вообще сказать, что духовное начальство неохотно увольняло учащуюся молодежь изъ своего вѣдомства. Былъ такой случай. Въ казеннокоштные студенты правленіе приняло бывшаго пѣвчаго при русской церкви въ Венгріи Порфирія Басманова, основываясь на увольненіи его изъ духовнаго званія, утвержденномъ Святѣйшимъ Синодомъ. Между тѣмъ отъ мѣстнаго преосвященнаго послѣдовалъ запросъ, какъ могли Басманова принять въ университетъ, когда ему предоставлено мѣсто священника при Троицкой церкви въ г. Харьковѣ. Возникла переписка, изъ которой выяснилось, что Басмановъ самъ просилъ о назначеніи ему хорошаго священническаго мѣста въ одномъ изъ харьковскихъ приходовъ, но указаннаго ему не захотѣлъ принять, какъ недостаточно выгоднаго; сверхъ того онъ сослался и еще на одну причину, именно на свою болѣзнь. Правленіе рѣшило, дабы не подвергнуться замѣчанію со стороны высшаго начальства, разъяснить ему все это и указать, что Басмановъ скрылъ отъ него свое ходатайство о доставленіи священнической должности ²⁾.

Значительныя затрудненія приходилось также преодолевать и лицамъ купеческаго и мѣщанскаго сословія, желавшимъ поступить въ университетъ. Для этого требовалось предварительное исключеніе изъ

¹⁾ Ibidem, стр. 202.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1810 г., январь—апрѣль; засѣданіе 24 января.

податнаго состоянія, чего достигъ было не всегда возможно. Попечитель округа гр. С. О. Потоцкій, основываясь на представленіи бывшаго ректора Стойковича, вошелъ съ ходатайствомъ въ главное правленіе училищъ о безпрепятственномъ приѣмѣ въ студенты купеческихъ дѣтей и сослался на указъ Правительствующаго Сената 1798 года (30 іюля); но получилъ отказъ и совѣтъ руководствоваться въ этомъ дѣлѣ существующими Высочайшими повелѣніями ¹⁾. Изъ дѣла о поступленіи въ студенты бывшаго казеннокоштнаго воспитанника харьковской гимназіи Крицына, принадлежавшаго къ мѣщанскому обществу г. Севастополя, оказывается, что самъ университетъ принималъ на себя подчасъ хлопоты объ исключеніи изъ податнаго званія лицъ мѣщанскаго происхожденія. Тоже самое мы видимъ и при поступленіи въ студенты сына харьковскаго 3-й гильдіи купца Ивана Спасскаго. Легендарныхъ подробностей объ этомъ самомъ Иванѣ Спасскомъ мы уже касались ниже (4-е прим. на 80—81 стр. настоящего труда). Теперь намъ удалось найти подлинное ходатайство передъ попечителемъ за Спасскаго правленія университета. Вотъ его текстъ. „Харьковскаго 3-й гильдіи купца Тимофея Спасскаго сынъ Иванъ Спасскій, окончившій курсъ гимназическихъ наукъ въ харьковской гимназіи, въ прошеніи, поданномъ въ университетъ, объявилъ желаніе поступить въ студенты университета для усовершенствованія себя въ наукахъ, представляя свидѣтельство, данное ему отъ харьковскаго купеческаго общества въ томъ, что сей Иванъ Спасскій не записанъ еще въ ревизію и ни въ какомъ окладѣ не состоитъ и что оное общество навсегда его увольняетъ для вступленія въ университетъ. Правленіе, разсмотрѣвъ просьбу его Спасскаго, также свидѣтельство харьковскаго общества и аттестатъ, данный ему изъ гимназіи, свидѣтельствующій объ успѣхахъ его въ наукахъ и поведеніи, и разсуждая, что онъ, по окончаніи наукъ въ университетѣ можетъ современемъ принести большую пользу отечеству, нежели находясь въ званіи купеческомъ, обязанностію поставляетъ представить о семъ на благоусмотрѣніе Вашему Сіятельству и просить, не благоугодно ли будетъ войти, куда слѣдуетъ, съ представленіемъ объ исключеніи его Спасскаго вовсе изъ купеческаго званія для поступленія въ число своекоштныхъ студентовъ университета, принявъ во уваженіе и то обстоятельство, что при открытіи сего университета отецъ его Спасскаго чрезъ нынѣ просящагося въ студенты сына своего сдѣлалъ первый пожертвованіе деньгами въ его пользу (1807 г.)“ ²⁾. Виредъ до привятія

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1803 г., сентябрь—декабрь; засѣданіе 10 сентября.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло канц. попеч. 1805—1830 г. № 147/2, стр. 117.

Спасскаго въ студенты ему позволено было быть вольнослушателемъ. Спасскій дѣйствительно, какъ мы знаемъ уже (стр. 89), внесъ пожертвованіе въ размѣрѣ 500 р. Попечитель отнесся къ этому ходатайству отрицательно. „Изъ прописанныхъ университетомъ обстоятельствъ онъ не усматривалъ совершенно основательныхъ причинъ къ исходатайствованію Спасскому просимаго увольненія, ибо вступленіе его въ университетъ не можетъ служить достаточнымъ поводомъ къ ходатайству за него у начальства, тѣмъ болѣе, что въ такомъ случаѣ многіе изъ молодыхъ людей купческаго или мѣщанскаго званій охотно бы поступили: въ университетъ, дабы по прошествіи нѣкотораго времени воспользоваться сею выгодною; къ тому же купческое званіе нисколько не препятствуетъ ему продолжать въ университетѣ науки по его желанію и если университетъ находитъ въ немъ отличныя способности, могущія сдѣлать его впослѣдствіи полезнымъ отечеству, то онъ не прежде можетъ рѣшиться приступить къ исходатайствованію ему увольненія изъ настоящаго званія, какъ по полученіи точнаго удостовѣренія въ согласіи его по окончаніи наукъ въ университетѣ продолжать службу по учебной части.“ Спасскій вмѣстѣ со своимъ отцомъ охотно далъ требуемое обязательство, но подъ условіемъ зачислить его въ такомъ случаѣ въ казеннокоштные студенты (ибо подобныя обязательства давали только эти послѣдніе). Правленіе отпирало это обязательство къ попечителю и указало при этомъ, что во время пребыванія своего въ качествѣ вольнослушателя въ университетѣ, Спасскій обнаружилъ на экзаменѣ превосходные успѣхи (по русской и французской словесности, исторіи и статистикѣ рос. гос.) и добропорядочное поведеніе. Попечитель далъ на это слѣдующій отвѣтъ такъ какъ указомъ правительствующаго сената отъ 13 іюня не велѣно входить съ представленіями объ утвержденіи въ статской службѣ никого изъ состоящихъ въ подушномъ окладѣ, до имѣющаго послѣдовать по сему предмету особаго постановленія, то основываясь на этомъ я и теперь не могу приступить къ исходатайствованію купческому сыну Ив. Спасскому увольненія изъ его званія. Впрочемъ еслибы впослѣдствіи времени открылся къ этому удобный случай, то я не оставлю согласно съ представленіемъ университета сдѣлать зависящее отъ меня распоряженіе“¹⁾. Очевидно, и у правительства, и у самого Потоцкаго существовало нѣкоторое предубѣжденіе противъ поступленія молодыхъ людей изъ податныхъ классовъ въ университетъ.

Относительно студентовъ податныхъ состояній изданъ былъ 10 ноября 1810 года Высочайшій указъ слѣдующаго содержанія. „Учрежде-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. 1809 г. № 381/21, стр. 242—265.

ніемъ въ имперіи нашей университетовъ желали мы доставить способы подданнымъ всѣхъ состояній почерпнуть въ нихъ познанія въ высшей степени. Симъ открыли мы поприще для усовершенія талантовъ отличныхъ; но однимъ вступленіемъ въ университеты мы не имѣли въ намѣреніи освободить состоянія, въ окладѣ положенныя, отъ общей имъ повинности, ибо сіе вступленіе не представляетъ еще отечеству члена, образованнаго по намѣренію нашему. По сему уваженію и въ разрѣшеніе недоумѣній, возникшихъ между начальствами, повелѣваемъ студентовъ, поступающихъ въ университетъ изъ состояній въ окладѣ положенныхъ и кои бы пожелали посвятить себя ученому званію или же военной и гражданской службѣ, исключать изъ оклада не прежде, какъ по окончаніи ими полнаго курса ученія въ университетахъ, о чемъ начальство учебное согласно изъявленному отъ нихъ желанію всякій разъ имѣть представлять правительствующему сенату". Эта мѣра представляла шагъ назадъ въ смыслѣ доступности университетскаго образованія для тяглыхъ сословій: прежде всякій, вступавшій въ студенты, этимъ самымъ исключался изъ податнаго званія, теперь это исключеніе откладывалось до окончанія имъ университетскаго курса и студентъ изъ податныхъ классовъ не былъ равноправенъ со студентами изъ дворянскаго сословія. И правленіе университета, получивъ этотъ указъ, обратилось къ министру народнаго просвѣщенія съ просьбою сдѣлать разъясненіе, какъ смотрѣть на такихъ молодыхъ людей. Всѣмъ студентамъ, при вступленіи въ университетъ, давали по уставу шпаги, которыя могли носить по существующему обычаю только одни дворяне; между тѣмъ студенты изъ податныхъ классовъ числились еще въ рядахъ этихъ послѣднихъ; поэтому правленіе спрашивало, можно ли ихъ называть дѣйствительными студентами ¹⁾. Министръ на это отвѣтилъ, что молодыхъ людей изъ податныхъ сословій слѣдуетъ принимать не въ студенты, а вольные слушатели, шпагъ имъ не носить и на казенное содержаніе не принимать ²⁾. Очевидно, министръ въ своемъ толкованіи указа пошелъ дальше, чѣмъ хотѣлъ законодатель. Законодатель именовалъ такихъ лицъ все таки студентами, а не вольнослушателями и не лишалъ ихъ права носить шпагу; это серьезное ограниченіе правъ студентовъ изъ податныхъ состояній было введено министромъ и едва ли даже соотвѣтствовало духу новаго закона. Этотъ послѣдній имѣлъ своею цѣлью урегулировать дѣло, прекратить споры и несогласія, возникавшія между разными вѣдомствами по поводу увольненія молодыхъ людей, вступавшихъ въ университетъ

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1811 г. сент.—дек.; засѣданіе 7 декабря.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1812 г. янв.—апр.; засѣданіе 18 января.

изъ ихъ обществъ; министръ же прямо преграждалъ доступъ въ университетъ податнымъ классамъ, чего не хотѣлъ законодатель. И для поступленія въ студенты учителей духовныхъ училищъ требовался указъ Святѣйшаго Синода объ увольненіи ихъ изъ духовнаго сословія.

Обращаемся теперь къ характеристикѣ образовательнаго ценза молодыхъ людей, поступавшихъ въ университетъ. Чтобы дать понятіе о той подготовкѣ, которую получали въ то время гимназисты, приведемъ содержаніе одного изъ тогдашнихъ гимназическихъ аттестатовъ зрѣлости. По силѣ Высочайше утвержденнаго устава учебныхъ заведеній дано сіе свидѣтельство ученику гимназіи Войска Донскаго города Черкаска казачьему сыну Степану Гречановскому, что онъ, поступивъ въ нее изъ бывшаго Донскаго главнаго училища 11 іюля 1805 г., обучался въ ней наукамъ: чистой и прикладной математикѣ, физикѣ, географіи, всеобщей исторіи, древностямъ, мифологіи, общей и россійской статистикѣ, россійской грамматикѣ, риторикѣ и философіи, правамъ естественному и народному, политической экономіи, естественной исторіи, сельскому и лѣсному хозяйствамъ, технологіи, коммерціи, рисовальному искусству, языкамъ: латинскому, нѣмецкому и французскому съ довольнымъ прилежаніемъ, въ продолженіе ученія получалъ на экзаменѣ публичныя награжденія, изъ 2-го и 4-го классовъ гимназіи за благонравіе и прилежаніе въ рисованіи два эстампа, поступалъ благопристойно; нынѣ же по совершеніи имъ теченія наукъ во всѣхъ 4-хъ классахъ съ симъ уволенъ въ торжественномъ собраніи за подписаніемъ директора и учителей и съ приложеніемъ печати гимназіи въ Черкасскѣ 27 іюня 1808 г.¹⁾

Какъ мы видимъ отсюда, программы тогдашнихъ гимназій, преобразованныхъ по большей части изъ главныхъ народныхъ училищъ, были чрезвычайно обширны, обнимали и такіе предметы, которые въ настоящее время входятъ только въ университетскіе курсы. Что касается лицъ, вступавшихъ въ студенты изъ пансіоновъ или по домашнему образованію, то они обыкновенно были хорошо подготовлены по новымъ языкамъ, но за то гораздо слабѣе по предметамъ и латинскому языку.

Розаліонъ-Сошальскій сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о хорошей подготовкѣ въ новыхъ языкахъ тогдашнихъ молодыхъ дворянъ; въ пансіонѣ же Фотіева, гдѣ учились его братья, преподавался и ла-

¹⁾ Въ аттестатѣ, выданномъ ученику Харьковской гимназіи, значатся слѣдующіе предметы: математика, физика, исторія, географія, статистика, рус. словесность, ест. ист., технологія, коммерціи, фортификація, артиллерія, латинскій и французскій яз. Харьк. унив. арх. Дѣло прав. ^{381/21.}

тинскій языкъ: „старшіе мои два брата, пишетъ онъ, Иванъ и Федоръ Сошальскіе получили высшее по тому времени образованіе. Сначала они были въ единственномъ тогда пансіонѣ протоіерея Фотіева (при мнѣ, прибавляетъ въ примѣчаніи авторъ, существовалъ пансіонъ Гелейна, не далеко отъ церкви Св. Димитрія; можетъ быть, онъ былъ и въ одно время съ первымъ, но не помню, чтобы изъ него поступилъ кто въ число первыхъ студентовъ ¹⁾), въ собственномъ домѣ близъ церкви Вознесенія; самъ о. Василій преподавалъ словесность и, кажется, еще логику и метафизику въ гимназій. Потомъ они поступили въ университетъ при самомъ его учрежденіи. Относительно ихъ образованія, одно знаю хорошо, что братья мои вышли изъ пансіона съ полнымъ знаніемъ латинскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ; на послѣднихъ двухъ говорили отлично. Знаніе языковъ для студентовъ было тогда почти необходимо, потому что нѣкоторыя науки преподавались профессорами иностранцами на латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Такъ адъюнктъ, позже профессоръ Гизе читалъ химию, можетъ быть, на латинскомъ, но знаю, что съ любимымъ ученикомъ своимъ, братомъ моимъ Федоромъ говорилъ всегда, а также на опытахъ объяснялся на нѣмецкомъ, братъ тоже очень былъ привязанъ къ преподавателю; его даже дразнили Гизомъ, а братъ Иванъ былъ въ полномъ смыслѣ лингвистъ. Въ университетѣ выучился онъ еще англійскому и итальянскому языкамъ, на которыхъ бѣгло говорилъ, и старо-греческому, на которомъ читалъ и понималъ Гомера, Платона, Фукидида и др. Со 2-го года, если не раньше, сталъ онъ секретаремъ или помощникомъ бібліотекаря университета, бібліотекаремъ былъ кто то изъ адъюнктовъ иностранцевъ ²⁾.“ Такимъ же полиглотомъ былъ и Нахимовъ. Среди тогдашнихъ студентовъ, въ особенности семинаристовъ, высоко стояло также и знаніе латинскаго языка: семинаристы получали хорошую подготовку по этому предмету въ своихъ училищахъ; изучали этотъ языкъ и ученики гимназій, доставлявшихъ въ послѣдствіи наибольшее значительный контингентъ студентовъ; не преподавался онъ только въ главныхъ народныхъ училищахъ и это служило единственнымъ препятствіемъ для поступленія въ университетъ питомцевъ этихъ учебныхъ заведеній. Студенты писали нерѣдко полатынныя сочиненія, прошенія и т. п. Въ видѣ образца можемъ привести заявленіе на ла-

¹⁾ Въ дѣйствительности, какъ мы видѣли, кое кто поступилъ.

²⁾ Харьк. Губ. Вѣд. 1869 г., № 43.

тинскомъ языкѣ студента Пузанова, исполнявшаго должность лица при совѣтѣ ¹⁾).

Ощущая постоянный недостатокъ въ студентахъ, университетъ, естественно, долженъ былъ подѣ часъ снисходительно относиться къ пробѣламъ въ познаніяхъ молодыхъ людей, желавшихъ продолжать въ немъ свое ученіе. Такъ, напримѣръ, въ 1813 г. выразило желаніе поступить въ Харьковскій университетъ двое воспитанниковъ Таганрогской коммерческой гимназіи, гдѣ повидимому не преподавался латинскій языкъ, такъ что они старались нѣсколько ознакомиться съ нимъ въ самое послѣднее время. Директоръ училища Ад. Манне ходатайствовалъ за нихъ и указывалъ между прочимъ на то обстоятельство, что они „первые изъ Таганрога рѣшились посвятить себя наукамъ и что принятіе ихъ будетъ служить непремѣннымъ поощреніемъ для другихъ“. Одинъ изъ нихъ хотѣлъ вступить въ число своекоштныхъ, другой (сирота) въ казеннокоштные студенты. Имъ произведено было испытаніе, подтвердившее почти полное незнаніе ими латинскаго языка, — и тѣмъ не менѣе они были приняты на первыхъ порахъ вольнослушателями, съ тѣмъ чтобы подготовились полатыни и вступили въ дѣйствительные студенты, ибо безъ этого они не могли бы понимать преподаваемыхъ на этомъ языкѣ лекцій ²⁾).

Въ 1808 г. подаль прошеніе о зачисленіи его въ студенты извѣстный намъ Павелъ Дегай — и оказывается, что онъ дома изучалъ только французскій, нѣмецкій и русскій языкъ, ариѣметику, геометрію, исторію и географію (ему неизвѣстенъ былъ даже повидимому и латинскій языкъ). И тѣмъ не менѣе его подвергли вступительному экзамену (профессора Стойковичъ и Беленъ-де-Баллю) и приняли въ университетъ ³⁾.

Алексѣй и Александръ Шидловскіе, получивъ домашнее образованіе, держали вступительный экзаменъ по русскому, французскому, нѣмецкому и латинскому языкамъ, ариѣметикѣ, исторіи и географіи и хотя по латыни отвѣчали неудовлетворительно, но были приняты въ число

¹⁾ Magnifice rector vosque viri clarissimi! (писалъ онъ совѣту). Juxta decretum Senatus Acad. fungor apud eundem Senatum munere scribae a 17 die januarii 1805 ad hoc usque tempus, sed nunc desiderans applicare me ad plures audiendas in universitate lectiones et ad legendos auctores invenio, haud posse me fungi ulterius dicto munere; ideoque quaeso amplissimum Senatum Acad. velit, quo de 15 die hujus septembris liber sim a laudato munere scribae apud Senatum Acad. accipiamque legale testimonium. 1807 sept. 6 die Caesareae Universitatis studiosus Petrus Pusanow. (Харьк. универ. архивъ. Дѣло сов. 1807 г. № 61, стр. 31).

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. 1813 г. № 738/37.

³⁾ Ibidem, стр. 137.

студентовъ. Чтобы дать наглядное понятіе о ихъ подготовкѣ по русскому языку, приводимъ въ примѣчаніи цѣликомъ написанное однимъ изъ нихъ на вступительномъ экзаменѣ сочиненіе на тему— „не принимай ничего выше своихъ силъ“ ¹⁾.

Въ исключительномъ положеніи находились иностранцы, поступившіе въ студенты Харьковскаго университета. Таковъ былъ, на примѣръ, Карлъ Пробстъ. Онъ слушалъ лекціи въ Пражскомъ университетѣ, затѣмъ преподавалъ нѣмецкій языкъ въ Домбровицкомъ училищѣ въ Волынской губерніи и наконецъ рѣшился поступить для окончанія образованія въ казенно-коштные студенты Харьковскаго университета ²⁾. Очень хороша была подготовка воспитанниковъ Харьковскаго коллегіума. Извѣстно, какъ высоко стояло тамъ преподаваніе, какъ широка была его программа, какъ хорошо изучали тамъ даже математику и новые языки. Тоже самое отчасти нужно сказать и относительно питомцевъ Бѣлгородской семинаріи. Неудивительно, что изъ молодыхъ людей, поступившихъ въ университетъ изъ коллегіума и семинарій, вышли потомъ выдающіеся студенты. О пяти воспитанникахъ коллегіума ректоръ его, извѣстный Прокоповичъ, далъ слѣдующіе отзывы: Македонскій— „памяти острой, прилеженъ, успѣха изряднаго, кротокъ; Калиновскій—понятія и успѣха изряднаго и благонравенъ; Андренковъ—остръ, памятливъ, кротокъ; Ветуховъ—очень изрядныхъ дарованій, успѣховъ и нравовъ; Ваценковъ—изрядныхъ дарованій, успѣваетъ не худо, ведетъ себя честно; кромѣ обычныхъ предметовъ они обучались еще ариѳметикѣ, а также частію французскому, частію нѣмецкому языку ³⁾.

¹⁾ „Раскроемъ мрачную завѣсу древности и воззримъ на Милона Кротонскаго, славнаго силача, который хотя и будучи довольно старъ, но при всемъ томъ, надѣясь еще очень много на свои силы, предпринялъ разломать дерево, которое одинъ дровосѣкъ началъ раскалывать клинъямъ. Силы сего славнаго силача, истощенныя рукою старости, не могли исполнить его предпріятіе. Отъ всѣхъ усилій, которыя употребилъ онъ для исполненія своего намѣренія, клинъи выскочили и упали, обѣ части соединились и руки несчастнаго Милона остались въ разщелинахъ сего дерева. Сколько ни старался онъ освободить отъ сего постыднаго несчастія, но все то было тщетно и онъ въ ту же самую ночь растерзанъ былъ львомъ.

Примѣръ сего славнаго силача ясно показываетъ намъ сколько постыдно и даже опасно есть предпринимать то, что превосходить силы наши какъ въ тѣлесныхъ, такъ и въ умственныхъ предметахъ. При тѣлесныхъ усиліяхъ мы рискуемъ здоровьемъ и жизнію, а въ умственныхъ повергаемъ его подъ тяжкое бремя, которое очень скоро сокрушить его. (Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. 1806 г. № ¹²¹/₈, стр. 38). Другой братъ ограничился общими и, нужно сознаться, весьма нескладными разсужденіями и вообще написалъ болѣе слабое сочиненіе (Ibidem стр. 37).

²⁾ Ibidem стр. 185—189.

³⁾ Ibidem стр. 89.

А вотъ аттестатъ, выданный воспитаннику коллегіума Андрею Павловскому (будущему профессору и ректору университета). „Объявитель сего слободско-украинской губ. змѣвскаго уѣзда слободы Тарановки титулярнаго совѣтника Ѳедора сынъ харьковскаго коллегіума студентъ философіи Андрей Павловскій съ 1799 г. находился въ Харьковскомъ коллегіумѣ, обучаясь преподаваемымъ въ немъ наукамъ—грамматикѣ, синтаксисѣ, поэзії, риторикѣ и философіи (тутъ перечисляются не предметы, а только классы, которой обучался одинъ годъ при дарованіяхъ изрядныхъ и похвальному прилежанію съ превосходнымъ успѣхомъ; при томъ чрезъ всю свою бытность въ коллегіумѣ велъ себя честно и добropорядочно; сверхъ того обучался нѣмецкому языку и математикѣ. Лѣтъ ему отъ роду 18¹⁾ (1806 г.). Почти такого же содержания и аттестатъ, выданный студенту философіи Петру Краевскому²⁾.

Приведемъ кстатѣ въ примѣчаніи сочиненіе, на тему о „выгодахъ дождя“, одного изъ воспитанниковъ коллегіума Гежелинскаго, написанное имъ при вступительномъ экзаменѣ въ университетъ³⁾.

Образовательный цензъ лицъ, вступавшихъ въ университетъ, на первыхъ порахъ былъ весьма разнообразный: тутъ мы видимъ и воспитанниковъ гимназій, и семинарій, и лицъ, получившихъ домашнее образованіе, и воспитанниковъ заграничныхъ учебныхъ заведеній⁴⁾, и оста-

¹⁾ Ibidem, стр. 99.

²⁾ Ibidem, стр. 120.

³⁾ „Посмотримъ со стороны выгоды, которая получаетъ человѣкъ отъ дождя. Наступаютъ часы благодѣтельной весны и земля въ каждомъ уголкѣ своемъ представляетъ челоуѣку тысячу различныхъ предметовъ, обворажающихъ его чувства. Тамъ зеленеетъ трава; тамъ пріятные цвѣты издають благоуханіе, а тамъ нивы, усеяныя богатою жатвою, представляютъ глазамъ зрителя трудолюбиваго поселянина, обливашагося потомъ отъ трудовъ своихъ; наконецъ, лѣтній жаръ, такъ сказать, все сіе истребляетъ; трава лишается прелестнаго своего вида, цвѣтокъ склоняетъ голову свою къ корню и увядаетъ, жатва также мало предвѣщаетъ земледѣльцу выгоды — но ужели все сіе такъ и останется? Нѣтъ, рука премудраго создателя всему предписала законы порядка, которыхъ могущество челоуѣка переменить не въ состояніи. Лѣтнія жары, говорю, отнимають у челоуѣка пріятныя размышленія, въ которыхъ онъ, кажется, чувствуетъ уже будущее удовольствіе и выгоды, обѣщанныя ему началомъ весны. Но благотворный дождь все ему возвращаетъ. Едва только онъ ороситъ благотворною своею влагою дугъ, поля, словомъ землю; — и все принимаетъ прежній очаровательный видъ свой: для земледѣльца на поляхъ награда за его трудъ кажется несомнѣнною“. (Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. 1807 г., № 235/13, стр. 76).

⁴⁾ Одинъ изъ нихъ, Пробстъ, обучался въ Пражскомъ университетѣ естественному, гражданскому, народному, европейскому, практическому и уголовному праву и нѣмецкой исторіи. (Харьк. унив. архивъ. Журналы правл. 1808 г., сентябрь — декабрь; засѣданіе 8 октября). Другой, Леопольдъ Шумайъ, былъ раньше въ Дерптскомъ университетѣ и затѣмъ состоялъ воспитателемъ у помѣщика Кочубея, въ Полт. губ. (Ibidem; журн. правл. за 1810 годъ, май—августъ; засѣданіе 16 іюня).

ившаго свою службу землемѣра ¹⁾, и бывшаго слушателя Петербургскаго педагогическаго института, и бывшаго студента Кіевской духовной академіи. Въ этой послѣдней обучался, наиримѣрь, Василій Паршура, поступившій изъ богословскаго класса ея въ студенты Харьковскаго университета. Любопытно при этомъ, что онъ былъ крѣпостной крестьянинъ помѣщика Ив. Рудановскаго, но получилъ отъ него отпускную ²⁾. Бывшій преподаватель латинскаго и французскаго языка въ черниговскомъ уѣздномъ училищѣ Степанъ Есикорскій, прося о принятіи его въ казеннокоштные студенты, писалъ: „достопочтенное сословіе! Примите во уваженіе мое состояніе, мои обстоятельства и мое желаніе попользоваться благодѣтельнымъ распространеніемъ наукъ и не откажите въ въ пособіи, о которомъ принимаю смѣлость просить васъ“ ³⁾. Принятый въ своекоштные студенты Петръ Кенпенъ (впослѣдствіи извѣстный академикъ, портретъ котораго мы помѣщаемъ въ приложеніи къ настоящей главѣ), служилъ передъ этимъ въ слободскоукраинскомъ губернскомъ правленіи съ 17 мая 1806 г. по 5 декабря 1810 г. и даже произведенъ былъ въ чинъ коллежскаго регистратора (31 дек. 1809 г.) ⁴⁾. Акимъ Николаевичъ Нахимовъ (сдѣлавшійся впослѣдствіи извѣстнымъ поэтомъ) поступилъ въ студенты Харьковскаго университета на 24-мъ году своей жизни, уже будучи въ отставкѣ; образованіе онъ получилъ въ дворянскомъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ, гдѣ познакомился съ русскимъ, французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ языками и нѣкоторыми предметами; вступительный экзаменъ его въ университетъ былъ признанъ совершенно удовлетворительнымъ ⁵⁾.

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что харьковское студенчество въ первое десятилѣтіе существованія университета распадалось на двѣ большія группы—бывшихъ питомцевъ духовныхъ семинарій и дворянъ, воспитывавшихся въ пансіонахъ, дома или гимназіяхъ. Въ самые первые годы преобладала первая группа, но потомъ все большее и большее значеніе получала вторая. Розальонъ-Сошальскій въ извѣстныхъ намъ воспоминаніяхъ приводитъ выдержку изъ статьи проф. Д. П. Каченовскаго о первыхъ студентахъ Харьковскаго университета — „старожилы говорятъ, что на первыхъ порахъ даже не оказалось другихъ охотниковъ

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. 1807 г., № ²⁵⁵/₁₅, стр. 2—3.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. 1809 г., № ³⁸¹/₂₁, стр. 42—45. Былъ и другой подобный же студентъ Кіевской Дух. Акад. изъ крѣпостныхъ. Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1808 г., сентябрь—декабрь; засѣданіе 5 октября.

³⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. 1811 г., № ⁵⁴⁶/₂₉, стр. 53.

⁴⁾ Ibidem, стр. 56.

⁵⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. 1805 г., № ⁵/₁, стр. 11—14.

поступать въ студенты университета кромѣ немногихъ семинаристовъ¹⁾ — и прибавляетъ отъ себя: „это и правда и неправда. Первое, потому что студентовъ вообще сначала было очень мало, едва ли болѣе 50 чел.; неправда, ибо было не мало и несеминаристовъ: мои два брата, И. Е. Хлоповъ, П. Е. Перекрестовъ, Осиповъ, Татариновъ, Пономаревъ, П. Ф. Ковалевскій, Дмитрій, Николай, Алексѣй и Степанъ Шидловскіе, Григорій, Андрей и Иванъ Андреевичи Зарудные, Нахимовъ и еще нѣкоторые. Но дѣйствительно семинаристовъ было больше. Это отъ того, что кромѣ пансіона Фотіева негдѣ было получать приготовительное къ университету образованіе и, надо думать, что семинарское тогда было выше того, какое можно было приобрести въ народномъ училищѣ. Подъ наименованіемъ семинаристовъ не должно также разумѣть лицъ духовнаго только званія, между семинаристами было не мало и дворянъ“¹⁾. Извѣстіе это совершенно совпадаетъ съ нашими официальными данными. Слѣдуетъ только прибавить, что семинарское образованіе, особенно въ Харьковскомъ коллегіумѣ стояло дѣйствительно очень высоко.

Сообщивъ данныя о приѣмѣ молодыхъ людей въ университетъ, о ихъ образовательномъ цензѣ, сословномъ дѣленіи, числѣ и распредѣленіи по факультетамъ, обратимся къ занятіямъ студентовъ и ихъ экзаменамъ.

Учебное время года тогда было гораздо больше нынѣшняго: — лекціи продолжались до 1-го іюля. При переходѣ на 2-й курсъ студентовъ подвергали особому экзамену. Въ 1805 г. онъ происходилъ въ присутствіи ректора и членовъ факультета и состоялъ въ отвѣтахъ на вопросы по билетамъ. Каждый факультетъ велъ записи объ успѣхахъ своихъ слушателей. Ученики приготовительнаго класса отвѣчали на вопросы, предлагаемые имъ изустно. По окончаніи испытанія, совѣту были представлены свѣдѣнія объ успѣхахъ экзаменовавшихся — и онъ рѣшилъ провозгласить имена наиболѣе успѣвшихъ 13 человекъ на 1-мъ торжественномъ актѣ, а 11 учениковъ приготовительнаго класса произвести въ студенты. Затѣмъ совѣтъ сдѣлалъ одно общее росписаніе лекцій на слѣдующій 1806 годъ. Своекоштные студенты, перешедшіе на 2-й курсъ, опредѣлили факультеты, на которыхъ рѣшились продолжать ученіе, а казеннокоштные объяснили, сообразно требованію устава учебныхъ заведеній, учителями какихъ предметовъ они желали быть впослѣдствіи. Къ разряду общихъ наукъ, которые обязаны были слушать всѣ студенты, отнесены были слѣдующія — русская и латинская словесность, французскій или нѣмецкій языкъ, теоретическая философія,

¹⁾ Харьк. Губ. Вѣд. 1869 г. № 43.

чистая математика, географія и всеобщая исторія ¹⁾. Студентамъ, избравшимъ специальность разрешено было слушать нѣкоторые предметы и на другихъ отдѣленіяхъ. Казеннокоштные студенты обязаны были слушать тѣ предметы, которые требовались въ уставѣ отъ учителей, и сверхъ того—будущіе преподаватели математики и физики общую химію и естественную исторію, учителя географіи, исторіи и статистики—также естественную исторію, преподаватели философіи, изящныхъ наукъ и политической экономіи—физику, естественной исторіи, технологіи, коммерческихъ наукъ—физику и антропологію, латинской словесности—философію и одинъ изъ языковъ, французскаго или нѣмецкаго языковъ—латинскій языкъ. Въ 1807 году совѣтъ, по предложенію ректора университета, постановилъ, чтобы каждый профессоръ, дабы не обременять студентовъ писаніемъ лекцій, читалъ курсъ по своему печатному руководству или по изданію другого автора. Успѣхами своими отличилось теперь 17 студентовъ, а изъ приготовительнаго класса переведено было въ студенты четверо; остальнымъ предоставлено было право сдѣлаться вольнослушателями, и такъ какъ въ это время открыто было уже въ округѣ четыре гимназіи, которые могли выпускать своихъ учениковъ въ университетъ, то приготовительный классъ, исполнявшій ихъ функции, рѣшено было закрыть. Впрочемъ въ слѣдующемъ 1808 году былъ учрежденъ, по предложенію ректора, особый классъ или курсъ низшей математики, такъ какъ обнаружилось, что нѣкоторые студенты, вслѣдствіе недостаточной подготовки по этому предмету въ училищахъ, не въ состояніи были понимать лекцій проф. Осиповскаго и адъюнкта Васильева; преподаваніе въ немъ было поручено казенному кандидату Архангельскому. Такъ какъ въ этомъ году долженъ былъ послѣдовать первый выпускъ студентовъ, то установлены были нѣкоторыя подробности относительно экзаменовъ. Общія испытанія (въ томъ числѣ и лицамъ, желавшимъ получить аттестатъ объ окончаніи

¹⁾ Обстоятельное и мотивированное мнѣніе по этому дѣлу представилъ этикополитическій факультетъ въ 1806 г. Общими подготовительными предметами онъ призналъ теоретическую и практическую философію, чистую математику, физику, естественную исторію, русскую литературу, латинскую словесность и эстетику, французскій или нѣмецкій языкъ, всеобщую исторію и географію. Предметы эти должны были быть раздѣлены на 2 года съ тѣмъ, чтобы 1-й годъ читать теоретическую философію (т. е. логику и метафизику), чистую математику, русскую литературу, латинскую словесность, одинъ изъ языковъ, естественную исторію, всеобщую исторію и географію; а во 2-й—практическую философію, т. е. этику и естественное право, физику, продолженіе латинской словесности съ эстетикой, продолженіе одного изъ новыхъ языковъ, продолженіе всеобщей исторіи и географіи. Харьк. ун-в. архивъ. Дѣло сов. 1806 г., № 60, стр. 47, 48, 186.

университетскаго курса) должны были происходить въ отдѣленіяхъ; но студенты, желавшіе получить кандидатскій дипломъ, обязаны были кромѣ этого общаго экзамена выдержать еще другой кандидатскій; для подготовки къ нему давалось 3 дня; испытаніе производилось сообразно съ обзорѣніемъ лекцій; по окончаніи экзамена студенты должны были въ особомъ комитетѣ прочитать свои сочиненія. Имена лицъ, получившихъ аттестаты и кандидатскіе дипломы, были провозглашены на актѣ 30 іюля. Чтобы подготовить своихъ слушателей къ практической учительской дѣятельности, университетъ вмѣнилъ въ обязанность казеннокоштнымъ студентамъ на послѣднихъ двухъ курсахъ посѣщать лекціи педагогій. Въ 1809 г. постановлено было, чтобы студенты слушали общіе курсы 2 года; исключеніе могло быть сдѣлано только для тѣхъ, кто усвоилъ ихъ себѣ въ достаточной мѣрѣ въ теченіе одного года; если бы обнаружилось, что и послѣ двухлѣтняго курса какой либо казеннокоштный студентъ не получилъ достаточной подготовки, то ему нужно было рекомендовать изучать такіе предметы, какіе понадобились бы ему, какъ будущему учителю уѣзднаго училища (а не гимназіи). Относительно кандидатскаго экзамена сдѣлана была слѣдующая прибавка: для того чтобы быть допущеннымъ къ экзамену, нужно было представить предварительно двѣ диссертациі — одну на латинскомъ, другую на родномъ языкѣ. Въ виду слабыхъ успѣховъ нѣкоторыхъ студентовъ по латинскому языку учрежденъ былъ, по образцу математическаго, латинскій классъ и преподавателемъ въ немъ назначенъ кандидатъ Громовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ директорамъ училищъ было приказано, чтобы они рекомендовали ученикамъ гимназій лучше изучать латинскій языкъ, ибо безъ этого имъ будетъ трудно слушать лекціи на немъ въ университетѣ. Экзамены производились въ теченіе іюня мѣсяца по окончаніи лекцій, какъ до обѣда, такъ и послѣ обѣда. По своимъ успѣхамъ оканчивающіе курсъ дѣлились на четыре категоріи: съ *превосходными, отличными, хорошими* успѣхами и, наконецъ, просто успѣхами (безъ ихъ квалификаціи). Обыкновенно студентъ отвѣчалъ на экзаменѣ на 3 вопроса изъ cadaго предмета и если на всѣ ихъ онъ отвѣчалъ превосходно, то ему ставили букву А, которая считалась за 3 шара; менѣе удовлетворительный отвѣтъ обозначался буквою В, считавшеюся за 2 шара, посредственный — буквою С, равною одному шару. При выдачѣ аттестата производилась сводка шаровъ и выставлялась отмѣтка: *превосходно* при 9 шарахъ или трехъ А, *отлично* при 7 или 8 (среднее между А и В), *хорошо* при двухъ В, безъ квалификаціи при господствѣ буквы С надъ В. Не окончившимъ какъ слѣдуетъ курса наукъ не разрѣшено было выдавать аттестатовъ. Всякому вступавшему въ университетъ выдавался матрикуль

и правила. Если студентъ выражалъ желаніе перевестись въ другой университетъ, то извѣщали этотъ послѣдній объ его успѣхахъ и поведеніи. Для того чтобы слѣдить за распредѣленіемъ студентовъ по факультетамъ, учрежденъ былъ въ 1810 г. особый комитетъ, въ составъ котораго вошли представители всѣхъ отдѣленій—отъ этикополитическаго Шадъ съ адъюнктами Лангомъ и Рейнишемъ, физико-математическаго — Делявинъ и Гуть, медицинскаго — Шумлянскій съ адъюнктомъ Калькау, словеснаго — де-Баллю съ адъюнктомъ Рейнишемъ. Совѣтъ и раньше, какъ мы видѣли, старался урегулировать дѣло преподаванія; теперь онъ поручилъ факультетамъ точно обозначить время, необходимое для прохожденія каждой науки, а профессорамъ издать на латинскомъ или русскомъ языкѣ руководства по ихъ спеціальностямъ. Для поощренія къ этому дѣлу авторовъ постановлено было выдавать имъ гонораръ, равный стоимости 300 экземпляровъ сочиненія (если оно будетъ принято университетомъ и издано на его счетъ въ количествѣ 1200 экземпляровъ); при второмъ изданіи авторъ получалъ гонораръ за 200 экземпляровъ, а если подвергалъ его пересмотру и дополненію, то снова за 300. Мѣра эта имѣла очень полезныя послѣдствія: благодаря ей, многіе профессора занялись приготовленіемъ къ изданію руководствъ для университета и гимназій и количество ихъ оказалось весьма значительнымъ.

Въ 1811 г. рѣшено было, чтобы студенты трехъ отдѣленій (словеснаго, математическаго и этикополитическаго), прослушавъ общій двухлѣтній курсъ, оставались три года для изученія спеціальныхъ факультетскихъ предметовъ, а на медицинскомъ изучали бы ихъ четыре года (значить университетскій курсъ долженъ былъ тогда быть пятилѣтній и шестилѣтній и только въ исключительныхъ случаяхъ четырехлѣтній); прослушавъ полный курсъ, студенты должны были держать кандидатскій экзаменъ, а выдержавъ таковой могли оставаться при университетѣ на казенномъ содержаніи въ качествѣ кандидатовъ для усовершенствованія себя въ наукахъ. Министръ народнаго просвѣщенія гр. А. К. Разумовскій утвердилъ это представленіе совѣта и согласился съ мотивомъ, его вызвавшимъ ¹⁾ (интересы государственной службы).

Въ 1812 г. сдѣланъ былъ еще рядъ постановленій: чтобы экзамены постороннихъ лицъ производились на каникулахъ (въ іюнь мѣс.) вмѣстѣ со студенческими; чтобы студенты, посѣщающіе лекціи на другихъ факультетахъ, считались тамъ частными слушателями и не подвергались испытанію; чтобы профессора наблюдали за прилежнымъ по-

¹⁾ Всѣ приведенныя здѣсь данныя мы позаимствовали изъ „Исторіи дѣлъ“, а послѣднее представленіе совѣта и отвѣтъ министра находятся также въ дѣлѣ архивнаго, народн. просв. 1811 г. № 5801/156.

сѣщеніемъ ихъ лекцій студентами; чтобы студенты, расчитывавшіе занять по окончаніи курса учительскія должности, занимались педагогикой и новыми языками, такъ какъ среди иностранцевъ мало такихъ, которые знаютъ грамматику и словесность своего языка; чтобы лица, желавшія получить кандидатскую, магистерскую или докторскую степени, предварительно держали экзаменъ по латинской филологіи; чтобы студенты медицинскаго факультета обучались греческому языку; чтобы своекоштные кандидаты производимы были въ магистры не ранѣе какъ черезъ два или три года по выдержаніи кандидатскаго экзамена (смотря по обнаруженнымъ имъ успѣхамъ); чтобы подлинныхъ протоколовъ не выдавали никому изъ членовъ совѣта (а только одни копіи); чтобы имена студентовъ, получившихъ награды, и темы имъ предложенныя помѣщаемы были въ обзорѣніе преподаванія; таковы были разнообразныя мѣры, принятыя совѣтомъ въ интересахъ преподаванія и студентовъ. Въ общемъ ихъ нельзя не признать цѣлесообразными. Вызваны онѣ были практикой и служили къ уясненію или дополненію университетскаго устава. Въ нихъ очень замѣтна практическая струя, но она вызывалась условіями и складомъ самой жизни, тѣми запросами и требованіями, которыя предъявляла къ школѣ реальная дѣйствительность,—она требовала образованныхъ чиновниковъ для всѣхъ родовъ государственной службы, начиная отъ юристовъ и кончая учителями. На такой утилитарной точкѣ зрѣнія стояло и правительство, и общество, ей должны были отвѣчать и университеты. Одно распоряженіе нужно признать только страннымъ (если только здѣсь нѣтъ какой нибудь ошибки)—это преподаваніе греческаго языка на медицинскомъ факультетѣ; если здѣсь уже была потребность въ одномъ изъ древнихъ языковъ, то скорѣе въ латинскомъ.

Чтобы дать понятіе объ успѣшности студенческихъ экзаменовъ того времени, приведемъ въ видѣ примѣра данныя о нихъ за 1806 и 1807 годы. Результаты экзамена на словесномъ отдѣленіи по русскому краснорѣчію (у профессора Рижскаго) были таковы. Подвергалось испытанію 46 человекъ, изъ нихъ 11 получило *eminenter* (высшую отмѣтку), 3—*optime* (очень хорошо), 17—*bene* (хорошо), 11—*sufficenter* (достаточно), 3—*nihil* (ноль) и одинъ отказался отвѣчать. По логикѣ у того же Рижскаго экзаменовалось 45 душъ, изъ нихъ 13 получило *eminenter*, 12—*bene*, 16—*sufficenter*, 2—*nihil* и двое отсутствовало. По французской словесности у проф. Белень-де-Баллю экзаменовалось 13 чел., изъ нихъ 4 получило *eminenter*, 3—*optime*, 6—*bene*; у него же по греческой литературѣ 3; изъ нихъ двое получило *eminenter* и одинъ *bene*. По латинской словесности у проф. Умлюфа экзаменовалось 30; изъ

нихъ получило 2—*eminenter*, 2—*optime*, 6—*bene*, 2—*sufficienter*, 11—*mediocriter* и 7—*nihil*; у него же по нѣмецкой словесности 9 душъ, изъ коихъ 3 получили *eminenter*, 1—*optime*, 5—*bene*. По исторіи и географіи у адъюкта Рейниша—29; изъ нихъ 4—*optime*, 11—*bene*, 9—*sufficienter*, 1—*mediocriter*, 4—*nihil*. По англійскому языку у адъюкта Шмерфельда 7, изъ коихъ 1—*eminenter*, одинъ *optime*, 5 *bene*. По исторіи государствъ у адъюкта Рейта 26; изъ нихъ 2—*optime*, 6—*bene*, 5—*sufficienter*, 13—*nihil*. У профессоровъ этикополитическаго отдѣленія студенты экзаменовались по тремъ предметамъ—логикѣ съ метафизикой, государственному праву и законодательству и исторіи римскаго права. Результаты ихъ испытаній были таковы: экзаменовалось 43 чел. по первому предмету—получило *eminenter* 9, *bene*—15, *sufficienter*—6, трое не экзаменовалось; по 2-му *eminenter*—2, *bene*—6, *sufficienter*—4, не присутствовало 2. У профессоровъ медицинскаго отдѣленія экзаменовалось только 17 воспитанниковъ Харьковскаго коллегіума.

Въ 1807 г. держало экзаменъ по анатоміи и хирургіи 14 воспитанниковъ коллегіума и 9 студентовъ университета (2 своекоштныхъ и 7 казеннокоштныхъ—повидимому естественники), экзаменовались по этимъ двумъ предметамъ, а также по антропологіи и популярной медицинѣ (одни по однимъ предметамъ, другіе—по другимъ ¹⁾). Въ томъ же году экзаменовалось 30 студентовъ по философіи, моральной и теоретической, по праву и политической экономіи у профессоровъ этикополитическаго отдѣленія; по первому предмету изъ 20 чел. получило *eminenter* 4 чел., *bene*—7, *sufficienter*—9; по 2-му—изъ 8—2 *eminenter*, 3—*bene*, 3—*sufficienter*; по 3-му изъ 8—*eminenter* 2, *bene*—1, *sufficienter*—5; по 4-му—изъ 8 *eminenter*—3, *bene*—2, *sufficienter*—3 ²⁾). Не останавливаясь на экзаменахъ по другимъ предметамъ—результаты ихъ почти сходные съ предъидущими ³⁾).

Въ приговорительномъ классѣ 9 чел. держало экзаменъ по французской реторикѣ (изъ нихъ 5 получило *eminenter*, 1—*optime*, и трое отсутствовало), 13 по латинской грамматикѣ (изъ нихъ 2 получило *eminenter*, *bene* 5, *sufficienter* 2, *nihil*—2, отсутствовало 2) и 9 по французской грамматикѣ (изъ нихъ 1 *eminenter*, 4 *bene*, 1 *mediocriter*, 3 отсутствовало ⁴⁾). Наименѣе удовлетворительныя отмѣтки студенты полу-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта 1807 г., № 61, стр. 86.

²⁾ Ibidem, стр. 89.

³⁾ См. напр. *ibidem*, стр. 161—169; дѣло совѣта 1809 г., № 35, стр. 48—67 (тутъ экзамены студентовъ въ 1809 г.); дѣло совѣта 1814 г., № 58, стр. 186—203 (экзамены студентовъ въ 1814 г.).

⁴⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта 1806 г., № 60, стр. 1—11.

чили по латинскому языку у проф. Умляуфа и по исторіи у Рейта. Но объясняется ли это слабою подготовкою ихъ именно по этимъ предметамъ, или строгостью экзаминаторовъ, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, сказать трудно. Но фактъ наличности неудовлетворительныхъ отмѣтокъ по разнымъ предметамъ говоритъ за то, что экзаминаторы относились къ испытанію серьезно, и добросовѣстно, провѣряли познанія и успѣхи своихъ слушателей. Замѣтимъ кстати, что по нѣкоторымъ предметамъ (напримѣръ, по руссійскому краснорѣчію, логикѣ и метафизикѣ) экзаменовались всѣ наличные студенты, ибо эти науки, какъ мы знаемъ, были признаны общеобязательными и подготовительными, а не специально факультетскими. Мы не привели фамилій экзаменовавшихся; но скажемъ только, что наиболѣе успѣвшіе изъ этихъ студентовъ впоследствии выдвинулись на ученомъ поприщѣ; таковы были Комлишинскій, Любичинскій, Любовскій, Борзенковъ, Архангельскій, Нахимовъ; послѣдній получилъ высшую отмѣтку по французскому, нѣмецкому и англійскому языкамъ, что вполне подтверждаетъ прежнее наше сообщеніе о его знаніяхъ новыхъ языковъ.

Кандидатскій экзаменъ начинался письменными отвѣтами. Чтобы дать понятіе о подготовкѣ, какую давалъ студентамъ университетъ въ этомъ отношеніи, приведемъ въ примѣчаніи нѣсколько образцовъ ¹⁾. Въ

¹⁾ Вотъ сочиненіе по русской исторіи Кирилла Манжоса на тему—„по какому случаю послѣдовало основаніе Россійской монархіи и какія были важнѣйшія происшествія въ Россіи съ сего времени до раздѣленія монархіи при Владимірѣ?“. Утѣшенія, случившіяся въ 9 ст. на сѣверѣ отъ варяговъ, а на югѣ отъ Казаръ, были главною причиною къ перемѣненію въ Россіи правленія и къ основанію Россійскаго государства. Варяги, такъ называемые жители разныхъ племенъ, извѣстные по своимъ разбоямъ, учинили въ 859 году сильное нападеніе на чудь, славянъ, наложили дань; въ сіе время и другіе народы славянскаго поколѣнія въ южной сторонѣ Россіи почувствовали тяжелое бремя отъ казаръ. Въ семъ родственномъ положеніи находясь, возманились свергнуть съ себя рабскія оковы суровыхъ побѣдителей своихъ, наконецъ рѣшились избрать Гостомысла, мужа благоразумнаго и храбраго, подъ предводительствомъ котораго отреклись отъ платежа, покоривши Варягъ и выгнали изъ своего отечества. Гостомысль, будучи уже на смертной постели и видя ихъ безпорядки, со дня на день увеличивающіеся, посоветовалъ имъ избрать трехъ братьевъ—Рюрика, Синеуса и Трувора, которые пришедъ въ Россію въ 861 году и съ сего времени начинается эпоха руссійской исторіи. Рюрикъ перенесъ столицу въ Новгородъ изъ Ладоги и по смерти братьевъ своихъ сдѣлался одинъ обладателемъ Россіи, старался о благосостояніи своего государства и на сей конецъ во многихъ городахъ поставилъ своихъ правителей; онъ освободилъ Кіевъ отъ платежа своею храбростію. Рюрикъ умеръ въ Новгородѣ въ 879 г. Олегъ отянулъ у Оскольда южную страну Россіи, учредилъ подати, ходилъ войною подъ Царьградъ, взялъ съ греческаго императора Льва дань, умеръ въ 912 г. Игорь привелъ въ послушаніе древлянъ, отказавшихся отъ платежа, заключилъ съ печенѣгами миръ, въ 945 г. отправилъ посольство въ Константинополь, въ семъ договорѣ то достойно упомянувши,

общемъ эти сочиненія написаны весьма складно и толково. Очевидно, что преподаваніе риторики имѣло полезныя результаты. Запасъ фактическихъ данныхъ у авторовъ достаточный, хотя, конечно, съ нашей точки зрѣнія многое тамъ представляется совершенно несостоятельнымъ (напримѣръ, въ сочиненіи по русской исторіи принимаемая за достовѣрный историческій фактъ легенда о Гостомыслѣ). Студентамъ предлагались темы для сочиненій и во время прохожденія ими университетскаго курса и выдавались за нихъ награды.

Въ 1812 г. физикоматематическій факультетъ предложилъ задачу: „объяснить явленія и законы, которые до сего времени извѣстны относительно испаренія капельныхъ жидкостей, а особенно воды“; другую далъ словесный факультетъ: „о цѣли и пользѣ знанія древнихъ языковъ и преимущественно латинскаго“. Наиболѣе успѣвшимъ студентамъ выдавались золотыя и серебряныя медали. Последніе были двухъ видовъ

что Игорь обѣщался не только не воевать Корсунь, но еще и защищать; для увѣренія въ той клятвѣ Игорь клялся съ некрещеными боярами предъ Перуномъ на холмѣ. Въ семь же году Игорь былъ отъ Древлянъ убитъ. *Ольга*. Первое предпріятіе великой княгини Ольги было, чтобъ древлянъ наказать за смерть своего супруга и въ послушаніе привести, что, сдѣлавши на другой годъ при рѣкѣ Псковѣ, повелѣла построить городъ Псковъ, въ 935 г. отправилась водою въ Константинополь, гдѣ, принявъ крещеніе, названа была Еленою. *Святославъ* началъ царствовать съ 965 г., наложилъ дань на вятичей, въ отсутствіе его печенѣги сдѣлали нападенье на Кіевъ, но возвратившись покорилъ ихъ и заключилъ съ ними миръ. Онъ страстно желалъ завоевать болгаръ, по той причинѣ какъ думаютъ, чтобы обезсилить печенѣговъ и при случаѣ ихъ покорить, заключивши прежде мирные договоры съ уграми и венгерцами. Святославъ роздалъ сыновьямъ удѣлы: Ярополку Кіевъ, Олегу землю Древлянскую, а Владимиру Новгородъ по просьбѣ новгородцевъ. *Ярополкъ* жилъ мирно съ братьями 3 года, по злобѣ полководца своего Свѣззда поссорился первый съ Олегомъ, пошелъ въ землю Древлянскую, побѣдилъ Олега близъ Овруча, гдѣ Олегъ лишился жизни. Ярополкъ принялъ власть надъ древлянами; услышавъ Владимиръ въ Новгородѣ о несчастной ссортѣ, убѣжалъ къ варягамъ, гдѣ собралъ войско наемное. Ярополкъ, слѣдуя внушенію злоковарныхъ своихъ министровъ, послалъ въ Новгородъ своего начальника; Владимиръ 980 возвратился отъ Варягъ съ войскомъ, выслалъ намѣстника изъ Новгорода, пошелъ на брата своего Ярополка, гдѣ его побѣдилъ, Ярополкъ по совѣту полководца своего Влуда пришелъ въ станъ Владимира, гдѣ убитъ былъ предъ глазами Владимировыми отъ ласкателей его“.

Тому же Манжосу принадлежитъ еще сочиненіе по всеобщей исторіи на латинскомъ языкѣ на тему „*De factis et causis, quae ad ruinam imperium Caroli magni conduxerunt*“; оно отличается строго фактическимъ характеромъ даже въ той части, которая посвящена причинамъ распаденія монархій Карла Вел.; это въ сущности не уясненіе причинъ, а описаніе событій, послѣдовавшихъ за смертію Карла Вел.

А вотъ сочиненіе Леонтія Барановскаго на тему „*Что такое идеалъ?*“ (по теоріи поэзіи). „Человѣкъ кромѣ дарованій, которыя получилъ отъ природы, имѣетъ еще такую врожденную способность, отъ удовлетворенія коей зависитъ внутреннее и суще-

—большія и малыя. На одной сторонѣ медалей была надпись. „auspiciis Alexandri primi universitatis Charcoviensis“, а на другой—„ingenio et moribus“ и лавровый вѣнокъ. „Дѣло о чеканкѣ ихъ“ началось еще въ 1809 г., но было окончено только въ 1812 г., и съ этого года по-видимому ихъ и стали выдавать студентамъ. Цѣнность золотой медали равнялась четыремъ имперіаламъ, а серебряныхъ 3 и 1½ рублеви-камъ ¹⁾. По мысли попечителя округа, медали должны были выдаваться студентамъ за лучшія сочиненія ²⁾. Латинская диссертация кандидата Филомафитскаго была удостоена факультетомъ золотой медали и совѣтъ рѣшилъ выразить ему признательность за прилежаніе ³⁾.

Посмотримъ теперь, какая часть студентовъ выходила изъ университета до окончанія курса, какая оканчивала полный курсъ и какова была послѣдующая судьба тѣхъ и другихъ. Выходила изъ университета до окончанія курса огромная, сравнительно съ нынѣшнимъ временемъ, масса студентовъ и оканчивала его только очень незначительная часть. Это фактъ, который мы можемъ доказать статистически почти изъ года въ годъ. Конечно, онъ долженъ былъ отражаться неблагоприятно на самомъ преподаваніи. Но неблагоприятныя послѣдствія его были въ дѣйствительности гораздо меньше, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Достаточно замѣтить, что многіе студенты выходили до окончанія курса университета, чтобы поступить въ учителя уѣздныхъ учи-

ственное его благосостояніе. Чувствительность души, т. е. природное расположеніе оной ощущать удовольствіе и наслажденіе, составляетъ таковую способность. Предметы тѣ только производятъ удовольствіе и наслажденіе, которые въ своемъ родѣ преимущественно совершенны. Все, что заключаетъ въ себѣ совершенство такого рода, все, что сильно дѣйствуетъ на чувствительность и какъ бы совершенно занимаетъ собою душу называется изящнымъ или изящной природой. Сіе изящество когда бываетъ въ произведеніяхъ ума, то называется умственнымъ или идеаломъ, о которомъ такъ много говорили древніе философы и артисты, но они разумѣли подъ тѣмъ именемъ по большей части токмо возвышеніе изяществъ и совершенствъ. Напротивъ того есть столько родовъ идеаловъ, сколько находится прекрасныхъ и дурныхъ предметовъ. Предметы не только самыя обыкновенныя, но даже низкіе и отвратительные, ежели будутъ изображены съ точнѣйшею вѣрностью, могутъ назваться идеалами. Идеалы по различію способностей человѣческихъ и по нѣкоторымъ другимъ причинамъ необходимо должны быть различны не только въ каждахъ порознь людяхъ, но и въ цѣлыхъ народахъ“.

Въ приведенныхъ отрывкахъ мы сохранили орѳографію и знаки препинанія подлинниковъ. (Харьк. унив. архивъ. Дѣло словеснаго факультета 1814 г., № 18).

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло канц. попечит. 1809—1816 г., № ²⁶⁹/₁₄ и журн. правл. 1809 г., септ.—декабрь; засѣданіе 8 ноября 1812 г. май—августъ; засѣданіе 31 мая.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта 1809 г., № 9.

³⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта 1814 г., № 58, стр. 147.

лицъ, т. е. другими словами они получали въ университетѣ достаточную подготовку для своей должности; въ такихъ дѣтеляхъ была огромная потребность; а если бы они окончили курсъ, то уже не захотѣли бы ограничиться этимъ скромнымъ общественнымъ положеніемъ, ибо могли бы занять болѣе видныя учительскія должности въ гимназіяхъ.

Въ 1806 г. изъ 33 казеннокоштныхъ студентовъ вышло трое—одинъ (Квятковскій) былъ опредѣленъ учителемъ въ Сумское уѣздное училище, другой умеръ, а третій, по его собственной просьбѣ и съ разрѣшенія главнаго правленія училищъ; переведенъ въ число своекоштныхъ (съ уплатою истраченныхъ на его прежнее содержаніе казенныхъ денегъ). Кромѣ того при университетѣ числился кандидатъ Савва Василевскій, въ ожиданіи поступленія на учительскую должность въ одну изъ гимназій. Въ 1807 году подвергнуты были годичному экзамену казеннокоштные студенты и о четырехъ изъ нихъ (Концевичѣ, Галкинѣ, Щелкуновѣ и Степурскомъ) было заявлено, что отъ нихъ нельзя надѣяться дальнѣйшихъ успѣховъ; въ виду этого рѣшено было опредѣлить ихъ въ учителя уѣздныхъ училищъ; по опредѣленію училищнаго комитета, 1-й назначенъ былъ въ Изюмское, 2-й въ Лебединское, 3-й въ Новгородъ-Сѣверское и 4-й въ Роменское училища. Тогда же отправлены учителями, *по ихъ собственной просьбѣ*, казеннокоштные студенты Славинскій въ Глуховское, Сухаревъ въ Харьковское, Евстафьевъ въ Роменское училища. Кандидатъ Савва Василевскій въ этомъ году былъ назначенъ учителемъ въ имѣвшуюся открытая Курскую гимназію. Изъ 32 своекоштныхъ студентовъ 9 поступило въ военную службу, 2 въ штатскую и 1 умеръ. Въ 1808 г. кандидатское испытаніе выдержали, по физико-математическому отдѣленію — *Комлишинскій, Рудневъ, Архангельскій, Громовъ, Пузановъ, Аванасьевъ и Шрамковъ*; по словесному — *Борзенковъ, Нахимовъ и Сошальскій*; по этикополитическому — *Любовскій, Ольховскій 1-й и Любачинскій*, всего 13 человѣкъ. Таковы были первые кандидаты, выпущенные Харьковскимъ университетомъ. Сверхъ того прослушало полный трехлѣтній университетскій курсъ и получило соотвѣтственные аттестаты 13 студентовъ (8 казеннокоштныхъ и 5 своекоштныхъ). Изъ 13 кандидатовъ 10 человѣкъ было на казенномъ содержаніи и 3 на своемъ. Пятеро изъ нихъ поступили учителями въ гимназіи, а 8 осталось при университетѣ для продолженія наукъ (изъ нихъ 6 на казенномъ содержаніи и 2 на своемъ собственномъ). Изъ 17 окончившихъ курсъ 9 поступило въ учителя гимназій и училищъ (въ томъ числѣ одинъ своекоштный), 4 пожелали опредѣлиться на государственную службу (въ томъ числѣ 3 казеннокоштныхъ) и 4 (въ томъ числѣ 3 казеннокоштныхъ) остались при университетѣ для продолженія наукъ. Изъ 39 ка-

зеннокоштныхъ студентовъ 10 произведено было въ кандидаты, 8 въ учителя, 2 умерло. Изъ 26 своекоштныхъ студентовъ трое выдержало кандидатскій экзамень, 1 поступилъ въ учителя (изъ неокочившихъ), 1 перешелъ въ казеннокоштные студенты, 1 въ учителя рисованія, 1 въ кадетскій корпусъ, 6 въ гражданскую службу.

Въ 1809 году прослушало полный университетскій курсъ и получило аттестаты 11 чел.: казеннокоштные—*Мартыновъ, Масловъ, Андреенко и Ветуховъ*, своекоштные—*Татариновъ, Дмитріевъ, Карповъ, Стремоуховъ, Шидловскіе* (Алексій, Александръ и Степанъ); казеннокоштные студенты *Ольховскій* и *Стурза*, окончившіе теоретическій курсъ на медицинскомъ отдѣленіи, отправлены были на одинъ годъ въ медико-хирургическую академію для приобрѣтенія практическихъ познаній; кандидатскую степень получили трое: по физико-математическому факультету—*Расторгуевъ* и *Павловскій* и по этикополитическому *Пробстъ*. Изъ студентовъ обнаружили превосходные успѣхи въ наукахъ (на переводныхъ экзаменахъ) 12 человекъ—*Македонскій, Сорокинъ, Перверзевъ, Опасскіе* (Ассикритъ и Михайлъ), *Якобъ, Робуизъ, Татариновъ, Константскій, Селивановъ, Якубовскій* и *Калиновскій*; имена ихъ были провозглашены на торжественномъ актѣ; остальныхъ не столь блестящихъ пригласили въ совѣтъ и похвалили за прилежаніе къ наукамъ. Изъ числа 8 кандидатовъ, произведенныхъ еще въ прошломъ году и оставшихся при университетѣ, 3 казеннокоштныхъ поступили въ учителя, одинъ назначенъ для временнаго отправленія учительской должности, одинъ (своекоштный) поступилъ на гражданскую службу; двое казеннокоштныхъ остались при университетѣ для преподаванія лекцій, а одинъ (своекоштный)—продолжалъ заниматься науками; изъ трехъ кандидатовъ 1809 г. одинъ (своекоштный) поступилъ на гражданскую службу, а два (казеннокоштныхъ) остались при университетѣ. Изъ 34 казеннокоштныхъ студентовъ 2 поступило въ кандидаты, 7 въ учителя (въ томъ числѣ 4 окончившихъ курсъ наукъ). Изъ 26 чел. своекоштныхъ 1 сдѣлался своекоштнымъ кандидатомъ, 1 поступилъ въ медико-хирургическую академію, одинъ въ землемѣры, 4 въ военную службу, 2 въ гражданскую, 1 учителемъ въ Кіевскую гимназію, 1 умеръ, всего вышло 11 чел., изъ коихъ 7 окончило курсъ; вновь принято 12.

Въ 1810 г. кандидатскій дипломъ получилъ только 1 студентъ *Константскій* (по физикоматематическому отдѣленію), окончило трехлѣтній университетскій курсъ 7 душъ. Изъ 5 кандидатовъ, оставшихся отъ прошлаго года, 2 казеннокоштные поступили въ учителя, а три (въ томъ числѣ и одинъ, временно исполнявшій учительскую должность)

оставались при университетѣ и преподавали частію студентамъ младшихъ курсовъ, частію чиновникамъ гражданскаго вѣдомства въ извѣстномъ намъ институтѣ—(Нахимовъ); въ концѣ года было 4 кандидата. Изъ 45 казеннокоштныхъ студентовъ одинъ умеръ, одинъ перешелъ въ своекоштные, два вовсе были уволены съ разрѣшенія высшаго начальства, а одинъ впредь до излѣченія, двое исключены за нерадѣніе къ наукамъ и худое поведеніе и 8 опредѣлено учителями; всего было 15 чел. Изъ 27 чел. своекоштныхъ одинъ сдѣлался казеннокоштнымъ кандидатомъ, 6 поступило на государственную службу; всего было 7 (изъ нихъ 4 окончившихъ курсъ); отличные успѣхи въ наукахъ обнаружило 13 человѣкъ.

Въ 1811 г. двое кандидатовъ—*Громовъ* и *Архангельскій*—получили магистерскія степени; кандидатскій дипломъ получило 10 человѣкъ: по этикополитическому отдѣленію *Викторъ Кушинниковъ*, *Константинъ Артемьевъ*; по физикоматематическому—*Михаилъ Робушъ*, *Иванъ Одицовъ-Заставскій*, *Ассикритъ Спасскій*, *Семенъ Колядинъ*; по словесному—*Федоръ Сорокинъ*, *Демьянъ Адамовичъ*, *Василій Парпура*, *Авксентій Гевличъ*. Изъ 5 прежнихъ кандидатовъ двое сдѣлались магистрами, одинъ поступилъ въ учителя, а два осталось при университетѣ для усовершенствованія въ наукахъ; изъ произведенныхъ въ кандидаты въ 1811 году осталось при университетѣ 6, всего ихъ было 8, изъ коихъ 6 казеннокоштныхъ и 2 своекоштныхъ. Изъ 40 казеннокоштныхъ студентовъ 1 поступилъ въ медикохирургическую академію для усовершенствованія во врачебной наукѣ, 1 въ своекоштные студенты, 8 произведено было въ кандидаты (изъ коихъ 3 опредѣлено въ учителя гимназій, а 5 осталось при университетѣ), 12 заняло учительскія должности (одинъ въ гимназій, остальные въ уѣздныхъ училищахъ), два были уволены для поступленія на учительскія мѣста въ области войска Донскаго; всего вышло 24 чел. Изъ 44 своекоштныхъ студентовъ ушло 18 чел., двое получили кандидатскую степень (одинъ изъ нихъ поступилъ на гражданскую службу, другой остался при университетѣ) одинъ перешелъ въ составъ казеннокоштныхъ, одинъ былъ исключенъ за неявку, двое умерло, а 12 вышло изъ университета по прошеніямъ (въ томъ числѣ было 5 окончившихъ курсъ).

Въ 1812 г. изъ кандидатовъ въ магистры произведено было 4 человѣка: по словесному отдѣленію *Борзенковъ*, по физикоматематическому *Комлишинскій*, по этикополитическому *Любовскій* и *Любочинскій*. Изъ студентовъ въ кандидаты произведено было 11 душъ: по физикоматематическому отдѣленію *Жадановъ*, *Поляковъ*, *Шуманъ* и *Глинскій*, по словесному *Бразоль*, по этикополитическому *Детай*, *Ковалевскій*, *Ти-*

таревъ, Переверзевъ, Кеппенъ и учитель *Македонскій*. Изъ прошлогоднихъ кандидатовъ три поступили въ учителя, одинъ отправленъ былъ въ Петербургъ (*Робушъ*) для усовершенствованія въ военныхъ наукахъ, а два остались при университетѣ. Изъ 31 чел. казеннокоштныхъ студентовъ двое получило кандидатскую степень, одинъ опредѣленъ былъ учителемъ въ гимназію, а 6 въ уѣздныя училища. Изъ 55 своекоштныхъ студентовъ 6 получило кандидатскую степень, одинъ перешелъ въ казеннокоштные, 5 поступило въ военную службу, 3 въ штатскую, а двое умерло; всего вышло 17 чел. ¹⁾

Изъ представленныхъ нами цифръ можно сдѣлать слѣдующіе выводы. Значительная часть студентовъ оставляла университетъ, не окончивъ курса, и поступала въ военную и гражданскую службу или шла въ учителя уѣздныхъ училищъ. Кандидатскій дипломъ получали далеко не всѣ, оканчивавшіе курсъ. 1-й выпускъ кандидатовъ состоялся въ 1808 г.; за всѣ послѣдующіе годы (начиная съ 1808 и оканчивая 1812) выпущено было 37 кандидатовъ, въ среднемъ по $7\frac{2}{3}$ на годъ. По факультетамъ они распредѣляются такъ: на долю физикоматематическаго отдѣленія приходится 18, этикополитическаго 12, словеснаго 8 (врачебнаго ни одного, впрочемъ, двое студентовъ окончили это отдѣленіе ¹⁾). Въ учителя гимназій и уѣздныхъ училищъ поступило больше всего—83 чел., на гражданскую службу—39 чел., въ военную—18. Принимая во вниманіе незначительное число кандидатовъ, можно сказать, что число лицъ, получившихъ магистерскую степень, было относительно велико (ихъ было 6 чел.), т. е. свыше 16⁰/₀ ²⁾.

¹⁾ Всѣ эти данныя позаимствованы нами изъ „исторія дѣлъ“. (Харьк. унив. архивъ).

²⁾ Приведемъ здѣсь кстаті свѣдѣнія о числѣ студентовъ, окончившихъ университетъ съ 1808 по 1815 годъ, изъ одной рукописи, источника которой намъ—къ сожалѣнію, неизвѣстенъ;—это справка, составленная бывшимъ секретаремъ совѣта г. Кожедубовымъ и хранившаяся въ бумагахъ проф. И. П. Сокальского; нынѣ она вмѣстѣ съ книгами и другими рукописями покойнаго передана въ университетскую бібліотеку. Въ 1805, 1806 и 1807 гг., по свѣдѣніямъ этого источника, выпуска не было; въ 1808 г. по этикополитич. отдѣленію вышло 7 кандидатовъ, по физико-математич. 3, по словесному 3; въ 1809 г. по этикополитическому 1, по математич. 2, по медицин. 2 (лекаря); въ 1810 г. по физико-математическому 1; въ 1811 году по этикополитическому 2, по физико-математическому 4, по словесному 4; въ 1812 году по этикополитическому 6, по математическому 4, по словесному 1; въ 1813 году по этикополитическому 3, по математическому 4, по словесному 5; въ 1814 году по этикополитическому 4, по математическому 3, по словесному 2, по медицинскому 6; всего 67. До 1813 г. цифры этой рукописи и сообщенныя нами свѣдѣнія буквально сходятся. Въ виду этого мы можемъ отнести съ полнымъ довѣріемъ и къ даннымъ этой рукописи вообще, въ томъ числѣ и къ свѣдѣніямъ за 1813—1814 годы.

Затѣмъ слѣдуетъ еще упомянуть о тѣхъ лицахъ, которые держали экзаменъ прямо при университетѣ и не состояли въ немъ студентами. Въ 1810 г. подвергались испытанію въ медицинскомъ отдѣленіи иностранцы *Шенеманъ*, окончившій курсъ медицинскихъ, хирургическихъ и повивальныхъ наукъ въ Вюрцбургскомъ и Гейсскомъ университетахъ, и Георгъ *Гросгеймъ* докторъ медицины Эрфуртскаго университета; отвѣтъ перваго былъ признанъ удовлетворительнымъ, а 2-го — совершенно слабымъ. Въ 1811 году на томъ же медицинскомъ факультетѣ экзаменовались Ив. Тецнеръ (провизоръ Кіевской аптеки, уроженецъ Саксоніи) на званіе аптекаря, гезель полтавской аптеки Кампioni — на званіе провизора, коллежскій регистраторъ Степанъ Волковъ и харьковскій обыватель Леонтій Соколовскій — на свободную практику для снятія съ глазъ катаракта „черезъ осажденіе“ (per depressionem); сверхъ того выданы были свидѣтельства на званіе гезелей двумъ аптекарскимъ ученикамъ. Въ 1812 году получилъ дипломъ на степень доктора медицины и на свободную практику иностранецъ Игнатій Нетолитскій, 3 гезеля удостоены были званія провизоровъ, 3 аптекарскихъ помощника — ізванія гезелей и два брата Савиновы — свидѣтельства на сниманіе катарактовъ ¹⁾.

Среди лицъ, выходившихъ изъ университета безъ экзамена и диплома, слѣдуетъ отмѣтить Станислава Квятковскаго, который былъ зачисленъ въ казеннокоштные студенты, претендовалъ, какъ мы знаемъ, на полученіе магистерскаго достоинства, но не могъ выдержать даже и кандидатскаго экзамена, а между прочимъ просилъ о назначеніи его въ гимназію учителемъ латинскаго языка ²⁾.

Какія цѣли преслѣдовали молодые люди, вступая въ университетъ? Лица, близко стоявшіе къ дѣлу, категорически свидѣтельствуютъ, что тутъ дѣйствовали почти исключительно практическіе интересы. Да это и понятно. Идея необходимости высшаго образованія не успѣла еще пустить корней въ обществѣ. Мы видѣли, что нужно было доказывать пользу этого высшаго общественнаго образованія. Среди „отцовъ“ вполнѣ еще господствовалъ такой утилитарный взглядъ: они цѣнили университетъ за то, что онъ открывалъ дорогу ихъ дѣтямъ къ служебной карьерѣ, — къ военной или гражданской службѣ. — Служба давала не только матеріальное обезпеченіе, но и общественное положеніе, соединенное съ должностію, чинами и орденами. Дворянство въ общемъ было настолько обезпечено, что могло прожить безъ жалованья, ибо владѣло землями,

¹⁾ „Исторія дѣлъ“. (Харьк. унив. архивъ).

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло Правленія 1806 г., № 128/8, стр. 57.

пользовалось крѣпостнымъ трудомъ; но оно, за небольшими исключеніями, считало необходимымъ, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, служить. Чины и ордена въ то время ставились необычайно высоко и дослуживаться до нихъ, особенно людямъ безъ протекцій, было не легко. Между тѣмъ университетъ открывалъ возможность сравнительно скорого полученія не только гражданскихъ, но даже и военныхъ чиновъ. Естественно, что въ него и устремлялись за этими столь цѣнными тогда благами. Въ иномъ положеніи находились студенты бѣдняки—семинаристы, разночинцы; и въ университетѣ они содержались на счетъ казны, и по выходѣ изъ него стремились получить какую либо должность, которая бы давала имъ хотя скудное, но опредѣленное матеріальное обезпеченіе; они въ большинствѣ случаевъ охотно давали обязательство въ теченіи 6 лѣтъ быть въ вѣдомствѣ университета, т. е. принять ту службу, которую имъ назначать. Но нѣкоторые изъ нихъ не имѣли призванія къ этому занятію и просили потомъ объ освобожденіи ихъ отъ него, предлагая вмѣстѣ съ тѣмъ внести за себя ту сумму, въ которую обошлось ихъ содержаніе казнѣ во время прохожденія курса. Попечитель округа гр. С. О. Потоцкій отнесся вполне разумно къ дѣлу. Представляя въ главное правленіе училищъ прошеніе одного изъ такихъ лицъ (Волошинова), онъ выражалъ мнѣніе, что его просьбу слѣдуетъ удовлетворить, ибо если онъ дѣйствительно не имѣетъ склонности къ учительской должности, то никогда не будетъ способенъ выполнять ее должнымъ образомъ и потому университетъ впослѣдствіи времени будетъ принужденъ отрѣшить его отъ нея ¹⁾.

Впрочемъ намъ извѣстенъ и другой противоположный случай. Въ 1810 г. казеннокоштный студентъ Переверзевъ представилъ 650 руб. денегъ, издержанныхъ казною на его содержаніе, и просилъ объ увольненіи его отъ обязательства отслуживать за нее университету; но попечитель округа не согласился на это, ибо примѣръ его могъ бы заразительно подѣйствовать на другихъ. Съ управленіемъ Войска Донскаго на этой почвѣ произошли недоразумѣнія. Правленіе университета нѣсколько разъ обращалось въ канцелярію войска съ указаніемъ, что правила о шестилѣтнемъ срокѣ службы казеннокоштныхъ студентовъ распространяются и на донцовъ (съ тѣмъ чтобы они служили учителями въ Донскомъ округѣ)—и, не получая отвѣта, лишило всѣхъ ихъ казеннаго содержанія, за исключеніемъ двухъ лицъ, бывшихъ на медицинскомъ факультетѣ и уже оканчивавшихъ курсъ. Напоминаніе о

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло канц. поп. 1806—1808 г. № 193/11, стр. 11; ср. также дѣло правл. 1814 г., № 813/40, стр. 80.

шестилѣтнемъ срокѣ дѣлалось впрочемъ по указу министра народнаго просвѣщенія ¹⁾).

Военная карьера сильно привлекала дворянскихъ дѣтей и въ представленіяхъ тогдашняго общества наиболѣе соотвѣтствовала званію дворянина. Дворянинъ Хлоповъ, прося въ своемъ письмѣ къ ректору Стойковичу уволить его сыновей изъ университета для поступленія въ кадетскій корпусъ, прямо заявлялъ, что это опредѣленіе „согласно съ должностію дворянина“ ²⁾. Другіе поступали изъ университета прямо въ военную службу ³⁾. Два представителя самыхъ выдающихся мѣстныхъ фамилій Ѳеодоръ Шидловскій и Григорій Донецъ-Захаржевскій въ прошеніи своемъ заявили, что они оставляютъ университетъ и переходятъ въ военную службу по волѣ своихъ родителей ⁴⁾. Въ 1806 г. Россія, какъ извѣстно, вела борьбу съ Наполеономъ въ союзѣ съ Пруссіей, поддерживая эту послѣднюю. Борьба эта потребовала напряженія ея военныхъ силъ—и правительство рѣшило привлечь въ ряды арміи въ качествѣ офицеровъ и учащееся въ университетахъ дворянство. По одному Высочайшему указу (1806 г.) молодымъ дворянамъ, окончившимъ съ успѣхомъ университетъ и изучившимъ тамъ необходимыя науки, особенно военныя, предоставлено было право, при поступленіи въ военную службу, оставаться въ качествѣ рядовыхъ и подпрапорщиковъ только три мѣсяца, а затѣмъ ихъ производили въ офицеры; другимъ указомъ это право распространялось и на лицъ недворянскаго происхожденія, если только они окончили курсъ въ университетѣ. Въ мартѣ 1807 г. дана была еще и другая льгота: окончившіе курсъ могли являться въ Петербургъ и поступать на самое короткое время въ сухопутные кадетскіе корпуса, а вслѣдъ за этимъ выходить въ офицеры; воспитанники среднихъ учебныхъ заведеній въ возрастѣ не моложе 16 лѣтъ также могли быть безпрепятственно принимаемы въ тѣже корпуса въ разные классы соотвѣтственно ихъ подготовкѣ, а недостаточные даже получать прогоны. Въ заключеніе Государь говорилъ: „Я увѣренъ, что симъ распоряженіемъ достаточно облегчены будутъ благородному юношеству средства ко вступленію въ службу, соотвѣтственно званію, наипаче въ такое время, когда честь и польза государства призываетъ къ

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. (январь — апрѣль; засѣданіе 15 января) 1814 г., май—августъ; засѣданіе 2 іюля.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. 1807 г., № 255/15, стр. 48; намъ извѣстенъ случай, когда и сынъ священника (извѣстнаго Василія Фотіева) перешелъ изъ университета въ кадетскій сухопутный корпусъ (Ibidem, стр. 183).

³⁾ Харьк. универс. архивъ. Дѣло права. 1808 г., № 294/17, стр. 11—12.

⁴⁾ Ibidem, стр. 70 и 220.

службѣ каждаго члена благороднаго сословія, знаменитаго своею любовью и вѣрностію къ отечеству“¹⁾. Это былъ, такимъ образомъ, призывъ съ высоты трона, призывъ, не могшій остаться безъ важныхъ результатовъ — и мы видѣли, что учащаяся молодежь и изъ Харьковскаго университета устремилась въ Петербургъ, въ кадетскіе корпуса.

Гражданская служба привлекала еще болѣе, чѣмъ военная, въ особенности менѣе видныхъ, болѣе недостаточныхъ представителей дворянства и разночинцевъ. И тутъ также молодые люди въ своихъ прошеніяхъ объ увольненіи изъ университета ссылались на волю своихъ родителей²⁾; другіе указывали на свое собственное желаніе и согласіе этихъ послѣднихъ³⁾.

О сильномъ стремленіи къ служебной дѣятельности тогдашней университетской молодежи свидѣтельствуетъ и современникъ проф. Роммель.

„Почти вся молодежь, говоритъ онъ, смотрѣла на занятія, какъ на ступень къ высшимъ чинамъ по службѣ, потому что всякій студентъ, счастливо выдержавшій экзаменъ на кандидата, пользовался правами на 12-й классъ, а магистры и доктора на 9-й и 8-й; эти классы прокладывали дорогу къ высшимъ офицерскимъ мѣстамъ, особенно въ военное время“. Это сообщеніе требуетъ, однако, оговорок. Высшія ученія степени прокладывали дорогу не къ военнымъ, а къ гражданскимъ чинамъ. По крайней мѣрѣ всѣ лица, получившія магистерскую и докторскую степень въ Харьковскомъ университетѣ въ 1-е десятилѣтіе его существованія, или поступили на гражданскую службу или стремились къ ней. Одни изъ нихъ, какъ намъ извѣстно, избрали себѣ ученую карьеру, другіе, не достигнувъ профессуры, посвятили себя педагогическому поприщу въ гимназіяхъ (Любовскій и Любочинскій); третьи поступили на гражданскую службу; таковы были П. И. Дегай, о докторствѣ котораго шли столь сильныя пререканія, бывшій впослѣдствіи статсъ-секретаремъ и сенаторомъ и извѣстный своими сочиненіями по части законовѣдѣнія; А. П. Гевличъ, бывшій потомъ сенаторомъ; В. Θ. Титаревъ, поступившій на службу въ Петербургъ и вскорѣ тамъ умершій; Хлапонинъ и Гессъ-де-Кальве также стремились къ гражданской службѣ, а можетъ быть и дѣйствовали на этомъ поприщѣ (намъ это неизвѣстно). Розальонъ-Сошальскій, хотя и опровергаетъ утвержденіе Потоцкаго о несочувствіи мѣстнаго харьковскаго дворянства къ высшему образованію и приводитъ въ примѣръ своего отца, но тутъ же прибавляетъ, что важнымъ

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло канц. попеч. 1805—1807, № 143/9.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. 1808 г. № 294/17, стр. 38.

³⁾ Ibidem, стр. 65.

двигателемъ въ данномъ случаѣ были расчеты его на служебную карьеру. „Могло быть, говорить онъ, что такому взгляду на образованіе, какое въ тогдашней нашей мѣстности имѣлъ отецъ мой и тѣ, кто одинаково съ нимъ мыслилъ, содѣйствовала весьма естественная и позволительная надежда, что сыновья ихъ, молодые люди съ хорошими способностями, могли, получивъ полное образованіе, пойти по слѣдамъ Сперанскаго, котораго быстрая карьера производила тогда большой эффектъ. Отцу моему однако, если и могла одушевлять его подобная надежда, не удалось видѣть ея осуществленія (оба сына его, кандидаты Харьковскаго университета, не сдѣлали себѣ служебной карьеры; одинъ изъ нихъ служилъ въ гражданской службѣ, другой въ военной)... Разочарованіе моего отца могло быть причиною, почему на мое образованіе уже не было обращено такой заботливости, какъ на старшихъ братьевъ. По отъѣздѣ ихъ въ Петербургъ я учился просто ходя въ учебныя заведенія съ квартиры, безъ иныхъ сопряженныхъ съ издержками пособій“¹⁾. И Ак. Нахимову Розальонъ Сошальскій приписываетъ господствовавшій тогда мотивъ для поступленія въ университетъ — именно желаніе имѣть дипломъ и соотвѣтствовавшій ему чинъ, который онъ будто-бы никакъ не могъ получить вслѣдствіе одной печальной случайности²⁾. Розальонъ Сошальскій говоритъ, что „Нахимовъ не нуждался въ университетскомъ ученіи. Онъ былъ уже человѣкъ лѣтъ за 30, владѣвшій полнымъ по времени образованіемъ, но его заставила крайность пойти въ студенты. Владѣя очень хорошимъ состояніемъ и не имѣя терпѣнія ждать и трудиться для полученія чиновъ, имѣвшихъ въ тогдашнемъ обществѣ большой вѣсъ, онъ, соблазненный какимъ-то проиходой, купилъ подложный патентъ на чинъ капитана, за что былъ судимъ и по приговору исключенъ изъ службы, съ лишеніемъ права вступать, какъ въ военную, такъ и статскую службу. Званіямъ студента, кандидата и магистра (кажется, Нахимовъ и вышелъ съ этою послѣднею степенью) присваивались чины; онъ и воспользовался этою лазейкою. Жилъ онъ въ Харьковѣ не по студенчески, а бариномъ“. Едва-ли этотъ рассказъ можетъ быть признанъ достовѣрнымъ; у насъ по крайней мѣрѣ онъ возбуждаетъ большія сомнѣнія. Мы знаемъ, что Нахимову при поступленіи въ университетъ было 24 года и что онъ не владѣлъ полнымъ образованіемъ, ибо окончилъ только пансіонъ; онъ не былъ магистромъ, а только кандидатомъ; намъ извѣстно также, что у него была любовь къ просвѣщенію и что онъ прекрасно учился

¹⁾ X. Г. В. 1869, № 43.

²⁾ Ibidem. № 44.

въ университетѣ; мы знаемъ его образъ жизни, очень оригинальный и вмѣстѣ съ тѣмъ далекій отъ барства; мы привели выше его стихотвореніе, въ которомъ онъ относится къ полученію кандидатскаго диплома съ отѣянкомъ ироніи; можно, наконецъ, предполагать, что его привлекло въ университетъ не чиновное честолюбіе (ибо онъ вовсе потомъ не пошелъ служить), а литературныя наклонности, дѣйствительно получившія дальнѣйшее развитіе отъ такого авторитетнаго въ то время профессора, какъ П. С. Рижскій.

Утилитарный характеръ цѣлей, преслѣдовавшихся молодыми людьми при поступленіи въ университетъ, долженъ былъ отражаться извѣстнымъ образомъ и на отношеніи ихъ къ отдѣльнымъ предметамъ преподаванія. И это подтверждаетъ тотъ-же Роммель. „Вообще вездѣ, говоритъ онъ, высказывалось преобладающее стремленіе русскихъ къ практическимъ наукамъ, въ особенности къ математикѣ, въ которой они оказывали изумительныя успѣхи. Зато пониманіе высшей философіи и филологіи было почти недоступно имъ. Такъ въ послѣдствіи, при переводѣ однимъ студентомъ на русскій языкъ моего введенія въ дидактику, въ которомъ встрѣчались отвлеченныя понятія: умъ, разумъ, остроуміе и другія душевныя качества, я замѣтилъ, что они сами не понимали тонкихъ отличій своего органическаго, отмѣченнаго печатью древности, языка или же открывали эти отличія только чрезъ сравненіе съ соотвѣствующими корнями нѣмецкихъ словъ“. Это сообщеніе требуетъ оговорокъ. Что касается исключительнаго стремленія русскихъ студентовъ къ практическимъ наукамъ, то оно не вполне подтверждается фактами. Наиболѣе прикладнымъ характеромъ отличался, конечно, тогда, какъ и теперь, медицинскій факультетъ; однако онъ то именно и привлекалъ къ себѣ менѣе всего студентовъ. Затѣмъ едва-ли можно назвать математику практическимъ предметомъ — въ данномъ случаѣ Роммель, очевидно, имѣлъ въ виду естественныя науки; на физико-математическій факультетъ дѣйствительно тогда поступало много молодежи. Но эта же молодежь шла охотно и на этико-политическое, и на словесное отдѣленіе. Сравнивая въ этомъ отношеніи начало XIX в. съ его концомъ, мы замѣчаемъ существенную разницу въ положеніи историко-филологическаго или, какъ его тогда называли, словеснаго факультета; онъ привлекалъ сравнительно съ другими факультетами гораздо большее количество студентовъ, чѣмъ теперь. Самъ Роммель говоритъ, что смена классической древности были брошены имъ не на совсѣмъ бесплодную почву и филологія открыла нѣсколькимъ лицамъ путь къ дальнѣйшему образованію. Что-же касается трудности усвоенія высшей филологіи и философіи, то она объясняется неразработанностью тогдаш-

ного русскаго научнаго языка, и въ этомъ дѣлѣ иностранные профессора, незнавшіе по русски, не могли оказать слушателямъ никакой помощи и поддержки. Однако и тутъ ученики сами по себѣ достигли замѣтныхъ результатовъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить одинъ случай—переводъ на русскій языкъ Комлишинскимъ 5-ти томнаго сочиненія Гизе „Всеобщая химія“. Противорѣчить утвержденію Роммеля и тотъ фактъ, что именно наибольшее количество учениковъ оказалось, какъ мы знаемъ, у проф. Шада по философіи. Правда эти труды не отличаются должною самостоятельностью, но въ нихъ вѣрно передана сущность излагаемыхъ системъ, видно пониманіе этихъ послѣднихъ и замѣтно серьезное увлеченіе спекулятивнымъ мышленіемъ. А тогдашняя Шадовская философія не была проникнута практическимъ или матеріалистическимъ направленіемъ—она была построена, какъ мы знаемъ, на метафизической основѣ. Само собою разумѣется, что и занятіе философіей еще не свидѣтельствовало само по себѣ объ отсутствіи чисто практическихъ цѣлей, которыя преслѣдовались лицами, получавшими высшее университетское образованіе. Мы видѣли, что и самое стремленіе получить магистерскія и докторскія степени у нѣкоторыхъ лицъ вызывалось дѣйствительно желаніемъ облегчить себѣ служебную карьеру. Но справедливость побуждаетъ насъ замѣтить, что были и такія лица, которыя искренне увлекались духомъ научнаго изслѣдованія и стремились къ профессурѣ, которая вполне соотвѣтствовала ихъ вкусамъ и прямо вводила ихъ въ эту атмосферу. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить объ Архангельскомъ, Громовѣ, Павловскомъ...

Въ заключеніе, чтобы выяснитъ размѣры и напряженность научно-литературныхъ стремленій харьковскаго студенчества въ первое десятилѣтіе существованія университета, мы приведемъ извѣстныя намъ о немъ фактическія данныя.

Въ „Періодическомъ сочиненіи о успѣхахъ народнаго просвѣщенія“ помѣщены слѣдующіе труды харьковскихъ студентовъ: 1) „Эстетическія замѣчанія на 17-й псаломъ“ Иванъ Рейзельонъ-Сошальскаго (1809 года № 24); это весьма недурной разборъ, написанный при томъ хорошимъ языкомъ; 2) „Гостомысль, преклоняющій новгородцевъ на избраніе Рюрика“ Николая Архангельскаго, впоследствии профессора математики (Ibidem), образецъ напыщенной риторики на исторической основѣ; 3) Три басни—Живописецъ, Молодой орелъ, Пѣснь лужѣ—Ак. Нахимова; 4) Объ искусствѣ краснорѣчія Николая Токарева (1810 г. № 25, стр. 174—190). Все это были студенческія работы, написанныя, очевидно, подъ вліяніемъ и руководствомъ проф. И. С. Рижскаго и свидѣтельствующія о его сильномъ и благотворномъ вліяніи на учащуюся молодежь.

Нашествіе Наполеона и гибель Москвы настроили патриотически харьковскихъ студентовъ и вызвали появленіе двухъ литературныхъ произведеній въ 1813 г.— „Пѣсни на освобожденіе царствующаго града Москвы“ Степана Юшкова и „Отзыва о патриотизмѣ русскихъ“ Павлова. Первое произведеніе представляетъ интересъ не только для характеристики настроенія молодежи въ то время, но и возвышается надъ другими своими литературными достоинствами; оно написано въ народномъ духѣ и по стилю и размѣру своему напоминаетъ стихотворенія Кольцова. Вотъ его подлинный текстъ ¹⁾.

„Не въ чистомъ полѣ, не въ пустой степи,
Не въ темномъ лѣсу, не въ сыромъ бору,
Да не пташечки, не касаточки
Вкругъ тепла гнѣзда увивались.
А слетались орлы съверны
И сажались вкругъ каменной Москвы—
Вкругъ сердечушка Царства русскаго.
Они думали крѣпку думушку—
Думу крѣпкую, пригорюнившись:
Да когда жъ было на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ—
Храмы Божіи златоглавы
Опустѣли всѣ—службы нѣту въ нихъ?
Не видать въ Москвѣ силы русскія;
Въ свѣтлыхъ теремахъ красныхъ дѣвушекъ;
Не видать по Москвѣ золотыхъ каретъ;
Не слышать совсѣмъ шуму градскаго?
Только видно лишь красно зарево,
Тучи мрачныя дыму чорнаго;
Только слышны тамъ: хреставень да трескъ,
Вздохи тяжкіе, вопли смертные!!
Какъ возговорить могучи орлы:
Не прогнѣвался ль православный царь,
Не губить ли Онъ каменну Москву?
Да не быть тому, не бывать во вѣкъ,
Чтобы батюшка православный Царь
Таѣ прогнѣвался на дѣтей своихъ.
И не слыхано, и не видано,

¹⁾ Мы нашли его въ Императорской публичной библіотекѣ; къ сожалѣнію, сочиненія Павлова намъ не удалось розыскать нигдѣ.

Чтобы кроткой Царь крѣпко гнѣвался,
 Чтобы нашъ Отецъ такъ каралъ дѣтей!
 Видно матушку каменну Москву
 Разорилъ злодѣй—непріятель нашъ—
 Непріятель нашъ—Бонапартъ лихой!
 Да и что-жъ ему сдѣлалъ русскій Царь?
 Никому нашъ Царь не завидовалъ
 И на царства онъ не ходилъ войной.
 Всѣхъ царей чужихъ онъ за братьевъ чтеть;
 Любить подданныхъ, какъ отецъ дѣтей,
 Видно варвару много надобно,
 Видно извергу невмѣстимъ весь свѣтъ!
 Бога вышняго онъ совсѣмъ забылъ,
 Православнымъ всѣмъ онъ присяжный врагъ.
 Ужъ какъ слышно намъ: Бонапартъ злодѣй
 Не однихъ скворцовъ на Москву пустилъ,
 А привелъ онъ съ собой и гусей и грачей
 И чижей и синицъ, воробьевъ, журавлей
 И сорокъ и воронъ, коршуновъ и сычей,
 Вислоухихъ совъ и почныхъ филиновъ
 Да и тѣхъ дураковъ: полевыхъ дудаковъ.
 Такъ возможно ли могучимъ орламъ,
 Могучимъ орламъ—орламъ сѣвернымъ
 Таковую дрянъ на себя пустить?!
 Слово молвлено—дѣло сдѣлано,
 Не густой туманъ подымается;
 Не черны тучи собираются;
 Не лѣса шумятъ, не моря кипятъ,
 Поднялись орлы, орлы сѣверны
 На безчисленны стада мелкихъ птицъ,
 Гдѣ орелъ махнетъ—ляжетъ стадо птицъ;
 А гдѣ два и три—тамъ и смѣты нѣтъ!!
 Какъ поднялся крикъ да отъ мелкихъ птицъ.
 Бонапартъ злодѣй! Ты ушатой сычъ!
 Ажно межъ орловъ ты летуча мышъ:
 Да зачѣмъ ты насъ мелкихъ пташечекъ
 Ты завелъ въ Москву—на святую Русь?
 Поднялися стада и грачей и сорокъ,
 Полетѣли стада, куда Богъ унеси!
 Неоглядкой летятъ, темны ночи не спятъ;



Профессоръ Христофоръ Роммельъ.